ASOCIAȚIA MOLDOVENEASCĂ DE ŞTIINȚĂ POLITICĂ
UNIVERSITATEA DE STAT DIN MOLDOVA
UNIVERSITATEA DE STUDII POLITICE ŞI ECONOMICE EUROPENE "CONSTANTIN STERE"

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.4 (LXIII), 2013

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

CHIŞINĂU – 2013

MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.4 (LXIII), 2013. - Chişinău: USM, USPEE, AMSP, 2013. – 200 p.

versiunea electronică:
http://usm.md/cercetare/reviste/moldoscopie/

ISSN 1812-2566

S U M A R

SUMMARY

COMPARTIMENTUL
ISTORIA, TEORIA SI METODOLOGIA STIINTEI

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ТЕОРИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА И ЕЕ РЕЛЕВАНТНОСТЬ СОВРЕМЕННЫМ МИГРАЦИОННЫМ ПРОЦЕССАМ

Александр СВЕТЛОВ
Украина, Киев, Национальный университет им. Т.Шевченко, социологический факультет
Аспирант

A couple of Sorokin's social mobility theory standings from their correspondence to the modern migration processes contemplation is observed in this article. It is supposed that revelation of the theory validity level to the migration shifts may stimulate consolidation of different directions of theory and generating a comprehensive approach to the different types of individual mobility.

В статье рассматривается ряд положений теории социальной мобильности П.Сорокина с точки зрения их соответствия современным знаниям о миграционных процессах. Автор считает, что выявление степени релевантности данной теории миграционным перемещениям может способствовать консолидации разных теоретических направлений и формированию комплексного подхода к различным видам мобильности индиивидов.

Исследования миграции в науке имеют долгую историю и представлены многочисленными работами, посвященными как теоретическим вопросам, так и анализу эмпирического материала. В частности, в рамках социологического подхода к миграционным исследованиям, заметное место занимают разработки, основанные на идеях Питирима Сорокина. Ученые вновь и вновь обращаются к его наследию, а во многих учебниках социологии почти дословно излагаются положения его теории социальной мобильности.

Вместе с тем, современные исследования социальной мобильности, за редкими исключениями, практически оставляют без внимания тему миграций, а исследователи миграционных процессов редко связывают свои выводы с теорией социальной мобильности. Среди таких исключений в отечественной и зарубежной социологии можно назвать работы С.Макеева [1], Н.Ковалиско [2], Т.Файста [3].

Однако современные социологические концепции и социальная практика требуют синтеза разнообразных классических и современных подходов, что, по мнению некоторых авторитетных специалистов, позволит более объективно и содержательно изучать общество [4, с.290].

На наш взгляд, причины и возможности преодоления разрыва в подходах к изучению миграции и других форм социальной мобильности – актуальная научная проблема.

Целью данной статьи является поиск возможных путей (по крайней мере, некоторых из них) формирования комплексного взгляда на разные виды мобильности индивидов. Считаем, что выявление степени валидности теории социальной мобильности П.Сорокина современным представлениям о миграции может способствовать консолидации разных теоретических направлений.

Следует отметить, что истоки слабого внимания к теории социальной мобильности со стороны исследователей миграции в определенной мере заключены в самих работах П.Сорокина, который неоднократно отделял миграцию от социальной мобильности. При этом он никак не обосновывал такое разделение двух вариантов перемещения в социальном пространстве.

Миграция в работах П.Сорокина играет роль выхода из конфликтной ситуации разделения группы, при котором часть членов с одними шаблонами взаимоотношений отделится от другой, также имеющей одинаковые шаблоны, и перемещается на другую территорию [5, с.276]. Кроме того, миграция рассматривается П.Сорокиным как одно из проявлений «импульсов свободы», подавление которых приводит к социальному взрыву [5, с.279]. В качестве примера разделения понятий социальной мобильности и миграции приведем следующую цитату: «Общая динамическая социология исследует а) повторяющиеся социальные процессы, такие, как социальный контакт, взаимодействие, социализация, конфликт, господство, подчинение, адаптация, амальгама, миграция, мобильность…» [5, с.173].

В определенной степени такое разделение стало традиционным для дальнейших исследований в сферах миграции и социальных перемещений, хотя в некоторых современных работах и появляется понимание миграции как отдельного вида социального перемещения [2].

Кроме того, разделяя основные направления перемещения в социальном пространстве на вертикальные и горизонтальные, П.Сорокин относит территориальные перемещения именно к горизонтальным, то есть таким, при которых не происходит изменение социального статуса индивида в вертикальной плоскости [5, с.373-375]. Вслед за П.Сорокиным такое отно-

шение к миграции повторяется и в ряде работ современных исследователей [6].

По нашему мнению, исток такого отношения П.Сорокина к территориальным перемещениям заключается в определении того пространства, в котором он рассматривает явление социальной мобильности.

На первый взгляд, оно несколько противоречиво. С одной стороны, у П.Сорокина «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли» [5, с.373], то есть это пространство покрывает всю заселенную территорию земного шара. С другой стороны, пространство, в котором он строит модель процесса социальной мобильности, – это отдельная условная часть пространства-вселенной. При этом П.Сорокин абстрагируется от многообразия внешних по отношению к данному участку пространства факторов и связей, и, в первую очередь, от геометрического пространства. Такой подход дает основания современным исследователям утверждать, что «работы П.Сорокина по проблеме социального пространства оказали очень неоднозначное влияние на социологию. С одной стороны, они создали предпосылки для исследования проблем социальной мобильности, но, с другой стороны, закрепили в науке понимание социального пространства только как одного из аспектов социальной структуры. Проблема физического пространства в социологии благодаря влиянию Сорокина надолго была маргинализирована» [7, с.66].

Но кроме узкого участка социального пространства, выделенного для анализа и построения модели процессов социальной мобильности, которое он действительно отделяет от физического пространства, в работах Сорокина достаточно явно присутствует и пространство географическое. Это становится очевидным, если обратить внимание на тот факт, что многие понятия, которыми он пользуется в своей теории, имеют четкую привязку к территории. Такие понятия как «популяция», «народонаселение», «государство», «общество», «страна», «поселение», «город» и другие в самих определениях включают локализацию на ограниченной территории.

Кроме того, П.Сорокин постоянно и настойчиво акцентирует внимание на том, что разные участки пространства (страны, общества и т.п.) имеют различные характеристики, влияющие на протекание процессов социальной мобильности. Например, «Интенсивность и всеобщность вертикальной социальной мобильности изменяется от общества к обществу, то есть в пространстве» [5, с.379], или его выводы о характеристиках стратификации, которые изменяются от страны к стране, от одного периода времени к другому, и многие другие.

Таким образом, обозначив глобальное социальное пространство – народонаселение Земли, которое разделено на страны и другие террито-

риальные общности, П.Сорокин, по вполне понятным причинам, основное внимание уделяет пространству своей модели.

Как следствие, понятие социальной дистанции он определяет только через расстояние между пластами в пределах модели и не дает подсказок в отношении его экстраполяции при сравнении пластов в стратификации разных обществ. При этом понятие границ разных территориальных общностей полностью выпадает из его теоретических построений.

Современные исследователи в большинстве случаев рассматривают разные виды социальной мобильности (межгенерационную, профессиональную, политическую и другие) в пределах социального пространства, аналогичного сорокинскому пространству модели. В результате миграционные процессы практически не попадают в поле зрения теоретических и эмпирических исследований социальной мобильности. А в тех случаях, когда они все же становятся объектом изучения при исследовании социальных перемещений, анализу подвергается преимущественно только этап интеграции мигрантов в новом обществе.

С учетом специфичных параметров модели пространства, в которой П.Сорокин формулирует основные подходы к пониманию социального перемещения, миграция осознается только как способ получения доступа к новым каналам социальной мобильности, а само территориальное перемещение становится одними из этапов перемещения социального.

Аналогичное отношение к процессу миграционного перемещения характерно и для большинства теоретических подходов к изучению миграции. Положение Л.Рыбаковского о трех стадиях миграционного процесса – исходной или подготовительной, основной или собственно перемещения и заключительной [8] (у Л.Рыбаковского последняя стадия - «приживаемость», но часто употребляются термины «адаптация» и «интеграция», хотя все три термина несколько различаются по сути) - признанное большинством исследователей основание для рассмотрения этих процессов [9, с.24].

В теории социальной мобильности П.Сорокина миграция как отдельный этап социального перемещения достаточно четко связана с этапом формирования потенциала мобильности, необходимого для такого перемещения, и с причинами, ее побуждающими. Однако, следующий этап – социальное перемещение в новой пространственной системе – практически оторван от предыдущих стадий процесса.

Но такая же тенденция присуща и миграционным исследованиям. Это достаточно хорошо просматривается в современных определениях миграции, в частности международной. Например, в соответствии с широко применимым определением В.Ионцева, «международная миграция населе-

ния представляет собой территориальные (пространственные) передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленным различными факторами (семейными, национальными, политическими и другими), или с пребыванием в стране въезда, имеющем долгосрочный (более 1 года), сезонный и маятниковый характер, а также с циркулярными поездками на работу, отдых, лечение и тому подобное» [10, с.5]. Как видим, в определение внесены довольно четкие темпоральные ограничения в вопросе с какого момента индивид считается мигрантом. Аналогичные темпоральные признаки присутствуют и в других распространенных определениях миграции [11; 12]. Очевидно, что при таком подходе миграция в восприятии многих ученых – это не столько процесс перемещения, сколько процесс интеграции в новую социальную среду.

Разделение миграционного процесса на три стадии – исходную, основную и заключительную – с одной стороны, дает возможность уделить отдельное внимание каждой из них, поскольку очевидно, что каждая стадия имеет свои качественные особенности и требует специфического инструментария и отдельного анализа. С другой стороны, сосредоточенность на изучении каждого этапа вытеснило понимание миграции как единого социального процесса.

Создается впечатление, что отдельные этапы миграционного процесса уже сформировались в отдельные научные проблематики. Научные результаты, достигнутые в одной из них практически не сопоставляются с теорией процесса в целом и не добавляют четкости общей картине. При сопоставлении разных этапов миграции как объектов исследования, довольно четко видно, что темы научных разработок концентрируются на стадии, проблемной для заказчика. Так, работы по причинам выезда распространены в обеспокоенных этим явлением странах-донорах, тогда как исследования по интеграции мигрантов - в странах-реципиентах. Кроме того, существует зависимость направлений исследования от приоритетов и, соответственно, финансирования различных фондов и организаций, причем эта зависимость характерна не только для украинских, но и для европейских и американских исследований [13].

Этап собственно перемещения, хотя и назван Л.Рыбаковским основным, но относится к тем, которые в наименьшей степени интересуют как современных исследователей социальной мобильности, так и исследователей миграции.

Этот этап процесса перемещения в какой-то мере описан П.Сорокиным через механизмы социальной циркуляции. Он пишет: «Поскольку вертикальная мобильность присутствует в той или иной степени в любом обществе и поскольку между слоями должны существовать некие "мем-

браны", "отверстия", "лестницы", "лифты" или "пути", по которым позволительно индивидам перемещаться вверх или вниз из одного слоя в другой, то правомерно и нам было бы рассмотреть вопрос о том, каковы же в действительности эти каналы социальной циркуляции» [5, с.393]. Функции таких каналов выполняют социальные институты, важнейшими из которых являются: армия, церковь, школа, политические, экономические и профессиональные организации. Собственно процесс прохождения через эти механизмы, для тех индивидов, что попали в зону их действия, и можно рассматривать как процесс перемещения от стартовой до конечной позиции.

Характеристики этих перемещений определяются механизмами социального тестирования, отбора и распределения индивидов внутри различных социальных страт.

Практически те же самые институты выполняют и функции контроля за вертикальной мобильностью. Формулируя их характер и задачи, П.Сорокин уточняет: «так как при нормальных условиях социальная циркуляция не носит неупорядоченного характера, то вероятно предположить, что в любом обществе существует особый механизм, контролирующий процесс вертикальной циркуляции. Этот контроль заключается, во-первых, в тестировании индивидов для установления адекватного выполнения ими социальных функций; во-вторых, в селекции индивидов для определенных социальных позиций; в-третьих, в соответствующем распределении членов общества по различным социальным слоям, в их продвижении или деградации. Другими словами, внутри стратифицированнного общества существуют не только каналы вертикальной стратификации, но и своего рода "сито", которое просеивает индивидов и определяет им то или иное место в обществе». [5, с.405]

В миграционных исследованиях этот этап практически не рассматривается. Исключение составляют лишь каналы нелегальной миграции, преимущественно в контексте борьбы с организованной преступностью и пограничного контроля. Конечно, полет в самолете достаточно скучен, как объект приложения мысли социолога, но ведь уже в теориях макроуровня появляется понимание, что от технических средств и доступа к ним напрямую зависят интенсивности большинства трансферных процессов (и миграции в том числе). К тому же есть еще и период в полгода – год, пока мигрант еще не признан таковым с точки зрения теорий, апеллирующих к интеграции.

Но мы, ставя задачу найти описание миграционного перемещения в теориях социальной мобильности, вынуждены констатировать, что положения этих теорий не содержат ответ на вопрос, кто же такой мигрант в период между двумя условно изученными точками. Если мы говорим о пере-

мещении в географическом пространстве, то всегда можем указать его местоположение в конкретный момент времени, а не только в исходных и конечных точках. В данный момент мы не имеем таких же возможностей, описывая перемещение объекта в социальном пространстве.

В работах Сорокина основной упор делается на рассмотрение вертикальной мобильности. Однако, несмотря на относительно высокий интерес к этой проблематике и в работах авторов последующих периодов, вопрос описания социальной мобильности индивида хотя бы по вертикали, при переходе между разными обществами остается весьма сложным и дискуссионным. Анализ такого перемещения затрудняет ряд факторов. В частности, разные общества отличаются одно от другого иерархической структурой ценностей, из-за чего в этих обществах одни и те же классы или группы могут занимать неидентичное положение в иерархии. К тому же, при миграционном перемещении статус индивида становится дихотомичным. С одной стороны, он соотносит себя с конкретной социальной группой, в которую пытается попасть. Но пока он не будет этой группой принят (или, говоря языком П.Бурдье, не будет связан с ресурсом выбранного локуса), это будет лишь его субъективное восприятие. С другой же, - он фактически принадлежит к группе мигрантов, что очевидно и совершенно объективно.

Многие исследователи миграции отмечают, что перемещение в другую страну приводит к нисходящей социальной мобильности, другие, как например Б.Рубл, считают, что есть все основания думать, что наиболее часто встречаются примеры мобильности горизонтальной, так как частные предприниматели остаются частными предпринимателями [14, с.270]. Широкое распространение получила сейчас тенденция оценки возможностей социальной мобильности мигрантов исходя из значительного объема денежных переводов, посылаемых ими на родину. Благодаря переводам их социальный статус на родине может меняться. Но на наш взгляд, однако, надежной методики проведения сравнительного анализа социального статуса мигранта в пункте выезда с его статусом в пункте прибытия пока не существует.

Важным, с точки зрения подходов к изучению миграции, является положение теории П.Сорокина о том, что «восходящие течения существуют в двух основных формах: *проникновение* индивида из нижнего пласта в существующий более высокий пласт; или *создание такими индивидами новой группы и проникновение всей группы в более высокий пласт на уровень с уже существующими группами этого пласта.* Соответственно и нисходящие течения также имеют две формы: одна заключается в падении индивида с более высокой социальной позиции на более низкую, не разрушая при этом исходной группы, к которой он ранее прина-

длежал; другая форма проявляется в деградации социальной группы в целом, в понижении ее ранга на фоне других групп или в разрушении ее социального единства» [5, с.375].

Что касается миграции, то в большинстве принимающих стран сообщества мигрантов сформировались уже давно и новоприбывшие индивиды прежде всего проникают в соответствующую группу. Именно в группе соотечественников, как правило, происходит первичная интеграция мигранта в новом пространстве.

Исходя из основных представлений о социальном перемещении, очевидно, что индивид, меняя страту, меняет и образ жизни, мысли, действия (ну и ценности), тем более эти изменения существенны, когда новая страта - часть другого общества. Перемещение в группу соотечественников, с одной стороны, облегчает процесс интеграции. В тоже время П.Сорокин приводит несколько примеров в доказательство того, что если в группе существуют различия в восприятии основополагающих ценностей, то существуют только два выхода – разделение группы либо борьба (на уничтожение или до принуждения к конформизму). Это дает некоторые вариации в возможном способе и следствиях социального перемещения индивида. Особенно при одновременном географическом перемещении, связанном с вхождением в зону контроля других институтов и социальных групп. Безусловно, на определенном этапе индивид теряет часть социального капитала. Эта потеря не обязательно связана с определенными затратами, просто часть социального капитала имеет ценность только в определенном регионе. Так, в родном селе его происхождение что-то значило, но в процессе географического перемещения в большой город часть информации и связей просто потеряли значение из-за удаленности от локуса, где были актуальны (возможно, даже служили ресурсом). Но оставшиеся элементы могут быть и не отброшены по прибытии в новый локус. Вдоволь подобных примеров могут дать арабские анклавы во Франции или чайнатауны в крупных западных городах.

Итак, индивид вливается в группу, а группа формирует свою социальную позицию в чужом для нее обществе. Однако, изучая интеграцию мигрантов, исследователи редко имеют возможность детально вникнуть во внутреннюю структуру группы, а поэтому не полно представляют себе процесс интеграции во всей его сложности. Как отмечает В.Судаков, важным атрибутивным фактором процесса социальной интеграции является его острая внутренняя противоречивость – то есть специфическая антиномичность. Недооценка или умышленная иллиминация данного фактора приводит к грубой теоретической ошибке, которая проявляется в попытках односторонних доказательств, будто процессу социальной интеграции как онтологическому процессу общественной жизни свойственно наличие

упорядоченного, бесконфликтного отношения между социальными субъектами (индивидами, организациями, государствами и т.д.) [15, с.10].

Интеграция в новое общество через группу земляков известна в основном благодаря исследованиям международной миграции. Что касается того, создают ли такие группы мигранты внутренние, мы практически ничего не знаем. Влияние общностей, созданных международными мигрантами, все возрастает. Уже были случаи, когда, не имея собственного права голосовать, они явно повлияли на электоральные процессы, а это только одно из множества проявлений интеграции новых индивидов в относительно стабильные социальные общности.

Таким образом, рассмотрев некоторые положения теории социальной мобильности П.Сорокина, мы можем провести множество параллелей между социальными и миграционными перемещениями, что подтверждает понимание миграции как отдельного вида социальной мобильности.

Таким образом, одной из причин, положившей начало отделению исследований миграции от изучения других видов социальной мобильности, стала определенная двойственность понятия социального пространства. При этом сорокинское пространство-модель, базовое для современных исследований социальной мобильности, не может отразить миграционное перемещение по определению. А вот пространство-вселенная, полностью адекватное глобалистическим представлениям, - это именно то пространство, в котором миграционные перемещения могут быть отражены наиболее полно. Однако это пространство П.Сорокиным скорее постулируется, тогда как описание миграционного процесса требует большей детализации, особенно с точки зрения взаимодействия социального и географиического пространства. Вместе с тем, развитие пространственной тематики в работах Бурдье, Филиппова, Малес и других практически не связано с проблематикой социальных перемещений.

За пределами данной статьи остался еще значительный эвристический потенциал теории социальной мобильности П.Сорокина, который содержится как в основных ее положениях, так и в примерах и уточнениях.

Объединение потенциала теории П.Сорокина и ее развития в последующих исследованиях социальной мобильности с теориями социального пространства и миграции может дать ответы на многие дискуссионные вопросы в сфере изучения миграции. Например, уточнить базовое определение мигранта, не используя приблизительные и спорные временные (темпоральные) рамки, четко отмежевать категории «турист» и «мигрант» и, в конце концов, определиться с социальной природой миграции. Важно также, что такое объединение позволит обеспечить целостный подход к изучению миграционного процесса.

Следовательно, обнаруживается довольно обширное предметное поле, явно недооцененное, хотя и частично исследованное.

Исходя из вышеизложенного, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что основные положения теории социальной мобильности Питирима Сорокина вполне релевантны миграционным процессам и их современному осмыслению. Более того, анализ миграционных перемещений в категориях этой теории может способствовать углублению понимания социальной сущности миграции и формированию новых направлений в изучении данного вида социальной мобильности.

Литература

1. Макеев С.А. Социальные перемещения в крупном городе. - АН УССР. Ин-т философии; Отв. ред. В.И.Тарасенко. – Киев: Наук. Думка, 1989.
2. Ковалiско Н. Сучасні типи соціальної мобільності населення. // Соціальна психологія. 2007, №2(22), с.48-60.
3. Faist T. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Spaces. - New York: Oxford University Press, 2000
4. Новые социальные неравенства. / Под ред. С.Макеева. – Киев: Институт социологии НАН Украины, 2006.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю.Согомонов: Пер. с англ. – Москва: Политиздат, 1992.
6. Мацко І.В. Соціальна мобільність та іммобільність: визначення понять та традиція вивчення // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. - Харків: ВЦ Харківського національного ун-ту ім. В.Н.Каразіна, 2008, с.123-125.
7. Кононов И.Ф. Социология и проблемы пространственной организации общества. // Социология: теория, методы, маркетинг, 2004, №4, с.57-77.
8. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. / Отв. ред. Т.И.Заславская; АН СССР, Ин-т социол. исслед. – Москва: Наука, 1987.
9. Малиновська О.А. Мігранти, міграція та Українська держава: аналіз управління зовнішніми міграціями / О.А.Малиновська. - Київ: НАДУ, 2004.
10. Ионцев В.А. Международная миграция. – Москва: М-во по делам федерации, нац. и миграц. политики Рос. Федерации, 2001. – Вып. 3. Прил. К журн. «Миграция в России».
11. Hammar T. International Migration, Immobility, and Development: Multidisciplinary Perspective. - Oxford; New York: Berg 1997.

12. Денисенко М.Б., Ионцев В.А., Хореев Б.С. Миграциология. / МГУ им. М.В.Ломоносова; экон. фак.; Центр изучения проблем народонаселения – Москва, 1989.
13. Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. Под ред. Ж.Зайончковской, И.Молодиковой, В.Мукомеля – Центр миграционных исследований – Москва, 2007
14. Рубл Б. Капітал розмаїтості. Транснаціональні мігранти в Монреалі, Вашингтоні та Києві. [пер. з англ. Т.Цимбала, А.Кулька]. – Київ: Критика, 2007.
15. Судаков В.І. Сучасна соціологічна теорія: проблема пояснення інтегративних засад суспільного життя. // Соціологія і соціальні трансформації: Матеріали IV Міжнародної конференції студентів та молодих науковців. Київ: Київський національний університет імені Тараса Шевченка 8-9 грудня, 2011р. / Під ред. д. соц. н., проф. В.І.Судакова. – Київ: Логос, 2012.

Представлена в редакцию
12 октября 2013 года

Рецензент – ***Анжела КОЛАЦКИ***, доктор социологических наук, доцент

COMPARTIMENTUL
GUVERNAREA POLITICĂ SI ADMINISTRAREA PUBLICĂ

СТАНОВЛЕНИЕ МОЛДАВСКОЙ ДИАСПОРЫ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВЫ

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинэу, Молдавский государственный университет, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра политологии
Доктор-хабилитат политических наук, профессор, заведующий кафедрой

The following article researched the conditions under which Moldovan Diasporas are formed. It contains information on both historic and contemporary conditions. The author tells us about the main ways of researching the topic. The main directives of the Moldovan politics, regarding the Diasporas, are revealed. Topics such as: the provision of free movement; entering and leaving the country; mobility and circular migration; return and reintegration of migrants; working with Diasporas, are only a few of the major topics of contemporary migration policy, that are presented here.

Исторический контекст.

В отличие от других стран постсоветского пространства Молдова ранее не сталкивалась с феноменом диаспоры, что объясняется спецификой исторического и культурного развития молдавского государства и общества.

- Молдаване, эмигрировавшие в Румынию в межвоенный период (1918-1940 гг.) и во время II Мировой войны (1941-1944 гг.), интегрировались, не сохраняя своей особой идентичности в румынском государстве. В условиях непростых отношений Советского Союза и Румынии в послевоенный период власти Советской Молдавии также не были заинтересованы в связях с Румынией, румынскими гражданами, выходцами из Бессарабии и их потомками.

- Молдавские эмигранты (уроженцы Молдавии, Бессарабии, Левобережья) в досоветский и советский периоды ассимилировались в странах эмиграции (Румыния, США, Израиль, Германия). Редкий случай фиксированной связи со страной выхода (эмиграции) на новой исторической родине – общество бессарабских немцев (ФРГ), имевшее историческую подоплеку в принудительной высылке Советским Союзом жителей края немецкой национальности в Германию (в соответствии с секретными протоколами па-

кта Молотова-Риббентропа) в 1940 году. Однако их связей с Советской Молдавией фактически также не существовало.

- массовые миграции молдаван, других уроженцев Молдавии в рамках единого государства - Советского Союза - не сопровождались формированием диаспоры, установлением связей между молдавскими сообществами в других регионах СССР с республикой. Молдавское население Украины (Одесская, Черновицкая, Закарпатская области) и России (Кубань, Дальний Восток, Тюмень, Забайкалье) не ощущало себя молдавской диаспорой.

Современный контекст

Процесс формирования молдавских сообществ за рубежом начинается с обретением независимости (с 1991 года), свободой выезда за рубеж (эмиграция, женитьба, воссоединение семей, учеба и др.). Массовый характер этот процесс начинает приобретать со второй половины 90-х годов XX века, с развитием международной трудовой миграции молдавского населения в Россию и страны Европейского Союза, Израиль. Формирующиеся молдавские сообщества трудовых мигрантов; студенческие землячества; неправительственные организации выехавших на ПМЖ эмигрантов, ставят своей целью сохранить национально-культурную, религиозную и языковую идентичность выходцев из Республики Молдова и молдавских граждан за рубежом, установить и упрочить связи между этими людьми.

Значительно время этот аспект в формировании молдавских сообществ за рубежом не увязывался со становлением молдавской диаспоры. Причина была в том, что, ***во-первых***, результаты социологических исследований свидетельствовали об очень высоких показателях репатриционных настроений среди молдавских трудовых мигрантов: более 90% в России как эпицентре СНГ (постсоветской региональной миграционной системы) и около 80% в странах Европейского Союза (второй по привлекательности региональной миграционной системы). Молдавские граждане, участвующие в международной трудовой миграции, хотели вернуться домой, видели себя, свое будущее только в Молдове.

Это объяснялось тем, что молдавские трудовые мигранты выезжали в зарубежье не на ПМЖ, а на заработки. Соответственно жизненные планы, стратегии и ориентации включали в себя в качестве основного, главного и конечного результата трудовой миграции возвращение на родину после определенного периода пребывания за рубежом (год, два, пять…). Реализация этой цели обуславливалась материально-финансовыми причинами (помочь выжить своей семье, заработать денег на дом / квартиру, обустроить жилье, купить машину, открыть собственный бизнес, дать образование детям, накопить денег на старость и «черный день», поправить здоровье и

т.д.). При этом свое возвращение трудовой мигрант определял, исходя из соответствия собственных усилий и действий к планируемому (заранее намеченному им же) результату.

Во-вторых, эмпирические социологические исследования проводились внутри страны, в Республике Молдова. Если на первых порах это было верно, то постепенно стали выявляться методологические упущения подобного подхода, в основе своей ориентированного на изучение временной, в первую очередь, сезонной трудовой миграции. Однако, практика показала (и это фиксировали опросы), что значительная часть трудовых мигрантов не возвращалась в страну, оставалась в силу различных причин за рубежом более года, превращаясь тем самым в трудовых эмигрантов.

В-третьих, процессы складывания молдавской диаспоры в зарубежье оказались латентными для исследователей и по причине того, что интеграция молдавских трудовых мигрантов в принимающее общество не носила очевидного характера как вследствие того, что значительная масса мигрантов обладала нелегальным / неурегулированным статусом пребывания и трудовой деятельности в стране приема. В силу этого, влияние различных механизмов интеграции, предлагаемых государствами Европейского Союза мигрантам (гражданство, доступ к образованию, рынок труда и трудовая мобильность, политическое участие, долговременный легальный статус, приобретение собственности и др.), оказалось незначительным.

В-четвертых, новые нюансы в процессах молдавской международной трудовой миграции. Со второй половины первого десятилетия XXI века, происходит изменение каналов проникновения (на смену туристической визе пришел трудовой контракт) и пребывания в ЕС (урегулированный статус проживания и трудовой деятельности) расширились возможности для получения долговременного статуса и гражданства. Многие трудовые эмигранты по продолжительности легального пребывания и трудовой деятельности стали реально претендовать и добиваться гражданства стран приема (в первую очередь, в Португалии).

В этих условиях и трудовые мигранты при объяснении своих планов по возвращению домой также вносят коррективы. Репатриация переносится на будущее, при этом в неопределенной перспективе. Эта пролонгированность нередко объясняется учебой детей в образовательных заведениях страны пребывания, наличием кредитов на жилье / автомобиль, необходимостью их выплат (погашения).

На смену однозначно материально-финансовым причинам возвращения добавляются, становятся доминирующими социетальные причины, обусловленные эффективностью функционирования демократической политической системы и рыночной экономики. То есть, свое возвращение трудовой мигрант определяет, исходя не только из соответствия своих со-

бственных усилий, но и соответствия усилий / действий молдавских властей к ожидаемому им (молдавским гражданином) результату. При этом и сам результат, в свою очередь, также эволюционировал, усложнился под воздействием реальной практики страны приема, ее восприятия ***легальным*** мигрантом. Человек вносит новый элемент в свою мотивацию возвращения: Молдова должна приближаться по своему образу, привлекательности - ***быть сравнимой*** - со странами ЕС.

Происходят подвижки и в исследованиях. Исследование молдавской миграции выходит за рамки только «национального поля». Проводятся исследования в Молдове и в странах приема. При этом продуктивным по новизне вывода оказалось параллельное исследование трудовых мигрантов в Молдове и в стране приема, осуществленное молдавскими и иностранными учеными. Благодаря этому удалось установить, что «исследуются два совершенно разных контингента трудовых мигрантов» [25]. Используя принцип «кометы», мы определили эти контингенты следующим образом: первый - «ядро кометы» (опрошенные молдавские трудовые мигранты в стране приема – в основном формирующаяся / становящаяся диаспора) и второй - «хвост кометы» (молдавские граждане, опрошенные на родине, в стране исхода – в основном циркулярные мигранты, «сезонники»).

Исследование проблематики диаспоры

Исследование проблем диаспоры и развития является новой, актуальной, но в то же время и малоисследованной темой. Как мы отметили выше, это было обусловлено отсутствием, неразвитостью самого объекта исследования.

Начало рассмотрения проблем диаспоры было положено государственными структурами Молдовы в 2000 году, когда появился президентский указ, касающийся работы с уроженцами Молдовы, проживающими за рубежом [1].

Первую попытку проанализировать процесс формирования молдавской диаспоры сделали А.Маргаринт и А.Морозан. Они указали на роль трудовой миграции в появлении многочисленных молдавских сообществ за рубежом, показали деятельность молдавских властей по поддержке молдавских граждан, находящихся вне Молдовы [16, с.29-42]. Несколько ранее, в том же 2006 году П.Кабаченко охарактеризовал роль интернета в развитии транснациональных мигрантских сетей и диаспоры [11].

Отметим работу Р.Шварца (Израиль), который в 2007 году в рамках проекта Международной Организации по Миграции исследовал процесс формирования (сильные и слабые стороны) молдавских сообществ и диаспоры за рубежом на примере Израиля, Италии и России. Сознавая расплывчатость и неопределенность современной молдавской диаспоры, автор,

справедливо объединил в единое целое молдавские сообщества за рубежом и диаспору, полагая, что на данной стадии развития феномена вряд ли уместно использование общепринятых подходов анализа диаспоры.

Используя методологию Р.Шварца, В.Мошняга и Р.Русу исследовали существующие определения диаспоры, сделали попытку комплексного анализа формирующейся молдавской диаспоры, раскрыли основные направления молдавской миграционной политики в области поддержки молдавских сообществ и диаспоры за рубежом [17, с.91-104].

В 2011 году появляется книга В.Мошняги, В.Морару, Г.Руснака, В.Цуркана, посвященная вопросам молдавской трудовой миграции в Италию. Это было комплексное исследование молдавских сообществ в Италии, осуществленное как в Молдове, так и в Италии, на основе интервью с трудовыми мигрантами и экспертами, изучения молдавской и итальянской статистики. Большое внимание было уделено вопросам интеграции молдавских граждан в Италии (владение языком; занятость на рынке труда; образование; статус пребывания; гражданство; социальные взаимодействия как в стране приема, так и с родиной, Республикой Молдова. Несомненным достоинством данной работы явилось то, что в приложении были помещены тексты проведенных интервью [21].

В 2012 году увидела свет книга В.Морару, В.Мошняги, Г.Руснака посвященная комплексному анализу миграционных процессов и миграционной политики молдавского государства за период 1990-2011 годов. Значительное место в работе уделено рассмотрению миграционной политики в области диаспоры. Представляет интерес глава, посвященная вопросам возвращения трудовых мигрантов из ЕС на родину в условиях мирового финансового кризиса. Данная проблема рассматривается на основе проведенных качественных интервью с молдавскими гражданами за рубежом [15].

Отметим также статью В.Мошняга, В.Цуркан, посвященную вопросам интеграции молдавских трудовых мигрантов в странах ЕС. Используя методологию MIPEX по политике интеграции мигрантов, авторы, опираясь на результаты качественных социологических исследований, подробно анализируют молдавские сообщества в странах ЕС, рассматривают различные аспекты интеграции (язык; доступ на рынок труда и мобильность; воссоединение семьи; доступ к образованию; политическое участие, долговременный статус проживания; гражданство; социальные взаимодействия, антидискриминация. В статье освещается индекс интеграции миграционных политик в различных странах ЕС [19, с.111-149].

Представляют серьезный интерес также и исследования в рамках проектов CARIM-East (Eastern Neighbourhood) Центра Миграционной Политики Европейского Университетского Института (г. Флоренция, Италия) в 2011-2013 годы. В рамках этих проектов анализировались различные аспе-

кты молдавской политики в сфере миграции и диаспоры, реадмиссии, возвращения и реинтеграции трудовых мигрантов в Молдове [6; 10; 22; 23; 24; 28; 29].

В 2013 году увидели свет первые две книги, подготовленные в рамках проекта МОМ по картографии молдавской диаспоры “The Mapping the Moldovan Diaspora abroad”. В результате проведенных социологических исследований была собрана богатая эмпирическая база по молдавским сообществам за рубежом, проведен сравнительный анализ положения молдаван в России и ряде стран ЕС. Однако аспекты интеграции молдавских граждан в этих странах не получили должного освещения [12; 25].

В то же время отметим, что пока, в силу неразвитости самого феномена молдавской диаспоры, исследования по специфике молдавской политики в отношении диаспоры в различных странах не осуществляются. Не вдаваясь в дискуссию об отличии молдавских сообществ за рубежом и молдавской диаспорой заграницей, молдавские исследователи пришли к выводу, что «молдавская диаспора во многих странах Европы, даже там, где имеются многочисленные сообщества молдаван, только складывается, становится. Но работать с ней надо, как с уже состоявшейся, сформировавшейся и функционирующей молдавской диаспорой» [15, с.183]. И это должна учитывать миграционная политика Республики Молдова.

Молдавская политика по отношению к диаспоре: основные направления

Молдавская политика по отношению к диаспоре обладает определенной спецификой, обусловленной, как мы отметили выше, неразвитостью феномена молдавской диаспоры[1]. В силу этого, она включает в себя несколько основных компонентов: - отношение к эмиграции; - отношение к молдавским сообществам, трудовым мигрантам за рубежом (проблемы во-

[1] В постановлении правительства Республики Молдова, принятом во исполнение Указа Президента (о котором шла речь выше) дается определение диаспоры: «Выходцами из Республики Молдова, проживающими за рубежом, признаются лица и их наследники, объединенные тем, что своим родом, корнями и общими предками они происходят из бывшей Бессарабии, севера Буковины, округа Херца и, в частности, из нынешней Республики Молдова и сознающие своё происхождение, однако в силу разных обстоятельств оказавшиеся за пределами своей исторической родины и ставшие таким образом представителями молдавской диаспоры» [4]. В последующих документах дается более короткое определение: «уроженцы Республики Молдова, проживающие за рубежом, – молдавская диаспора» [3], которое сужает первое определение. А под это (второе) определение подходят все уроженцы Молдовы, находящиеся в зарубежье, в том числе и трудовые мигранты, представители молдавских сообществ за рубежом.

звращения и реинтеграции на родине); - проблема мобильности и циркулярный характер молдавской трудовой миграции; - отношение к становящейся молдавской диаспоре.

***Обеспечение свободы передвижения, въезда и выезда из страны*.**

Объявив себя независимым демократическим государством, Республика Молдова стала предпринимать реальные шаги по обеспечению демократических прав и свобод своих граждан. Одним из таких прав явилось право на свободу перемещения, право на выезд и возвращение в страну. Это право впервые было декларировано в законе «О миграции» (1990 г.). В 1994 году право на выезд и возвращение в страну получило конституционное закрепление (Конституция Республики Молдова, ст.27), которое получило развитие в «Законе о выезде из Республики Молдова и въезде в Республику Молдова (1994 г.), «Законе об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы» (1994 г.) и др.

В условиях глубокого социально-экономического кризиса за годы независимости согласно официальной статистике за рубеж на постоянное место жительства выехало более 210 тысяч человек [20, с.63]. В то же время со второй половины ‘90-х годов XX века начинается массовый процесс международной трудовой миграции (временной эмиграции). В настоящее время в процессы временной трудовой миграции вовлечены более 700 тысяч человек, что составляет около 50% от экономически активного населения страны [14, с.60]. Только в Европейском Союзе (по данным Евростата) легально находятся (получили разрешение на пребывание и работу в 2009 году) более 240 тысяч молдавских граждан [15, с.34]. С одной стороны, это ведет к формированию молдавских сообществ за рубежом и диаспоры во многих странах мира. С другой стороны, это обостряет вопросы демографической безопасности, обеспеченности национального рынка трудовыми ресурсами, представляет угрозу для устойчивого социально-экономического развития страны.

Длительное время проблема эмиграции мало волновала молдавские власти. Эмиграция снижала остроту межэтнического, позже социального противостояния внутри страны. С ростом трудовой миграции в страну стали приходить многомиллионные переводы от мигрантов, которые помогали населению, их семьям выжить. Тем самым, социальные конфликты, протесты не имели места. Подобная ситуация по большому счету устраивала молдавский истеблишмент.

Отметим, что под воздействием международных структур, Европейского Союза отношение молдавских властей, политического класса к эмиграции начинает меняться. Пытаясь минимизировать негативные эффекты и риски от массовой эмиграции населения, молдавское государство предп-

ринимает в этом плане определенные меры. Отметим, что за период независимости ни одно правительство, ни одна политическая партия страны не выступала за отказ от демократических принципов свободы выезда и въезда в страну, закрытия границ и искусственного сдерживания эмиграции.

Предпринимаются меры в отношении неурегулированной массовой миграции молдавской рабочей силы за границу. Закон «О трудовой миграции» (2008 г.), разработанный в соответствии с основными международными конвенциями Международной организации труда (МОТ), регулирует деятельность частных агентств по трудоустройству за рубежом, вводит определенные ограничения на трудоустройство молдавских граждан. Эти ограничения связаны как с имущественными, так и с семейными обязательствами, наличием опеки над детьми трудовых мигрантов и т.д.

Мобильность и циркулярная миграция.

Несмотря на то, что циркулярная миграция не обсуждается как отдельный приоритет в Национальной стратегии в области миграции и убежища на 2011-2020 годы [2], сегодня власти Республики Молдова предпринимают определенные меры по консолидации циркулярного характера трудовой миграции. Подчеркнем, что в отношении циркулярности трудовой миграции в молдавском обществе не существует дискуссий. Все политические и социальные акторы Молдовы осознают негативные последствия массовой трудовой миграции для устойчивого социально-экономического развития страны.

Молдова выразила желание выступить в качестве страны «пилотного» проекта по круговой миграции, предложила ряд своих предложений и замечаний по совершенствованию механизма круговой миграции и мобильности. В июне 2008 года Республика Молдова была выбрана в качестве страны (наряду с африканским государством Кабо Верде), реализующей проект в области циркулярной миграции. В рамках соглашения предполагалось внедрение (начиная с осени 2008 года) двух проектов, стоимостью в 5,5 млн. евро. В общей сложности сегодня имеется более 70 проектов в этой области [7, с.12-14].

В рамках стратегии по мобильности и круговой миграции преследуется цель минимизировать негативные последствия трудовой миграции молдавского населения за рубеж. В рамках проекта по мобильности и «круговой» миграции в течение 2010 года были реализованы 70-80 бирж труда внутри страны, 3 биржи труда за рубежом (Падуя, Берлин, Милан), которые призваны информировать молдавских трудовых мигрантов и их родственников, членов семей о возможностях трудоустройства и возвращения в Молдову. Отметим, что 250 трудовых мигрантов вернулись на родину, а 450 человек открыли свой бизнес в Республике Молдова [15, с.81-82].

В целом реализация данного проекта пока не дала должного эффекта. Причин этому несколько. Во-первых, начало реализации этого проекта совпало с глобальным финансово-экономическим кризисом (2009-2010 гг.), что сказалось на снижении интереса стран Европейского Союза. Во-вторых, у молдавских властей отсутствует практика реализации данных политик. Они находятся в начале пути, накапливают опыт, нарабатывают механизмы внедрения. В-третьих, и на наш взгляд, это главная причина. В основе стратегии мобильности как феномена рынка труда лежат социально-экономические различия между странами. У нас же в сравнении со странами Европейского Союза в основе лежат не только социально-экономические различия. Когда люди выезжают, то действительно, чаще всего, в основе лежат социально-экономические причины, но когда они решают вопрос о своем возвращении на родину, в Молдову, то доминирующими выступают социетальные факторы (развитость и эффективность функционирования демократии, уровень и качество жизни, экологические и социально-бытовые факторы и др.). В условиях общественных трансформаций рынок труда также находится в процессе становления. В силу чего сегодня довольно сложно определить как реальные потребности страны, так и необходимые сегменты рынка труда, их потенциал.

Достижение безвизового режима со странами Европейского Союза. Молдавские власти исходят из того, что существующий визовый режим является одним из препятствий на пути возвращения мигрантов на родину. Была разработана и подписана национальная программа по внедрению плана действий Республика Молдова – Европейский Союз в области либерализации визового режима (март 2011 г.). Отметим, что мониторинг европейских структур отметил ряд существенных положительных изменений, связанных с безопасностью границ, введением в Молдове биометрических паспортов и др. [15, с.86-88].

Возвращение и реинтеграция мигрантов.

Стимулирование возвращения молдавских мигрантов на родину, их реинтеграции. В 2008 г. Правительством был разработан и внедряется план действий по стимулированию возвращения молдавских трудовых мигрантов. План предусматривает комплексные мероприятия по информированию мигрантов о возможностях трудоустройства на родине, процедурах возвращения, открытия собственного бизнеса, расширения возможностей для трудоустройства молодежи, социальной защите и т.д. Пока эффект подобных действий не велик, что связано, в первую очередь, с социально-экономической ситуацией в стране.

Молдавские власти осуществляют Программу «PARE 1+1» на период 2010-2014 гг., государственная программа поддержки развития малого и

среднего бизнеса (2009-2011 гг.) [27], Национальную программу по расширению экономических возможностей для молодежи (PNAET), которая предусматривает обучение предпринимательским навыкам, а также финансовую помощь для начинающих предпринимателей. Кроме того, осуществляется меры, направленные признание навыков и квалификации (Национальная концепция признания неформального и / формального обучения, утвержденная в ноябре 2011 года); мероприятия, реализованные на местном рынке труда в контексте партнерства по мобильности ЕС – Республика Молдова, проведено более 200 акций по информированию молдавских граждан внутри страны и за рубежом о социально-экономической ситуации в стране и на рынке труда, по привлечению денежных переводов в экономику Молдовы, развитию мелкого и среднего бизнеса и др. Хотя План действий по возвращению молдавских трудовых мигрантов из-за рубежа, утвержденный Правительством 9 октября 2008 г., истек, возвращение и реинтеграция молдавских мигрантов остается важной целью, определяемой Национальной стратегией Республики Молдова в области миграции и убежища (2011-2020 гг.) и Планом действий на 2011-2015 гг.

Совместно с международными организациями реализуется ряд крупных проектов в этой области: - проект “Strengthening Moldova’s capacity to manage labour and return migration", осуществляемый шведской государственной службой занятости (SPES); - проект “Effective Governance of Labour Migration and its Skills Dimensions in Moldova”, реализуемый МОТ; - проект „Supporting the implementation of the migration and development component of the EU-Moldova Mobility Partnership”, осуществляемый МОМ; - проект “Support to implementation of the EU readmission agreements with the Republic of Moldova, the Russian Federation and Ukraine: facilitation of assisted voluntary return and reintegration (SIREADA)”, - проект "Supporting the Implementation of the EC visa facilitation and readmission agreements in Moldova and Georgia (REVIS)" и др. Министерство образования Молдовы совместно с Европейским фондом образования продолжают работать над созданием и укреплением механизма признания и подтверждения навыков мигрантов на основе национальной концепции проверки неформального и / формального обучения (проект “Development of the Vocational Training and Education System” [9].

Тем не менее, «молдавские власти пока не готовы к возвращению на родину трудовых мигрантов, выехавших за рубеж. Конечно, наша конечная цель в том, чтобы граждане возвращались, чтобы объединялись наши семьи, но в настоящий момент мы не готовы выйти с призывом: “Возвращайтесь домой!», - отметил В.Лутенко, директор Бюро по связям с диаспорой [8]. Более того, вследствие слабой информационной составляющей и транспарентности деятельности властных структур подавляющее боль-

шинство мигрантов не знакомо с миграционной политикой молдавского государства, его деятельностью по возвращению и реинтеграции мигрантов на родине.

Подчеркнем, что не все просто у мигранта и после возвращения. Среди основных проблем реинтеграции, с которыми сталкивается репатриант, отметим [18, с.198-240]:

а). Проблемы психологической ресоциализации мигрантов. Пробыв довольно длительное время за рубежом, человеку трудно вписаться в изменившуюся реальность на родине, найти свое место в социуме. б). Решение проблем в семье. Годы миграции не способствуют укреплению семейно-брачных отношений. Отсюда, важно налаживание взаимодействия, взаимопонимания и эмоциональной близости с родными, контактов с детьми и родителями и др. в). Решение проблем, связанных со здоровьем. Во время миграции люди не уделяли должного внимания лечению, что приводит к понижению порога здоровья. Те, кто вернулся с деньгами, могут себя обеспечить медицинской помощью. Однако запущенность болезни нередко приводит к утрате работоспособности, инвалидности и, соответственно, перспектив трудоустройства и заработка. г). адаптация детей, выросших и получавших образование в эмиграции. Они с трудностями адаптировались за границей, с не менее серьезными трудностями сталкиваются после возвращения домой. Ключевая проблема это знание языка. По возвращению на родину детям мигрантов сложно общаться даже на бытовом уровне, не говоря уже об учебе. д). социально-бытовая адаптация к молдавским реалиям, связанным с неразвитостью бытовой инфраструктуры населенных пунктов, с «существующим» медицинским обслуживанием и т.д.

Важное место в реинтеграции молдавских репатриантов играют проблемы трудоустройства и профессиональной адаптации. Репатриантам предстоит работать в Молдове за зарплату, которая на порядок ниже той, которую они имели за рубежом. Естественно, что это не способствует ни материальному благосостоянию семей, ни престижности и качеству труда, ни самоуважению. Находясь за границей, молдавский трудовой мигрант в основной своей массе работал не по специальности (массовое исключение - строительство), выполнял малоквалифицированную работу, теряя свои навыки, полученную дома профессию. Поэтому устроиться на работу по специальности в соответствии с полученной когда-то квалификацией достаточно сложно, а оставаться чернорабочим или сиделкой в Молдове не престижно и материально невыгодно.

К сожалению, не всегда полученные за границей знания и навыки могут найти реальное применение на родине. Молдова предпринимает определенные усилия для признания навыков и умений, полученных на практике и не подкрепленных соответствующим официальным документом [5].

Однако вскрылась и другая проблема – кто будет осуществлять аттестацию навыков, полученных неформальным путем? Практика показала, что попытки аттестовать молдавских мигрантов, работавших в строительстве в России, потерпели неудачу, так как члены комиссии не знали тех новых строительных технологий, которым обучились на практике экзаменуемые.

Кроме того, чтобы найти хорошую и высокооплачиваемую работу необходимо иметь соответствующую информацию и протекцию, которые возможны только при наличии социальных связей и неформальных контактов. Представляется, что решением проблем трудоустройства может быть в развитии бизнеса, мелкого предпринимательства вернувшихся людей, чьи финансы и энергия могли бы улучшить ситуацию на национальном рынке труда.

Однако и здесь не все просто. К примеру, Программа «PARE 1+1». В соответствии с этой программой на период 2010-2012 годов были выбраны 124 малых и средних предприятия. Власти пообещали участникам Программы, что на каждый инвестированный ими в отечественную экономику один лей они получат от государства еще один безвозмездный лей. Однако из общей суммы инвестиций частные за это время составили 76,2 млн., а государственные - лишь 22,5 млн. В итоге, как признались в Минэкономики, проект превратился из «1+1» в «3+1». По мнению экспертов, изначально хорошую идею испортили, как часто бывает в республике, способы ее реализации и организация процесса. Все это вызывает у трудовых мигрантов недоверие к властям и отказ от участия в программе. Поэтому государство в течение двух лет не освоило даже половину предусмотренных на финансирование PARE «1+1» средств [26].

Согласно результатам опроса IASCI / CIVIS вернувшиеся мигранты в большинстве случаев сталкиваются с проблемами реинтеграции, особенно такими как отсутствие рабочих мест и низкая заработная плата. Открытие собственного бизнеса осложняется вследствие недостатка средств и отсутствия информации, нарушаемых государством «правил игры». В этих условиях мигрантам нередко не остается ничего иного как вновь эмигрировать [13, с.29-31].

Работа с диаспорой.

Хотя в Молдове нет документа концептуального / стратегического плана в области диаспоры, тем не менее, имеется достаточно наработанная нормативно-правовая база (1 декрет Президента страны, 7 постановлений и 1 распоряжение правительства). Посредством этих документов были приняты Регламент Координационного Совета по поддержке диаспоры (2005 г.); Регламент финансовой поддержки по сохранению национально-культурной идентичности диаспоры (2007 г.); Программа действий по по-

ддержке диаспоры (2006 г.), Национальный План действий по поддержке диаспоры (2008 г.); Национальный план действий по стимулированию возвращения молдавских трудовых мигрантов (2008 г.). Особое значение имеет Распоряжение Правительства (2011 г.), в котором формулируются решения о создании Агентства по делам диаспоры, о разработке Плана действий на 2011-2014 гг. по поддержке молдавской диаспоры. Этот План должен стать дополнением к Плану действий по внедрению Национальной Стратегии в области миграции и убежища (2011-2020 гг.). С 2002 года руководство страны инициировало 2 государственных программы, призванных упрочить политический, экономический и духовный потенциал страны, рост ее авторитета на международной арене «Молдова в мире» и «Диаспора Молдовы» [16, с.38].

Следует отметить, что, несмотря на наличие серьезных противоречий между политическими силами Молдовы о путях общественного развития страны, молдавская миграционная политика, проводимая на протяжении последних двух десятилетий, характеризуется определенной последовательностью, накоплением и использованием концептуального и практического опыта, как международного, так и собственного. Она осуществляется по ряду направлений:

- работа с молдавской диаспорой, этнокультурными сообществами за рубежом. Данный процесс стал более интенсивным с первой половины 2000-х годов. С 2004 года было проведено 5 конгрессов молдавской диаспоры (раз в два года). В 2005 году формируется координационный совет по делам диаспоры, с 2011 года в него включаются и представители диаспоры. Благодаря представителям молдавской диаспоры (решение V конгресса молдавской диаспоры, октябрь 2012 года) было сформировано Бюро по связям с диаспорой (кстати, диаспора требовала создания министерства миграции и диаспоры). Формирующаяся молдавская диаспора рассматривается как важный инструмент развития взаимовыгодных отношений с другими странами.

С 2009 года ведется активная работа по привлечению молдавской диаспоры к политической жизни страны. Это сказалось на возрастании политической роли и электоральной активности диаспоры на парламентских (2010 года) выборах.

- работа с молдавской научной диаспорой. С 2010 года широко используются проекты по привлечению ученых, выходцев из Молдовы для развития ее научно-технического потенциала. Значимым является сотрудничество Академии Наук Молдовы с Международной организацией по миграции, университетскими центрами стран Европейского Союза;

Сотрудничество с диаспорой и ассоциациями молдавских граждан за рубежом важно и в плане возвращения и реинтеграции мигрантов. Диалог

с диаспорой является той базой, на которой выстраиваются программы инвестирования денежных переводов, постоянного и временного привлечения мигрантов, их социально-экономической реинтеграции на родине. В настоящее время делается упор на защите молдавских граждан за рубежом, сохранение культурной самобытности и стимулирование возвращения домой мигрантов. В этом отношении отметим План действий по поддержке выходцев из Республики Молдова и проживающих за рубежом (молдавской диаспоры) на период 2006-2009 годы, Национальный план действий на 2008 год по защите граждан Республики Молдова за рубежом, План действий для национально-культурной и социальной поддержке молдавской диаспоры на 2012-2014 годы. Для улучшения сотрудничества с молдавскими диаспорой, Правительством Республики Молдова было создано Бюро по связям с диаспорой в структуре Государственной канцелярии (ноябрь 2012 г.).

Кроме Бюро по связям с диаспорой различные аспекты взаимодействия с диаспорой осуществляют (в рамках установленной компетенции) Бюро по миграции и убежищу Министерства внутренних дел; Министерство иностранных дел и европейской интеграции; Национальное бюро межэтнических отношений; Министерство труда, социальной защиты и семьи; Министерство информационных технологий; Министерство экономики; Национальное агентство по трудоустройству рабочей силы и др.

Библиография

1. Decretul Preşedintelui Republicii Moldova Nr.1638-II din 30 august 2000 privind susținerea persoanelor originare din Republica Moldova, domiciliate peste hotare, şi colaborarea cu aceştia. // Monitorul Oficial nr.115 din 5 septembrie 2000, http://www.ambasadamoldova.cz/doc/diaspora/Decret_2000-md.pdf
2. Hotărîrea Guvernului Nr.1009 din 26.12.2011 “Cu privire la aprobarea Planului de acţiuni pentru anii 2011-2015 privind implementarea Strategiei naţionale în domeniul migraţiei şi azilului (2011-2020)” (publicat: 06.01.2012 în Monitorul Oficial Nr. 1-6).
3. Hotărâre de Guvern nr.1521 din 29 decembrie 2007 cu privire la aprobarea Regulamentului privind susținerea financiara a activităților de păstrare a identității național-culturale a persoanelor originare din Republica Moldova domiciliate peste hotare (diaspora moldovenească). // Monitorul Oficial nr.11-12, din 18 ianuarie 2008, http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=326651
4. Hotărâre de Guvern nr.1322 din 29 decembrie 2000 cu privire la unele măsuri de susținere a persoanelor originare din Republica Moldova, domicilia-

te peste hotare. // Monitorul Oficial nr.1-4/7, din 11 ianuarie 2001, http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=295788].

5. Antonov V., Ciurea C., Frunzaru V. Recunoaşterea invățării anterioare (RPL) pentru migranții intorşi in Moldova: realități şi tendințe. – Chisinau, IDIS „Viitorul”, 2012
6. Brunarska Z., Mananashvili S., Weinar A. Return, readmission and reintegration in the Eastern Partnership countries: An overview. // CARIM-East RR 2013/17, Migration Policy Centre, European University Institute, 2013, http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-17.pdf
7. Бурачек Е. Молдова: Создать условия для возвращения мигрантов домой. // Миграция XXI век, №2 (11), март-апрель 2012, с.12-14
8. В Молдове признали неготовность к возвращению гастарбайтеров, 2013, 12 января http://news.mail.ru/inworld/moldova/society/11578005/?frommail=1
9. Vremis M., Craievschi-Toarta V., Burdenii E., Herm A., Poulen M. Extended migration profile of the Republic of Moldova. – Chisinau, IOM, 2012
10. Ganta V. The demographic and economic framework of circular migration in Moldova. // CARIM-East Explanatory Note 12/69, September, 2012, Migration Policy Centre, European University Institute, http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-69.pdf
11. Кабаченко П. К вопросу о молдавской диаспоре: содействие развитию транснациональных мигрантских сетей посредством интернета. // Populația Republicii Moldova în contextul migrațiilor internaționale. Vol.I. – Iaşi: Pan-Europe, 2006
12. Cheianu-Andrei D. Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United Kingdom. - Chisinau, IOM, 2013;
13. Consolidarea legaturii dintre migratie si dezvoltare (2010). – IASCI / CIVIS, Chi□inău, p.29-31 http://siteresources.worldbank.org/INTMOLDOVA/Resources/ConsolidareaLegaturiiDintreMigratieDezvoltare.pd
14. Moldova after the global crisis: promoting competitiveness and shred growth”. April 4, 2011. World Bank, 2011
15. Морару В., Мошняга В., Руснак Г. Маятник миграции. – Кишинэу: Tipografia-Sirius, 2012
16. Morozan A., Margarint A. Formarea diasporei moldoveneşti în raport cu migrația forței de muncă: prezent şi perspective. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – Chişinău: USM, nr.4 (XXXV), 2006, p.29-42.
17. Mosneaga V., Rusu R. Formarea diasporei moldovenesti peste hotare: esenta si specificul. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). nr.1 (XL), 2008. - Chisinau: CEP USM, 2008, p.91-104

18. Мошняга В., Бурдельный Е., Васильева Л., Малиновская Е. Проблемы реинтеграции и возвращения трудовых мигрантов из Европейского Союза в страны Пограничья. – Вильнюс: ЕГУ, 2012, с.198-240
19. Мошняга В., Цуркан В. Молдавские трудовые мигранты в Европейском Союзе: проблемы интеграции. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiza politica). – nr.4 (LIX), 2012. - Chisinau: CEP USM, 2012, p.111-149.
20. Mosneaga V. Moldova in the context of international migrations. // International Migration of population: Russia and contemporary world. International migration of population in the post-soviet territory: two decades of successes, mistakes and expectances. Volum 25. – Moscow, Moscow State University Press, 2011
21. Mosneaga V., Moraru V., Rusnac Gh., Turcan V. Fatetele unui proces: migratia fortei de muncă din Republica Moldova în Italia. – Chisinau, Editerra-Prim, 2011
22. Mosneaga V. Moldova: Emigration And Diaspora. // CARIM-East Explanatory Note 12/110, September 2012, Migration Policy Centre, European University Institute, http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-110.pdf
23. Mosneaga V. Moldovan Labour Migrants in the European Union: Problems of Integration. CARIM-East Research Report 2012/41, Migration Policy Centre, European University Institute, http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-2012-RR-41.pdf
24. Mosneaga V. Circular Migration of the Population of the Republic of Moldova. // CARIM-East Explanatory Note 12/68, September 2012. Migration Policy Centre, European University Institute, http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-68.pdf
25. Mukomel V., Cheianu-Andrei D. Moldovans in the Russian Federation: Socio-Economic Profile and Policy Challenges. - Chisinau, IOM, 2013
26. PAREшили как всегда. Государство лишь на треть выполняет свои обещания по участию в программе «1+1», 10.12.2012, http://www.kommersant.md/node/11830?utm_source=mailru&utm_medium=banner&utm_campaign=gastarbaiter
27. Svetlicinii R. Experiența internațională şi practicile implementate în Republica Moldova privind strategiile de reîntoarcere şi reintegrare a migranților de muncă. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). – nr.2 (LVII), 2012. - Chişinău: AMSP, 2012
28. Stratan A., Chistruga M., Clipa V., Fala A., Septelici V. Development and side effects of remittances in the CIS countries: the case of Republic of Moldova. // CARIM-East RR 2013/25, Migration Policy Centre, European

University Institute, 2013, http://www.carim-east.eu/media/CARIM-East-RR-2013-25.pdf

29. Ciumas T. The Legal Framework for Circular Migration in Moldova. // CARIM-East Explanatory Note 12/74, September 2012, Migration Policy Centre, European University Institute, http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2012-74.pdf

Представлен в редакцию
14 сентября 2013 года

Рецензент – ***Родика РУСУ,*** доктор политических наук, доцент

IMPROVING PROFESSIONAL COMPETENCE OF EXECUTIVES OF PUBLIC ADMINISTRATION

Mykola YARMYSTYI
Ukraine, Chernivtsy, Chernivtsy Center of retraining and professional development of civil servants.
Master of Public Administration, Director of the Center

This material is devoted to the professional competence of employees of state authorities and local self-government in Ukraine. Studied types of professional competence in accordance with the main directions of administrative activities for civil servants.

The article analyzes the qualification requirements for employees and invited author classification of administrative activities, their role in improving the professional level of employees, taking into account the practical implementtation of the tasks and functions.

In this paper we use statistical data and materials on the poll officials, as well as estimates of experts.

Keywords: administrative activities, professional activities, improve the professional level.

Данный материал посвящен рассмотрению профессиональной компетенции служащих органов государственной власти и органов местного самоуправления Украины. Изучаются виды профессиональной компетенции в соответствии с основные направления административной деятельности служащих органов публичной власти.

В статье анализируются квалификационные требования к служащим и предлагается авторская классификация видов административной деятельности, их роль в повышении профессионального уровня служащих с учетом практического выполнения задач и функций.

В работе используются статистические данные, материалы опросов служащих, а также оценки экспертов.

Ключевые слова: административная деятельность, виды профессиональной деятельности, повышение профессионального уровня.

The Civil Service Reform in Ukraine aims to create an effective system of public authorities at central and local levels of government. An integral part of the administrative reform is the improvement of human resources, the creation of a functioning state apparatus, and the establishment of a professional and authoritative public service. An important direction of improvement of human re-

sources in the civil service is the professional training of civil servants, preparing the national administrative elite, a new generation of civil servants.

Scientific approaches are determining the professional competence of government officials provide many-sided comprehension of this concept. General theoretical developments concerning professional activity of civil servants in the conditions of public administration reform examines N.Nyzhnyk. In particular, it emphasizes the fact that the notion of public administration is closely linked with social orientation and professional activities of civil servants, political culture of which must meet the requirements and objectives of the state [10]. Some scientists have noted that professionalism is a deep and comprehensive knowledge and possession of practical skills in a particular area of socially useful activity [5].

A number of researches on the problems of professionalization in the public service considered M.Holovatyy [3], W.Luhovyi [8], A.Obolenskyi [11], O.Sushynskyy [15]. Russian researchers note that professional activity of civil servants should be socially productive and only under this condition career growth will be supported by the social environment. An important condition is a combination of career and personal life compatible content, content services and content of social processes [13].

A.Lipentsev notes the much-needed feature of competence and professionalism of civil servants as social competence, which is a component of “emotional intelligence”. The concept of “emotional intelligence” includes a set of individual skills and aptitudes, including knowledge of their own emotions and their management, self-motivation, recognition of other emotions and managing relationships with others [7].

The criteria for assessment mechanism professional skills of civil servants studied V.Soroko. Therefore, professional and business skills of civil servants is defined by three blocks: personal (the activity, business orientation, communication, motivation, ability to make correct decisions); intellectual (competence, analyticity thinking); business (performance, resistance to stress, emotional stability), which are closely interrelated to each other [14]. S.Bilorusov notes that “professionalism of public servants can be defined as the ability to find, given the conditions and the real possibilities, the most effective ways and means of implementation of tasks within their authority” [2, p.32]. Some scientists emphasize that at the present stage of development of the state, executive must take responsibility for the situation in the region, skillfully solve social and economic problems, have a clear position on market transformation and experience in reformation of relations in industry [17].

A.Chemerys professional competence closely linked with the concept of efficiency of public authorities. Under the efficacy of authorities is understood interrelation of three components: professional (set of professional knowledge),

social (ability to identify and raise issues) and methodical competence (knowledge of scientific management) with the influence of internal and external environment [16]. According to the results of researches scientist concludes that the effectiveness of public administration depends on the implementation of effective human resources policies, strengthening the responsibility of the officials for the results of decisions mass advanced training managers.

Thus, the majority of researchers define main features of the professional competence of civil servants: social orientation and socially useful activities, political culture, intellectual abilities and the availability of certain business, moral and psychological qualities.

Systematization of scientific developments allows us to identify the concept of “professional competence”. Professional competence of civil servants can identify in the following main components (constituents):

1. Professional components - knowledge, abilities, skills, experience, required for civil servants to perform certain official tasks;

2. Business component - some quality of civil servants: organization, creativity, efficiency, diligence, which promote the implementation of official tasks;

3. Moral and psychological component - self-esteem, fairness, objectivity, culture behavior, etc., as a necessary factor of employee self-organization;

4. Social component - defending the interests of the people and the state, as one of the main conditions for the effective operation of civil servants;

5. Intelligent component - general erudition, ability to analyze events in various areas of social life, have a methodology and skills for making the optimal decisions.

Analysis of the results researches shows that professional level and social performance of civil servants to some extent depends on social and psychological climate in the collective. Thus, the relationship satisfaction in a team of civil servants only slightly affects the level of implementation and resolve by them socially important problems (Table 1).

Table 1. Dimensional distribution of dependence of solving social problems in relationships in a team of civil servants (in %).

The degree of satisfaction with relations in a team	**Low degree of implementation the problems**	**Average degree of implementation the problems**	**High degree of implementation the problems**
Low degree of satisfaction with relations (-)	15.5	8.4	3.1
Average degree of satisfaction with relations (0)	27.1	34.2	28.5

High degree of satisfaction with relations (+)	**57.4**	**57.4**	**68.4**

Whether positive or negative relationship made for a particular employee, social and psychological factor affects an average of 11% of respondents whose level of social orientation lower or higher depending on those relations that have been established for certain employee in a team.

A more important factor that affects the level of social performance is the official status of employee. Executives, in contrast to specialists, because of their functional tasks are more able to decide and implement social problems (Table 2).

Table 2. Dimensional distribution of dependence of solving social problems on the status of civil servant (in %).

The degree of implementation the problems	Managers	Specialists
Low	19.4	31.2
Average	47.8	50.4
High	32.8	18.4

Attention is drawn to the fact that much of the unit executives of local state administrations (67%) evaluate their ability to implement regional problems as insignificant or average. This position of management once again confirms necessity of development the improving mechanism of responsibility for the implementation the management solutions, providing the creative initiative and objective evaluation of implementation functional responsibilities for the purpose of career opportunities.

Professional competence of civil servants to some extent depends on their attitude to their duties. In the regional system of state administration, there are three main social types of public servants:

1. "conservatives" - employees who perform their functional responsibilities only within job tasks;

2. "innovators" - employees who perform their functional responsibilities by applying creative and innovative approaches;

3. "imitators" - employees who only make an appearance of implementation their functional responsibilities.

Depending on the social type, employee is determined his attitude towards work, willingness to participate in the implementation of public tasks at a regional level. If "conservatives" according to their respective capabilities still perform their social function, employees of the latent orientation ("imitators") to a greater extent using their own motives in professional activity. The most produ-

ctive are civil servants who use creative ways to fulfill their obligations. Usually their motives of professional activity aimed at implementing social problems.

The composition of the latter group of civil servants who can be described as a potential covert opposition, latent mood of the group is determined by dissatisfaction of their promotion at work. Psychological setting of this group of employees determines their negative attitude towards performance of their duties and hidden hostility to the executive. Thus, the vast majority of "simulators" employees indicated that they do not find a common language with their executive, and focus attention on the occurrence of troubles at their work. The ratio in the "specialist – executive" caused by real reasons: low professional competence of executive.

Experts evaluated the professional competence of the unit executives of local administrations, depending on their personal qualities and official status. According to the employees, the assessment of the executive is determined by:

- a greater extent of his status than personal qualities - 25%;
- equally as status as well as personal qualities - 51%;
- a greater extent of his personal qualities than status - 24%.

Solving the problem of professional competence of civil servants requires an integrated approach, taking into account, in particular, improving their social competence, and promoting the business and moral qualities of employees, the introduction of new forms and methods of communication, stabilization of the psychological climate in the team, objective selection and promotion based on professional qualities. One of the key components of professional competence is a professional level of employees.

Professional competence of employees is determined by many factors, and in particular by certain professional qualities that are necessary for executives of public authorities. Among these qualities of successful executive is a tendency to accept and implement new ideas, ability to use human resources, ambition to the leadership. Leadership in the public service can be defined as one of the processes of managing a small social group, which contributes to the achievement of the group goals in optimal terms and with the optimal effect, driven by the authority of the executive [9, p.32].

The peculiarity of work civil servants is determined by a professional kind of activity that should be socially productive. Executive must meet certain requirements of professional orientation. In particular, he must have a system thinking and to know the laws for which the system live and develop [4]. However, most of executives do not have systematic activity-theoretical concepts, do not have theory of activity as a system of professional activity executives [6].

Professional competence of employees of public executive authorities and local governments provide a number of qualification requirements for effective execution of functional responsibilities and are defined normative legal acts at

the level of the laws of Ukraine, Resolutions of the Cabinet of Ministers of Ukraine and the orders of the central executive authorities. According to the order of National State Service of Ukraine "On Approval of methodical recommendations on developing profiles of professional competence of civil service positions in state authorities, authorities of the Autonomous Republic of Crimea or their apparatus" defines the basic requirements for professional competence of persons that pretend to positions of civil service:

- The minimum general requirements for the education and qualification level and work experience;
- Special requirements for work experience, field of study;
- Requirements for the professional competence of persons about special knowledge, skills and abilities required to perform civil servant duties.

In particular, government officials should be aware of the legislation of Ukraine on specific tasks and competencies relevant authorities and official duties the official language, record keeping, basic management, communication and media, the use of computer hardware and software, foreign language skills by requirements for official duties performed, psychology of business communication, knowledge of public safety.

Under the methodical recommendations employees should possess the necessary abilities and skills: ability to work with information, innovation management, the ability to make management decisions, manage personnel, financial management, and possession of communication skills.

Qualification requirements include consideration of the personal qualities of employees: follow the principles of public service, the ability to perform their duties honestly, to avoid conflicts of interest, focus on results, and responsibly perform their duties; self-improving, resistance to stress.

Work in state executive authorities and local self-government when compared to other types of human activities related primarily to the administration - with the collection and processing of information flows, a large array of documents, necessary management decisions, the organizational, legal, communication activities and more. Job officials should be socially productive and meet the expectations of citizens. In particular this applies to elected positions at the village, town and city mayors. Heads of executive power bodies and local authorities hold public office involving the participation and organization of communication activities - training and meetings, meetings, panels, sessions, government relations with other state agencies and local governments, meeting with representatives of the public and media.

Considering the professional level as one of the important components of professional competence should be noted that the main problem lies in the ability of civil servants to decide and implement socially important problems by performing administrative functions and providing administrative services. In some

studies defined the concept and classification of administrative services [12] and peculiarities of using services by the citizens [1, p.150].

A set of official relations provides the actions and rules for officials aimed at solving problems, organizing work and activity of the servants of the state executive and representative bodies. In this sense, the activities of government officials and their professional competence should be divided into sectoral and administrative.

Sectoral-administrative activity and performance of certain functions employees depends on the field of public administration: economy, finance, education, culture, sports, social, domestic policy, agriculture, utilities, and so on. Each of these areas has its own specifics and its legal, institutional, managerial characteristics. At the same time, administrative activity is typical for all civil servants regardless of branch orientation and officials of local governments.

Administrative activity, from our point of view, is the fulfillment of the most common official tasks related to the organization of the executive body of state authority or local government, legal regulation administrative activity and business relationships. By components of administration include:

• normative regulation of official relations and authoritatively organization and administrative activities including - standard-setting activity and organization of the legal support of the authorities;

• organization of the government and its departments, including issues such as planning, personnel management, and the joining of the service, an organization working with documents and monitor their implementation, the organization works with citizens, information-analytical work, organizing and conducting events, etc.;

• organizing and conducting communication activities - training and meetings, meetings, boards, relations between authorities and other public authorities and local governments, meeting with members of the public and the media;

• logistical and household maintenance.

Thus, the administrative activity includes the organization of work of employees in certain areas of performance that are common to all employees, regardless of industry sector and is one of the duties. Main content administration is regulation and organization of the inner workings of authority. It is therefore advisable to give general definition of the concept: **administrative activities of the authorities - this is legal regulation and organization of work of employees to fulfill duties related to the functioning of authority in areas of official activity as a self-organizing system.**

It is the administrative activity is legal and regulated basis of civil servants and officials of local governments and provides a variety of activities: authoritative and administrative activities, personnel management, record keeping, conducting communicative events, financial and economic activity, etc. Therefore,

increasing qualification level of employees must be considered under the direction of official activity and the whole learning process to build according to the needs of the administrative and functional cycle authority. For this purpose it is necessary to consider the general principles of management and administration of employees according to profiles of professional competence.

To effectively perform administrative functions professional competence employee shall include a comprehensive and functional level. Components of professional competence: educational level (knowledge of economic, social, political and cultural development of society) and functional level (implementation of administrative, public communication and financial and business functions).

One of the conditions for the professional capacity of leaders of state and local governments are raising their educational level, possession of certain knowledge within the profession, but non-functional responsibilities. In particular, the head of the civil service must know the theory and history of public administration and civil service, basis of local self-government in Ukraine and service in local government, issues related to socio-economic and political processes in the country and region, the development of the European Union and European integration. Heads of local governments should know the basics of local government in Ukraine and service in local government, the theory and history of public administration and civil service, territorial organization of power, issues related to socio-economic and political processes in the country and the region, European integration. Educational level defines intellectual potential head and its capacity for awareness and development their own perspective on the general process of social development.

Along with increasing educational level is an important functional competence of employees to perform administrative functions. Heads of governments and their departments on duty in large part perform administrative functions, defined areas of official activity and require professional preparation. In the administrative functions is necessary to understand performance of professional tasks related to the organization work of local government laws and legal regulations of administrative activity and official relationships. The administrative functions include:

• normative regulation of official relations and authoritatively organization and administrative activities including - standard-setting activity and organization of the legal support of the authorities;

• decision-making, information-analytical work;

• organization of the government and its departments, including such issues as planning, personnel management, and the joining of the service, an organization working with documents and monitor their implementation, the organization work with citizens, organizing and hosting events, meetings, etc.;

• logistical and household maintenance.

When performing administrative and management functions civil servants and officials of local governments, depending on the direction of official activity, should additionally have such knowledge, abilities and skills as regulatory and legal support, business Ukrainian language, psychology of business communication, ethics of behavior, computer literacy, the art of public speaking, the methodology of analysis of official information and more.

Formation of professional competence of executives of public authorities requires an integrated approach. Target aspect of professional development of employees should be based on objectives such as the improvement of existing and new knowledge, develop skills, abilities, patterns of behavior, the formation mechanism of self-organization and self-management. This requires implementation of educational programs to improve the professional level of employees of functional perspective, which would reflect the features of professional competence of employees as in areas of official activity, and taking into account the management specialization depending on the actual needs of the authorities.

Bibliography

1. Авер'янов В.Б. Спрямованість на забезпечення прав громадян – демократична сутність влади. // Виконавча влада і адміністративне право / За заг. ред. В.Б.Авер'янова. — Кіев: Ін-Юре, 2002.
2. Білорусов С. Розвиток професіоналізму та визначення ділових якостей державних службовців. // Вісн. державної служби. 2005, №2.
3. Головатий М. До проблеми професіоналізації державних службовців в сучасній Україні // Збірник наукових праць УАДУ при Президентові України, вип.2, част.ІІІ. - Кіев: 2000, с.213-217.
4. Дармограй О.О. Вдосконалення стилю державно-управлінської діяльності на основі використання основних підходів теорії лідерства. // Економіка та держава: Міжнародний науково-практичний журнал. 2008, №11, с.90-94.
5. Державна кадрова політика: теоретико-методологічне забезпечення: монографія / авт.кол.: В.М.Олуйко, В.М.Рижих, І.Г.Сурай та ін.; за заг. ред. д-ра наук з держ. упр., проф. В. М. Олуйка. - Кіев: НАДУ, 2008.
6. Колпаков В. Лідерство - фактор суспільного розвитку. Проблеми формування керівників-лідерів [Текст]. / В.Колпаков, О.Анісімов. // Персонал. 2005, N4, с.68-73.
7. Ліпенцев А.В., Тимошенко О.В. Розвиток емоційних компетенцій державних службовців. // Ефективність державного управління: зб. наук. пр. Львівського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентові України. - Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2004/2005, Вип.6/7, с.201-207.

8. Луговий В. На службі професіоналізації державного управління. // Вісн. держ. служби. 2003, №2, с.18-25.
9. Міцишин В. До питання лідерства на державній службі. // Вісник державної служби України. 2011, №3, с.29-34.
10. Нижник Н.Р. Реформування державного управління в Україні. Зб. Матеріалів семінару з питань економіки. - Чернівці, 2001.
11. Оболенський О. Принцип професіоналізму в державній службі. // Вісник державної служби України, №1, 1998, с.54-61.
12. Ославський М.І. Виконавча влада в Україні: організаційно-правові засади Навчальний посібник. – Київ: Видавництво "Знання", 2009
13. Служебная карьера: Учеб.-метод. Пособие. / Под общ. ред. Е.В.Охотского / Ред. Е.В.Охотский. - Москва: Экономика, 1998.
14. Сороко В. Побудова механізму оцінки ділових і професійних якостей державних службовців. // Вісник державної служби України. 2003, №1, с.65-75.
15. Сушинський О.І. Компетенція органів виконавчої влади та органів місцевого самоврядування у сфері комунальних послуг. // Ефективність державного управління: Збірник наукових праць Львівського регіонального інституту державного управління Національної академії державного управління при Президентові України. / За заг. ред. А.О.Чемериса. – Львів: ЛРІДУ НАДУ, 2004, Вип.5.
16. Чемерис А. Дієвість органів державного управління та органів місцевого самоврядування. // Вісник державної служби України. 2003, №1, с.52-60.
17. Яковенко О. Сучасна кадрова політика: регіональний аспект. // Вісник УАДУ, №3, 2000, с.5-9.

Prezentat la redactie
la 17 noiembrie 2013

Recenzent – ***Igor BUCATARU***, doctor in politologie, conferentiar

COMPARTIMENTUL
SOCIOLOGIA POLITICĂ

STRATEGII □I MECANISME NAȚIONALE DE DEZVOLTARE A SOCIETĂ□II CIVILE ÎN CONSOLIDAREA COMUNITĂȚII LOCALE. CAZUL REPUBLICII MOLDOVA

Carolina BUDURINA-GOREACII
Republica Moldova, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Rela□ii Interna□ionale, □tiin□e Politice □i Administrative, Catedra Limbi Străine Aplicate
Lector, magistru în □tiin□e Politice, doctorandă

Civil society organizations can play an important role in mobilizing different stakeholders for the purpose of more effective participation in political process and public governance. But to get to these goals it is necessary to respect certain principles. We can refer o participation, transparency, equality, independence, efficiency. Therefore, civil society organizations are involved in cooperation process and also benefit from equal and open treatment from state bodies. By involving civil society actively and constructively in the process of cooperation, their proposals will have an impact on the development of legislative initiatives and Parliament can benefit greatly from the cooperation process.

Thus,civil society organizations can contribute to a responsible cooperation by increasing transparency and accessibility of information about the formation and implementation of government policies. Active civil society that serves to achieve these objectives include: identification, publication and distribution of information on subjects concerning legislation, provisions, budgeting, and public expenditure, implementation of policies and programs of particular interest.

The participation of civil society in the cooperation process with the Parliament forms also social equality and human rights law. We might mention here the role of advocacy of the human rights organizations in exerting pressure for the implementation of existing laws, proposing legislative initiatives and institutional reforms to improve the operation and responsibility to society state security organs and police.

Republica Moldova construieşte o societate democratică, bazată, pe lîngă multe alte principii, şi pe cel al democrației participative, în care cetățeanul este subiectul proceselor sociale şi politice. Este de neconceput o societate civilă fără consultanța şi participarea cetățenilor (prin formele organizate ale societății civile) la procesul de definire, elaborare, monitorizare, evaluare şi de implementare a politicilor publice.

Societatea civilă din Republica Moldova se află în proces de tranziție spre o prezență instituțională durabilă în dezvoltarea națională şi cea locală. Organizațiile societății civile (OSC) se afirmă tot mai vizibil ca partener plenipotențiar în colaborarea cu autoritățile publice şi cu mediul de afaceri atît la nivel național, cît şi pe plan local. Situația este influențată, pe de o parte, de profesionalismul, deschiderea şi implicarea activă a OSC din diverse domenii în soluționarea problemelor cu care se confruntă statul, iar pe de altă parte, de necesitatea implementării standardelor europene care presupun o implicare activă a societății civile în procesul de luare a deciziilor.

În Republica Moldova sînt înregistrate peste 8000 de organizații neguvernamentale, cu diferite domenii de activitate, număr impunător care, la prima vedere, poate fi tratat drept indicator vizibil al gradului de participare a cetățenilor. Din acest număr însă doar o mică parte sînt organizații active, majoritatea activînd în localități urbane şi concentrîndu-şi eforturile în special asupra problemelor de importanță națională, mai puțin asupra celor de importanță locală. OSC nu sînt finanțate de către stat, depinzînd astfel de resurse financiare alternative, în special din partea donatorilor internaționali.

Domeniile de implicare a OSC trebuie să țină în mod prioritar de elaborarea cadrului legislativ, a politicilor de monitorizare şi de promovare a serviciilor sociale, precum şi de consolidarea capacităților de advocacy şi lobby, care sînt indispensabile evoluției şi consolidării societății civile, afirmării ei în calitate de partener al administrației publice într-un stat democratic de drept. Este necesară, totodată, consolidarea eforturilor pentru dezvoltarea unei culturi a comunicării, a participării şi a interacțiunii eficiente între sectorul asociativ şi administrația publică atît de nivel național, cît şi de nivel local.

Strategia Națională pentru Dezvoltare Durabilă – "Moldova 21”

Acest document a fost elaborat în anul 2000 de Consiliul Economic Suprem de pe lîngă Preşedintele Republicii Moldova, reprezentînd primul program complex de lungă durată de dezvoltare socio-economică a țării. Una din principiile declarate la acea perioadă se referea la constituirea unei societăți civile deschise, în baza democratizării, descentralizării sistemului public, încurajării formațiunilor societății civile.

ONG-urile au existat şi au avut un rol de jucat cu mult înainte de a fi elaborată Strategia națională pentru Dezvoltarea Durabilă. La momentul lansării Strategiei în Republica Moldova erau înregistrate şi activau peste 2000 de ONG-uri. Rolul ONG-urilor în calitate de elemente active ale societății civile sunt direct implicate în implementarea standardelor democratice general acceptate, proces care în Republica Moldova a durat mai mult timp şi care pînă în prezent este însoțit de şocuri sociale. În al doilea rînd, ONG-urilor le revine sarcina monitorizării funcționarii instituțiilor democratice.

Este necesar să luăm în calcul, în primul rînd, că elaborarea Strategiei privind Dezvoltarea Durabilă s-a făcut la nivel național, cu concursul unor experți locali şi internaționali şi în baza unor principii elaborate de ONU. Deci nu pot exista bănuieli că documentul putea purta amprentele unor interese înguste. Acest fapt îi atribuie documentului respectiv un grad de atractivitate cu totul deosebit. De aceea, Strategia devenise un document central datorită faptului că servea drept un instrument de aducere a parametrilor socio-economici ai Moldovei la standardele general acceptate. Acesta înseamnă că Strategia devenise un instrument de angrenare a Republicii Moldova la comunitatea internațională. Din acest punct de vedere o primă sarcină a ONG-urilor consta în reconsiderarea priorităților în sensul adaptării scopurilor statutare la o suprasarcină cum putea deveni implementarea Strategiei naționale pentru Dezvoltării Durabile a țării. Astfel, comunitatea ONG-urilor căpătase un scop comun foarte bine determinat şi bazat pe principii ce emanau de la cea mai importantă organizație internațională - ONU. Aceste scop nu putea fi privit ca o impunere ci, dimpotrivă, oferea noi oportunități. Din acest punct de vedere Strategia ar trebuia să fie privită ca un centru de gravitație pentru activitatea ONG-urilor. Această adaptare a activității ONG-urilor la atingerea scopurilor Strategiei putea fi privită ca un exercițiu "de alegere a grîului de neghină".

În al doilea rînd, trebuie să luăm în considerație că, de obicei, ONG-urile sunt cele mai receptive la asimilarea celor mai avansate experiențe, produc evenimente de rezonanță, lansează idei noi, oferă servicii şi transfer de abilități. Este evident că acestea sunt abilități care urmează să fie diseminate în mediul ONG-urilor, organelor de guvernămînt şi în mediul cetățenilor care încă nu au fost atraşi în activitatea îndreptată spre atingerea beneficiului public. Pentru a fi eficiente în aceste preocupări ONG-urile aveau nevoie de cîteva lucruri: autoorganizare şi structurare, creare a rețelelor de comunicare. Fără aceste lucruri era imposibilă coerența acțiunilor ONG-urilor.

În al treilea rînd, datorită numărului relativ înalt al ONG-urilor şi a spectrului divers de interese acestea posedau un imens potențial de monitorizare a politicilor publiceale guvernanților în diferite domenii. În acest sens ONG-urile erau cei mai buni agenți pentru a da în vileag incoerența promovării politicilor publice de către guvernanți. Acest lucru făcea ca ONG-urile să fie extrem de utile în calitate de parteneri ai autorităților, contribuind la promovarea unor politici publice coerente şi ajustate reciproc. În plus, parteneriatul ONG-urilor cu autoritățile publice alese periodic de către cetățeni putea servi drept cea mai sigură garanție a continuității promovării politicilor publice în interesul cetățenilor, indiferent de culoarea politică a forțelor care se succed la guvernare [9].

Concep□ia privind cooperarea dintre Parlament şi societatea civilă

Acest document a fost adoptat pe data de 29 decembrie 2005. Scopul acestui document a constat în stabilirea unei cooperări permanente, deschise şi eficiente între Parlament şi societatea civilă. Pentru atingerea acestui scop, s-a impus realizarea următoarelor obiective: evaluarea obiectivă a problemelor cu care se confruntă societatea; reprezentarea cît mai largă în Parlament a opiniilor diverselor grupuri de cetăţeni; eficientizarea democraţiei participative şi a procesului de luare a deciziilor; încurajarea iniţiativelor civice; extinderea şi perfecţionarea cadrului legislativ prin participarea cît mai largă a alegătorilor la acest proces.

Cooperarea realizată în conformitate cu această concepţie nu substituia alte forme legale de cooperare între Parlament, organele de lucru ale acestuia şi organizaţiile societăţii civile. Deaceea procesul de cooperare se bazau pe următoarele principii:

a) *principiul participării*, unde organizaţiile societăţii civile urmau să fie implicate plenar în procesul de cooperare.

b) *principiul transparenţei*. Procesul de cooperare trebuia să se desfăşoare într-o manieră deschisă, iar mecanismul de cooperare să fie clar atît organizaţiilor societăţii civile implicate direct în acest proces, cît şi opiniei publice.

c) *principiul eficienţei*. Institut□iile societăţii civile urmau să fie implicate în mod constructiv în procesul de cooperare, astfel încît contribuţiile lor să poată avea impact asupra dezvoltării iniţiativelor legislative, iar Parlamentul să poată beneficia din plin de pe urma cooperării.

d) *principiul egalităţii*. În procesul de cooperare, organizaţiile societăţii civile beneficiau de un tratament egal.

e) *principiul independenţei*.Organizaţiile societăţii civile sînt libere şi independente şi nu trebuiau să promoveze în procesul de cooperare cu Parlamentul interese de business sau interese politice.

Mecanisme de cooperare. Participanţi la cooperare conform Concep□iei constituiau Parlamentul şi organizaţiile societăţii civile înregistrate în Republica Moldova. În cooperarea sa cu societatea civilă, Parlamentul conta pe capacitatea acesteia de a se organiza în vederea asigurării procesului de cooperare. În vederea asigurării procesului de cooperare, Parlamentul desemna din cadrul Aparatului Parlamentului o subdiviziune responsabilă de relaţiile cu societatea civilă. Această subdiviziune ţinea evidenţa organizaţiilor societăţii civile interesate, care cuprindea organizaţiile neguvernamentale înregistrate în Republica Moldova ce îşi exprimau dorinţa de a coopera cu Parlamentul. Toate contribuţiile organizaţiilor societăţii civile, realizate în cadrul procesului de cooperare, conform Concep□iei purta un caracter de recomandare [4].

Chiar dacă Parlamentul a respectat principiul transparenţei procesului legislativ şi principiile de cooperare cu societatea civilă, totu□i acest document a atestat □i cîteva lacune. Din textul proiectului nu a rezultat stabilirea şi

promovarea expresă a unor interese/beneficii de grup sau individuale, necorelate/contrare interesului public general, iar nota informativă nu conținea referințe la reglementările corespondente ale legislației comunitare şi nivelul compatibilității proiectului de act legislativ cu reglementările în cauză. La fel nota informativă nu conținea informații suficiente privind fundamentarea economico-financiară a implementării proiectului de lege, deşi această fundamentare şi estimare era necesară, în virtutea faptului că se propune redistribuirea cheltueililor bugetare [8].

Strategia națională privind dezvoltarea societății civile pentru anii 2008-2011

Acest document stipula că baza instituțională de sprijin a dezvoltării societății civile în Moldova nu era dezvoltată, iar îmbuntă□irea situa□iei prin crearea unor condi□ii necesare a stimulat actorii decizionali să adopte prezenta strategie mult mai eficientă sub aspect practic. Astfel, a fost creat Biroul guvernamental de cooperare cu ONG-urile, Fondul Național pentru dezvoltarea societății civile şi Consiliul Consultativ pentru dezvoltarea societății civile pe lîngă premier.

Obiectivele documentului erau orientate spre îmbunătățirea cadrului juridic, financiar şi instituțional existent şi crearea unui nou cadru pentru sprijinirea dezvoltării societății civile, precum şi spre crearea condițiilor necesare pentru dezvoltarea continuă a societății civile în Republica Moldova. Scopul principal al strategiei consta în crearea condițiilor pentru dezvoltarea unei societății, în care cetățenii şi organizațiile societății civile, împreună cu alte sectoare, urmau să participe activ, în condiții de egalitate şi responsabilitate şi pe principiile dezvoltării durabile şi realizării activității social-utile, la edificarea unei societăți favorabile şi cu posibilități egale pentru toți.

Pentru atingerea acestor obiective, documentul prevedea □i necesitatea asigurării libertății mass-media. Prevederile strategiei se bazau pe faptul că statul, pe lîngă asigurarea libertății pentru activitatea societății civile, trebuia să respecte potențialul societății civile, ca participant şi ca instrument de corectare la adoptarea deciziilor ce țin de probleme sociale şi la realizarea deciziilor sociale şi acțiunilor cu un impact asupra societății.

În alt context, documentul prevedea modificarea legilor fiscale, în scopul stimulării filantropiei şi culturii donațiilor pentru scopuri social utile, prin intermediul unui sistem de facilități fiscale pentru organizațiile social-utile ale societății civile, pentru persoanele fizice şi organizațiile comerciale, care direcționează mijloacele pentru realizarea unei astfel de activități către organizațiile social-utile ale societății civile.

Pentru realizarea acestor sarcini au fost expuse □i îndeplinire unui □ir de ac□iuni care urmau să mobilizeze atît actorii decizionali locali, de stat, cît □i reprezentan□ii societă□ii civile. Printre acestea se numără responsabilizarea

autorităților publice de plasarea informațiilor referitoare la crearea de politici şi la structura autorității administrației publice centrale pe site-urile instituțiilor respective; responsabilizarea autorităților administrației publice de elaborarea acordurilor de colaborare cu societatea civilă, în special a planurilor de acțiuni concrete cu OSC; organizarea formală a procesului de consultare a OSC în contextul elaborării de politici; elaborarea mecanismelor şi a măsurilor prin care să se asigure transparența decizională şi participarea OSC la dezbaterea proiectelor de acte legislative şi normative; evaluarea posibilității de constituire pe lîngă Guvern a unei structuri abilitată cu efectuarea interacțiunii cu societatea civilă, capabilă să susțină cooperarea instituțiilor publice cu societatea civilă; perfecționarea mecanismului de cooperare dintre Parlament şi OSC şi consfințirea legislativă a unor astfel de mecanisme la nivel de Guvern, de autorități ale administrației publice centrale şi locale; îmbunătățirea cooperării şi conştientizarea procesului de dezvoltare a societății civile de către autoritățile publice centrale şi locale, de către organele responsabile de înregistrarea OSC.

Planul de acțiuni pentru implementarea Strategiei naționale de dezvoltare pe anii 2008-2011

Acest document reprezintă instrumentul tehnic de realizare a priorităților şi obiectivelor Strategiei naționale de dezvoltare pe anii 2008-2011. Acest Plan era compus din acțiuni care reprezintau inițiative majore menite să contribuie la realizarea unei sau a mai multor programe şi măsuri incluse în Strategie. La rîndul lor, acțiunile erau dezagregate în subacțiuni, care defineau activități concrete, etapizate în timp.

În vederea evaluării procesului şi nivelului de îndeplinire a acțiunilor întreprinse privind implimentarea Strategiei naționale de dezvoltare au fost stabilite mecanismele de monitorizare, evaluare şi actualizare a Planului de acțiuni. Scopul procesului de monitorizare şi evaluare consta în determinarea dacă acțiunile/subacțiunile propuse au fost realizate, pentru a întreprinde acțiuni de corectare a politicilor în vederea atingerii obiectivelor Strategiei naționale de dezvoltare pe anii 2008-2011.

Procesul de monitorizare şi evaluare a Planului de acțiuni privind implementarea Strategiei naționale de dezvoltare pe anii 2008-2011 a fost coordonat de către Comitetul interministerial pentru planificarea strategică şi asistenței externe a Aparatului Guvernului. În cadrul autorităților publice centrale monitorizarea şi evaluarea a fost realizată de către direcțiile de analiză, monitorizare şi evaluare a politicilor. Participarea societății civile şi partenerilor de dezvoltare la procesul de monitorizare şi evaluare a Strategiei naționale de dezvoltare pe anii 2008-2011 a fost asigurată prin intermediul Consiliului de Participare.

În cadrul procesului de monitorizare au fost elaborate rapoarte de progres care au prezentat informații despre implementarea acțiunilor şi subacțiunilor inc-

luse în Planul de acțiuni. Aceste rapoarte fost elaborate o dată la fiecare şase luni (iulie şi ianuarie) şi conțineau informația privind eforturile de implementare a subacțiunilor.

La sfîrşitul fiecărui an de implementare a fost elaborat raportul de evaluare a Strategiei naționale de dezvoltare. Pînă la începutul lunii martie a fiecărui an autoritățile publice centrale au prezentat Direcției coordonarea politicilor şi asistenței externe a Aparatului Guvernului şi Ministerului Finanțelor documentele de evaluare care conțineau informația despre rezultatele obținute, conform obiectivelor trasate în Planul de acțiuni. Aceste documente de evaluare includeau indicatorii relevanți şi datele statistice (după cum este identificat în Strategia națională de dezvoltare şi Planul de acțiuni), precum şi analiza informației. Direcția coordonarea politicilor şi asistenței externe a Aparatului Guvernului au elaborat proiectul raportului consolidat de evaluare a Strategiei, în baza informației oferite de Minister şi din altă informație analitică disponibilă. Raportul consolidat de evaluare era prezentat Guvernului spre aprobare către 1 mai al fiecărui an şi Parlamentului pînă la 15 mai.

Planul de acțiuni era revizuit anual în vederea perfecționării inițiativelor în funcție de progresul în implementarea acțiunilor, rezultatele obținute şi schimbările de context. Procesul de revizuire şi actualizare a Planului de acțiuni se realiza în corelare cu orarul prevăzut pentru elaborarea Cadrului de Cheltuieli pe Termen Mediu. În acest scop a fost creat un grup de lucru comun, cu responsabilități de coordonare la nivel tehnic. La nivel decizional, procesul de actualizare a fost coordonat şi supravegheat de către Comitetul interministerial [5].

În această ordine de idei Strategia dezvoltării societății civile în anii 2008–2011 constituia o continuitate logică a Concepției privind cooperarea dintre Parlament şi societatea civilă şi o nouă etapă în vederea impulsionării şi perfecționării mecanismelor existente. Astfel, punerea ei în practică a contribuit la promovarea principiilor democrației participative, la implementarea bunelor uzanțe în domeniul cooperării între societatea civilă şi autoritățile publice centrale şi locale, accelerînd dezvoltarea mediului legal favorabil funcționării şi evoluției sectorului asociativ prin sporirea gradului de transparență, care presupunea o mai mare deschidere către cetățean şi comunicare cu acesta, precum şi coerență în promovarea politicilor publice.

Implementarea obiectivelor propuse în Strategie a facilitat transformarea societății civile într-un mobil important al democratizării Republicii Moldova. Prin urmare, consolidarea societății civile în toate formele de manifestare a constituit o premisă a evoluției democratice a societății moldoveneşti.

Strategia de dezvoltare a societății civile pentru perioada 2012–2015

Considerînd dezvoltarea durabilă a societății civile una dintre condițiile esențiale pentru asigurarea funcționării şi consolidării proceselor democratice într-

un stat şi întru continuarea activităților demarate în acest sens în cadrul Strategiei de dezvoltare a societății civile pentru perioada 2008-2011, a fost lansat procesul de elaborare a proiectului Strategiei de dezvoltare a societății civile pentru perioada 2012-2015 şi a Planului de acțiuni pentru implementarea Strategiei.

Procesul de elaborare a Strategiei a fost inițiat la 29 decembrie 2011, în cadrul reuniunii pentru crearea grupului de lucru intersectorial privind elaborarea Strategiei, organizată de Parlament în parteneriat cu membrii Consiliului Național al ONG-urilor din Republica Moldova.

Scopul Strategiei constă în asigurarea unui cadru favorabil pentru dezvoltarea societății civile active, capabilă să contribuie progresiv la dezvoltarea democratică a Republicii Moldova, să stimuleze coeziunea socială şi să dezvolte capitalul social al țării**.**

Acest document reflectă angajamentul Republicii Moldova de a consolida în mod sistematic condițiile pentru dezvoltarea rapidă şi progresivă a societății civile. Fiind edificată pe principiile încrederii reciproce, parteneriatului, transparenței, participării, nonpartizanatului politic, Strategia continuă eforturile demarate în cadrul strategiei precedente de dezvoltare a societății civile (perioada 2008-2011).

Conform documentului, Guvernul se obligă să instituie structura responsabilă de cooperare cu societatea civilă, care va întruni reprezentanți ai executivului şi ai societății civile, pentru coordonarea şi monitorizarea implementării Strategiei şi a Planului de acțiuni. Iar Grupul de lucru pentru elaborarea Strategiei de dezvoltare a societății civile pentru perioada 2012-2015 şi a Planului de acțiuni pentru implementarea Strategiei, instituit prin Dispoziția Preşedintelui Parlamentului DD/C-1 nr.10 din 9 februarie 2012, va monitoriza, alături de structura responsabilă de cooperarea cu societatea civilă instituită de Guvern, implementarea Strategiei şi a Planului de acțiuni.

Pentru a pune în aplicare documentul a fost elaborat Planul de acțiuni, care include referințe cu privire la resursele necesare de ordin financiar şi resursele de personal, dar □i termenii stabili□i pentru a fi realizată fiecare ac□iune.

Sursele de finanțare pentru implementarea Strategiei vor fi următoarele: bugetul de stat, în limitele mijloacelor alocate/aprobate pentru instituțiile implicate; proiectele şi programele de asistență tehnică şi financiară externă din partea donatorilor; sponsorizările şi alte surse acceptate în condițiile legii.

Chiar dacă strategia a fost publicată la începutul anului 2013, (iar în Planul de ac□iuni au fost specificate □i activită□i pentru anul 2012) Consiliul Na□ional al ONG din Republica Moldova şi Ministerele de resort au început ac□iunile de implementare din 2012 şi anumite produse sunt deja realizate.

Astfel pentru a realiza modificări la cadrul legislativ privind instituirea structurii responsabile de cooperarea cu societatea civilă, Consiliul Na□ional al

ONG a avut o întîlnire cu reprezentan□ii Cancelarie de Stat, unde au fost expuse argumente pro şi contra, în ceea ce priveşte modalitatea de formare şi funcționare a unității de cooperare dintre societatea civilă şi autoritățile publice. Atît reprezentanții Consiliului ONG, cît şi al Cancelarie de Stat au fost de acord că este necesar de pus bazele unui mecanism de monitorizare a Strategiei, al cărui durabilitate să nu fie influențat direct de factorul uman, în special de fluctuația cadrelor din interiorul Cancelariei. În decizia finală a □edin□ei a fost specificat faptul că reprezentan□ii Cancelariei de Stat vor analiza modalită□ile de instituirea a acestei unită□i □i vor fi consultate cu reprezentan□ii societă□ii civile.

Pentru elaborarea şi adoptarea amendamentelor la Concep□ia de cooperare între Parlament şi societatea civilă, reprezentan□ii Direc□iei Informa□ional Analitice au trimis spre consultare societă□ii civile documentul. Secretariatul Consiliului ONG au distribuit informa□ia în re□elele de organiza□ii active □i au trimis comentarii de îmbunătă□ire a Concep□iei de cooperare. Modificările propuse vor fi adoptate la □edin□a în plen a Parlamentului.

Pe durata implementării strategiei Guvernul va asigura crearea şi funcționarea unui sistem efectiv de monitorizare şi evaluare. Acest sistem va permite de a analiza în ce măsură sunt îndeplinite activitățile propuse, care este impactul acțiunilor respective asupra realizării obiectivelor şi cum atingerea obiectivelor conduce la obținerea rezultatelor scontate.

Cadrul instituțional pentru monitorizarea şi evaluarea strategiei va cuprinde doi actori principali. Comitetul Interministerial pentru Planificarea Strategică va supraveghea procesul de implementare a strategiei [2].

Consiliul Național pentru Participare, constituit din reprezentanți ai societății civile va monitoriza independent procesul de implementare a Strategiei „Moldova 2020”. Guvernul va comunica societății civile, prin intermediul Consiliului Național pentru Participare, progresul realizat şi va discuta modalitățile de implicare comună pentru implementarea cît mai reuşită a strategiei.

Cancelaria de Stat va fi responsabilă pentru compilarea rapoartelor de monitorizare şi evaluare în baza contribuțiilor autorităților publice implicate în proces. Cancelaria de Stat va asigura desfăşurarea unui proces transparent şi participativ de interacțiune a tuturor actorilor implicați în procesul de monitorizare şi evaluare a Strategiei „Moldova 2020”.

Acțiunile pentru implementarea strategiei vor fi actualizate anual de către autoritățile publice implicate în proces, prin intermediul unităților de analiză, monitorizare şi evaluare a politicilor publice şi incluse în planul de acțiuni pentru implementarea Programului de activitate a Guvernului. Cancelaria de Stat va fi responsabilă de definitivarea planului de acțiuni.

Sincronizarea proceselor de actualizare şi monitorizare a strategiei şi Programului de activitate a Guvernului va permite de a canaliza eforturile autorităților pe un set de acțiuni integrate şi va simplifica povara raportării.

Prioritățile din Strategia „Moldova 2020” vor servi drept bază pentru Cadrul Bugetar pe Termen Mediu şi vor ghida Guvernul în alocarea resurselor pe termen mediu. Acestea nu vor fi modificate pînă la finalizarea strategiei. Menținerea aceloraşi priorități va spori şansele atingerii obiectivelor stabilite în strategie.

Acțiunile comune vor fi introduse în matricea consolidată de monitorizare, pe baza căreia autoritățile publice implicate vor raporta trimestrial prin completarea statutului realizării acțiunilor şi argumentarea succintă a acestuia. Cancelaria de Stat va analiza contribuțiile autorităților, va valida statutul acțiunilor şi va compila trimestrial o notă cu privire la progresul realizării acțiunilor. Nota respectivă va fi plasată pe pagina Guvernului.

Anual, Cancelaria de Stat, în baza contribuțiilor autorităților implicate, va elabora un raport narativ de monitorizare, pentru a puncta progresul implementării strategiei pe parcursul anului precedent.

De două ori pe durata implementării strategiei Cancelaria de Stat va elabora rapoarte de evaluare a impactului strategiei asupra atingerii obiectivelor. Primul raport de evaluare va fi elaborat la mijlocul implementării strategiei, odată cu expirarea termenului stabilit pentru realizarea obiectivelor intermediare (2015). Al doilea raport de evaluare va fi elaborat după finalizarea strategiei şi va analiza în ce măsură Strategia „Moldova 2020” a reuşit să atingă obiectivele generale – creşterea economică şi reducerea sărăciei. Rapoartele de monitorizare şi evaluare vor fi plasate pe pagina Guvernului şi a autorităților publice implicate. Rapoartele de evaluare vor fi prezentate Parlamentului.

Planul de acțiuni pentru implementarea Strategiei de dezvoltare a societății civile pentru perioada 2012–2015

Printre obiectivele specifice ale planului se enumeră consolidarea cadrului de participare a societății civile la elaborarea şi monitorizarea implementării politicilor publice; promovarea şi consolidarea durabilității financiare a societății civile; dezvoltarea spiritului civic activ şi a voluntariatului [6].

În contextul **Strategiei naționale de dezvoltare „Moldova 2020”** Guvernul a făcut o tentativă de a modela dezvoltarea istorică şi cea de viitor a Republicii Moldova. Această strategie vine să prezinte o viziune închegată privind dezvoltarea economică susținută pe termen lung, avînd la temelie un studiu diagnostic al constrîngerilor de dezvoltare economică. Sub acest aspect, ea urmează să consolideze şi să ghideze abordarea sectorială caracteristică pentru programul de guvernare, ale cărui obiective sînt trasate pentru întreaga durată a mandatului.

Domenii precum sănătatea, cultura, protecția socială, protecția mediului sînt cruciale pentru dezvoltarea durabilă a țării. Optica aleasă de Strategia națională de dezvoltare este de a amplifica acoperirea bugetară pentru promovarea unor politici adecvate în aceste sectoare, ca urmare a unei dezvoltări economice accelerate. Asemenea optică presupune sustenabilitatea asistenței externe care este recepționată în prezent.

Potrivit reprezentan□ilor societă□ii civile Strategia Națională de Dezvoltare Moldova 2020 este orientată pe oferirea unei viziuni pe termen lung al dezvoltării Republicii Moldova. Însă în pofida bunelor intenții şi consultărilor în elaborare acestuia, strategia promovează o abordare limitată, axată doar pe unele aspecte ale creşterii economice a țării. Modelul propus de realizare a creşterii economice nu reflectă totalmente viziunea de dezvoltare durabilă a țării. Din considerentul că strategia nu condiționează integrarea priorităților tuturor altor strategii sectoriale, avînd efecte negative asupra dezvoltării durabile sectoriale ale țării, Consiliul ONG a intervenit ulterior cu un set de recomandări, în mai multe şedințe cu Comisia Economie, Buget şi Finanțe a Parlamentului.

❖ **Consiliului Național al ONG din Republica Moldova** este crearea unui cadru favorabil pentru dezvoltarea durabilă a organizațiilor prin implicarea acestora în procesul de discutare/lansare/ monitorizare a proiectelor de lege şi a politicilor publice ce influențează activitatea ONG. Acest organ îşi propune să monitorizeze adoptarea şi implementarea proiectelor de lege cu impact în domeniu ONG; să faciliteze colaborarea dintre sectorul neguvernamental şi autoritățile publice; să sporească gradul de transparență şi vizibilitate a sectorului neguvernamental.

Eforturile Consiliului ONG în perioada 2008-2010 au fost axate pe obiectivele Rezoluției Forumului, Ediția V, şi anume facilitarea implementării Strategiei Dezvoltării Societății Civile pentru anii 2008-2011, elaborarea Planului de Acțiuni privind implementarea Strategiei Dezvoltării Societății Civile; acțiuni de lobby pentru adoptarea amendamentelor Legii asocia□iilor obşteşti cu privire la utilitatea publică; elaborarea şi semnarea Acordului de colaborare dintre Primăria Municipiului Chişinău şi Consiliul ONG; oferirea de sprijin legislativului în organizarea a două ediții a Conferinței Anuale "Cooperarea Parlament – Societatea Civilă".

Eforturile Consiliului ONG în perioada 2011-2013 au fost axate pe obiectivele Rezoluției Forumului, Ediția VI, şi anume facilitarea implementării Strategiei Dezvoltării Societă□ii Civile 2012-2015, implementarea şi monitorizarea punerii în aplicare de către Guvern a Planului de acțiuni al Strategiei Dezvoltării Societății Civile 2012-2015, interven□iile Consiliului ONG pentru modificarea □i dezvoltarea politicilor publice [3].

❖ **Consiliul Național pentru Participare (CNP)** este creat la inițiativa Guvernului Republicii Moldova în calitate de organ consultativ şi activează în

baza Hotărârii de Guvern Nr.11 din 19.01.2010. Din componența CNP fac parte 30 de reprezentanți ai societății civile. Durata mandatului este de doi ani. Consiliul Național pentru Participare are menirea să faciliteze participarea părților interesate în procesul de elaborare, implementare, monitorizare, evaluare şi actualizare a documentelor de planificare strategică. Misiunea CNP este de a contribui la adoptarea deciziilor de politici publice care să răspundă intereselor societății. Consiliul are ca scop dezvoltarea şi promovarea parteneriatului strategic între autoritățile publice, societatea civilă şi sectorul privat în vederea consolidării democrației participative în Republica Moldova, prin facilitarea comunicării şi participării părților interesate în identificarea şi realizarea priorităților strategice de dezvoltare a țării la toate etapele şi crearea cadrului şi capacităților instituționale de asigurare a implicării plenare a părților interesate în procesul de luare a deciziilor.

Pe parcursul anului 2011 membrii CNP au reuşit să instituționalizeze cele 5 grupurile de lucru (Justiție şi drepturile omului; Economie, finanțe și mediu antreprenorial; Securitate și politica externă; Social, sănătate și educație; Mediu și dezvoltare durabilă) pentru o mai bună interacțiune între organizațiile membre şi cooptare a altor organizații ale societății civile. S-a stabilit o legătură de comunicare mai bună cu persoanele responsabile de comunicarea cu societatea civilă/transparența decizională din cadrul Ministerelor [1]. De asemenea, în cadrul CNP a fost creat grupul tematic Guvern Deschis / E-Guvernare.

Reprezentanții Consiliului Național pentru Participare sunt membri în peste 33 grupuri consultative create de structurile de stat, aceștia jucînd rolul de facilitator privind participarea societății civile în procesul decizional cu accent pe problemele/subiectele de dezvoltare strategică. În același timp au fost atrase şi implicate mai multe organizații din afara Consiliului în dialogul cu Executivul şi în procesul decizional, în special a rețelelor de ONG din localități şi sectorului privat. CNP a demonstrat mai multă insistență în relația cu donatorii pe dimensiunea asistenței tehnice, pentru a asigura o mai mare transparență a dialogului între donatori şu guvern. A fost monitorizat modul în care sunt luate în considerare propunerile societății civile, iar în perspectivă de extins aria de monitorizare a parcursului proiectelor de decizii şi pe dimensiunea parlamentară. Iar pentru realizarea acestei sarcini a fost nevoie de un angajament al organizațiilor membre pentru monitorizarea anumitor procese şi documente pentru a asigura o finalitate.

Concluzie

Societatea civilă dezvoltată, după cum reiese din experiența internațională, este o sursă şi o consecință a activității politice a maselor, formînd o bază solidă pentru democrație. Formarea unei societăți civile mature în Republica

Moldova este un proces de decenii. Cu toate acestea, anumite elemente ale sale, inclusiv şi de structură, precum ar fi organizaţiile neguvernamentale, sindicale, mijloacele mass-media, biserica, partidele politice extraparlamentare şi alte asociaţii publice, care funcţionează în ţară participă la formarea şi consolidarea democraţiei în măsura posibilităţilor şi aptitudinilor sale.

Necesitatea adoptării □i implementării strategiilor, a planurilor de ac□iuni este condiţionată de următoarele circumstanţe:

În primul rînd, de necesitatea de a elabora planuri de acţiune cu termen mediu şi lung, fără precizarea suplimentară a măsurilor planificate pentru dezvoltarea societăţii civile şi a statului în baza intereselor naţionale fundamentale. Aceste planuri desemnează vectorii de bază şi modalităţile specifice de aplicare în practică a unei politici eficiente, integrate şi echilibrate interne şi externe, îndreptate spre modernizarea ţării în condiţii de stabilitate şi securitate.

În al doilea rînd, din motivul necesităţii depăşirii fenomenelor de criză şi stagnării societăţii, apare în mod obiectiv necesitatea de a optimiza procesul politico-statal de guvernare şi de a-i asigura stabilitatea, consecutivitatea, succesiunea, reieşind din scopurile clar formulate pe termen lung. De aceea, strategiile de dezvoltare trebuie să aibă un caracter pragmatic, realist şi obligatoriu pentru executanţii săi.

În al treilea rînd, este nevoie să fie înţeles rolul guvernului, partidelor politice şi a societăţii civile la conturarea strategiilor de dezvoltare a Republicii Moldova, a realizării sale în domeniile prioritare în condiţiile etapei de tranziţie la o democraţie eficientă.

Rolul specific al statului în implementarea reformelor complexe, ascunde pericolul întoarcerii la metodele autoritare de conducere în cazul lipsei controlului democratic din partea societăţii. De aceea, e nevoie de o optimizare hotărîtă a organelor şi instituţiilor puterii publice, în primul rînd, prin debirocratizare şi profesionalism.

Este necesar să fie formulate şi acceptate ca bază în procesul de elaborare a strategiei de dezvoltare interesele naţionale pe termen lung a societăţii moldoveneşti în interconexiune complexă cu factorii politici, economici şi sociali. Aceasta va permite eviden□ierea şi fundamentarea direcţiilor prioritare de atingere a unui nivel de dezvoltare economică durabil, de rezolvare a problemelor sociale, de consolidare a democraţiei şi statalităţii moldoveneşti bazate pe principii democratice.

După elaborarea □i adoptarea direcţiilor strategice de dezvoltare urmează schi□area detaliată a măsurilor şi acţiunilor concrete de realizare a angajamentelor, astfel, identificîndu-se cele mai eficiente şi concrete modalităţi de mobilizare a fondurilor şi resurselor pentru implementarea în practică a strategiilor de dezvoltare a ţării.

Bibliografie:

1. Anexa 2 la Raportul de activitate a Consiliului Național pentru Participare Evaluarea activității Consiliului Național pentru Participare prin prisma Strategiei de activitate a CNP pentru 2010-2012, http://cnp.md/en/activities/item/download/742, accesat pe 20.12.2013
2. Cadru de monitorizare şi evaluare, http://particip.gov.md/categoryview.php?cat=207&l=ro, accesat pe 23.12.2013
3. Consiliului Național al ONG din Republica Moldova / Prezentare generală, http://www.consiliulong.md/prezentarea-generala/, accesat pe 28.12.2013
4. Hotărîre Nr.373 din 29.12.2005 pentru aprobarea Concepției privind cooperarea dintre Parlament şi societatea civilă. // Monitorul Oficial Nr.5-8, din 13.01.2006, http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=314906, accesat pe 2.01.2014
5. Hotărîre Nr.191 din 25.02.2008 pentru aprobarea Planului de acțiuni privind implementarea Strategiei naționale de dezvoltare pe anii 2008-2011. // Monitorul Oficial Nr.42-44, din 29.02.2008, http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=327071, accesat pe 28.12.2013
6. Lege Nr.205, din 28.09.2012 pentru aprobarea Strategiei de dezvoltare a societății civile pentru perioada 2012-2015 şi a Planului de acțiuni pentru implementarea Strategiei. // Monitorul Oficial Nr.1-5, din 04.01.2013, http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=346217, accesat pe 22.12.2013
7. Lege Nr.166 din 11.07.2012 pentru aprobarea Strategiei naționale de dezvoltare „Moldova 2020”. // Monitorul Oficial Nr.245-247, din 30.11.2012, http://lex.justice.md/index.php?action=view&view=doc&lang=1&id=345635, accesat pe 29.12.2013
8. Moldova 2020. Strategia na□ională de dezvoltare: 7 solu□ii pentru cre□terea economică □i reducerea sărăciei, http://gov.md/doc.php?l=ro&idc=447&id=4874, accesat pe 28.12.2013
9. Raport de expertiză la proiectul legii privind modificarea şi completarea unor acte legislative (Legea cu privire la statutul judecătorului - art.32/2, Art.III, capitolul X; Legea cu privire la procuratură - art.14/6; Legea cu privire la Curtea Constituțională - art.21/2), (înregistrat în Parlament cu numărul 2120 din 28 Decembrie 2009), http://capc.md/ro/expertise/avize/nr-387.html, accesat pe 24.12.2013

Prezentat la redac□ie

la 2 ianuarie 2014

Recenzent – ***Valeriu MOȘNEAGA***, doctor habilitat în științe politice, profesor

ALEGERILE PARLAMENTARE DIN REPUBLICA MOLDOVA DIN 27 FEBRUARIE 1994: STUDIU PRACTIC

Radj CĂRBUNE
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Studii Politice □i Economice Europene „C.Stere”, Facultatea Relații Internaționale □i □tiin□e Politice
Lector superior, doctorand

The main cause of instability of the Moldovan political pluralism both in the absence of democratic traditions and experience and the ethnic division of parties and political organizations. This means that the work programs of parties and political organizations, the issue of national-state structure plays a key role.

Instability of many parties in Moldova is clearly visible in the electorate's attitude towards movements and political parties. The voters have more confidence in prominent political figures than in political parties and socio-political organizations.

It is undeniable that the multiparty system in Moldova has become a reality, as an immanent phenomenon of a democratic society. Political parties reflect the claims of various segments of society directing them institutionalist channels based on ideological pluralism and tolerance.

Another positive point of parliamentary elections is the fact that he has stimulated the emergence of political proscenium of a whole range of political parties and socio-political formations economic character.

Moldovan Parliament elections showed that there was a passage beyond the space and time problems which were scheduled radical ideologies national liberation movement.

Ziua de 27 februarie 1994 va rămâne în istoria Republicii Moldova ca o zi a primelor alegeri democratice pe bază pluripartită. Unul din aspectele pozitive ale campaniei electorale constă în faptul că diversele formațiuni social-politice s-au manifestat într-un spațiu comun de tematică şi timp. Blocurile electorale au început să se cristalizeze în funcție de platformele electorale programate, de simpatiile şi antipatiile diferitor categorii de populație.

Aşa cum s-a presupus, în maratonul preelectoral al primelor alegeri democratice din istoria Moldovei pe bază de pluripartidism s-au inclus, practic, toate partidele şi formațiunile social-politice, multe dintre care s-au unit în blocuri electorale, pentru a se prezenta în acelaşi spațiu de timp şi probleme.

Dintre blocurile electorale vom menționa:

- Alianța Frontului Popular Creştin-Democrat, alcătuită din trei formațiuni social-politice: Frontul Popular Creştin-Democrat, Organizația Tineretului Creş-

tin-Democrat şi Mişcarea Voluntarilor. Acest bloc s-a constituit la 27 octombrie 1993. Tezele lui principale erau: formarea unui stat naţional unitar, reconstruirea proprietăţii private, crearea unui spaţiu economic unic între Moldova şi România, integritatea republicii în organismele internaţionale. Sigla electorală a Alianţei prezintă imaginea domnitorului Moldovei, Ştefan cel Mare, proiectată într-un spaţiu sferic, semn folosit de publicaţie "Ţara" de la înfiinţarea sa până la 19 februarie 1991 (conducerea redacţiei a înlocuit semnul cu un contur al Regatului Român în frontierele de până la 1940) [1, p.2].

- Blocul Partidul Socialist şi Mişcarea "Unitatea-Edinstvo" alcătuit din două formaţiuni social-politice: Partidul Socialist şi Mişcarea Republicană pentru Egalitate în Drepturi "Unitatea-Edinstvo". Acest bloc a fost sprijinit în plus de organizaţiile de veterani, de Partidul Comuniştilor din Moldova şi de Partidul Centrist "Concilier şi Progres" - toate fiind înregistrate la momentul adoptării legii cu privire la alegerea Parlamentului. Dintre tezele fundamentale ale acestui bloc electoral ar putea fi evidenţiate următoarele: lichidarea creşterii inegalităţii sociale, păstrarea valorilor socialiste, a suveranităţii şi independenţei republicii. Naşterea blocului Partidul Socialist din Moldova şi Mişcarea "Unitatea-Edinstvo" a întrunit formaţiunile social politice de origine rusă, care s-au inclus real în procesul politic al Republicii Moldova. Proba tactică de a forma un front unit, ce au şi demonstrat alegerile, a fost mult mai efectiv, decât tactica opoziţiei, care s-a străduit numai să acapareze cât mai multe voturi făcând diferite formaţiuni social-politice, dar toate slabe [2].
- Blocul Ţăranilor şi Intelectualilor, alcătuit din cinci formaţiuni social-politice: Congresul Intelectualilor, Alianţa Ţăranilor Liberi, Partidul Naţional-Liberal, Liga Creştin-Democrată a Femeilor, Partidul Democrat-Creştin. Concomitent cu esenţa unionistă, acest bloc a folosit în campania electorală şi o altă stratagemă politică. Este vorba despre accentul pus pe greutăţile de natură social-economică existente în republică, criticând din acest considerent Guvernul din acea perioadă, acuzându-l de incompetenţă, nomenclaturism, de promovarea ideologiei comuniste. Însă o atare poziţie nu s-a bucurat de un sprijin mai substanţial al electoratului.
- Blocul Social-Democrat a inclus patru formaţiuni social-politice: Partidul Social-Democrat, Mişcarea Democratică "Demnitate", Uniunea Tineretului, Liga Naţională a Tineretului. Blocul a fost sprijinit şi de Mişcarea Combatanţilor din Moldova.

Declarând că PSDM în particular şi blocul electoral în general, are un caracter neunionist şi nenomenclatuist, liderii acestei organizaţii politice au încercat să-şi asigure sprijinul social al oamenilor de diferite naţionalităţi, făcând apel la centrismul politic.

Iniţial, s-a presupus că vor mai fi create şi alte blocuri electorale. De exemplu, liderii Partidului Democrat Agrar au avut intenţia şi au avut convorbiri cu şe-

fii Partidului Democrat referitor la crearea unui astfel de bloc. Însă, până la urmă, au decis să se prezinte la alegeri în mod separat.

Cu excepția blocurilor şi partidelor sus menționate, la alegerile din 27 februarie 1994 sau prezentat încă şapte partide politice şi formațiuni social-politice: Partidul Național Creştin, Partidul Democrat, Partidul Ecologist "Alianța Verde", Partidul Reformelor, Partidul Democrat al Muncii, Asociația victimelor regimului comunist totalitarist şi Asociația Femeilor.

Astfel la cele 104 mandate în Parlamentul Republicii Moldova, pretindeau 13 blocuri electorale, partide politice şi formațiuni social-politice, precum şi 120 candidați independenți.

După cum s-a presupus, maratonul electoral a fost tensionat şi s-a confruntat cu mari complexități de ordin politic ceea ce se explică în primul rând prin faptul ca liderii de la Tiraspol au adoptat toate masurile de rigoare pentru a împiedica desfăşurarea alegerilor în Parlamentul Moldovei pe malul stâng al Nistrului şi în or.Bender.

Sovietul Suprem al autoproclamatei republici a făcut o declarație în sensul ca acesta ar fi, chipurile, parlamentul unui stat străin învecinat [3].

Au fost dificultăți şi în unele raioane din sudul republicii. Situația s-a complicat după ce Comisia Electorală Centrală a decis să nu deschidă sectoarele electorale în localitățile din această zonă [4]. Explicația rezidă în faptul că organul care avea menirea şi trebuia să exprime exclusiv interesele supreme ale statului, în mod direct sau indirect, s-a pronunțat împotriva desfăşurării pe 27 februarie 1994 a alegerilor în Parlamentul Moldovei pe baza de pluripartidism, deoarece, în primul rând, majoritatea membrilor săi exprimau interesele partidelor politice şi formațiunilor social-politice care pledau pentru unirea Moldovei cu România, în al doilea rând, ei au motivat hotărârea adoptată prin respectarea formală a legislației cu privire la alegeri, conform căreia termenele de constituire a comisiilor electorale şi de deschidere a sectoarelor electorale expirase deja. Ei îşi dădeau bine seama că prin participarea la alegeri a locuitorilor din zona Transnistriei şi din localitățile populate compact de găgăuzi şi bulgari nu vor învinge partidele care pledează pentru unirea în cel mai scurt timp, ci partidele care aspiră să păstreze siguranța statului, să-i asigure integritatea.

La şedința din 22 februarie 1994, Curtea Suprema a Republicii Moldova a anulat hotărârea Comisiei Electorale, privind refuzul de a înregistra sectoarele electorale în raioanele compact populate de găgăuzi.

Ca urmare, la alegerile din 27 februarie 1994 au participat toți găgăuzii şi reprezentanții etniei bulgare.

Cât priveşte populația majoritară a republicii, în acest sens, inițial, s-a resimțit o oarecare pasivitate față de alegeri, ceea ce se explică, în primul rând prin faptul că locuitorii republicii obosise de atâtea jocuri politice şi manipulări, de

inutilul conflict armat cu nuanțe politice în care se luptă nu pentru interesele republicii, ci în interesul unor anumite sfere politice.

Oricum, primele alegeri democratice pe baza de pluripartidism au avut loc în Moldova. Practic, toți observatorii internaționali au constat că alegerile s-au desfăşurat în conformitate cu toate normele internaționale.

La 14 martie 1994, Comisia Electorală Centrală pentru alegeri în Parlamentul Republicii Moldova a dat publicității rezultatele finale ale alegerilor din 27 februarie 1994.

La urnele de vot s-au prezentat 79,31 la sută din populație.

În consecință, Partidul Democrat Agrar din Moldova a întrunit 56 mandate, Blocul Electoral – Partidul Socialist şi Mişcarea "Unitate-Edinstvo" – 28, Blocul Țăranilor şi Intelectualilor – 11 şi Blocul Electoral "Alianța Frontului Popular Creştin Democrat" – 9 mandate.

Totalurile primelor alegeri democratice în Parlamentul republicii, pe bază de pluripartidism, au arătat ca victoria au obținut-o partidele şi formațiunile social-politice care într-o măsură mai mare sau mai mică s-au bucurat de popularitate la anumite pături ale populației, erau cunoscute, după cum apreciază majoritatea analiştilor moldoveni, pe plan republican, s-au manifestat prin careva acțiuni pe parcursul ultimilor ani, au antrenat în rândurile lor şi au inclus în listele electorale oameni care se bucurau de autoritate şi aveau pondere la populație [5].

Cât priveşte aspectul, politic, apoi victoria PDAM la alegerile din 27 februarie 1994 a fost, practic, garantată de faptul că programul electoral al acestui partid includea aspecte atât de importante vizând viața populației, încât ele erau împărtăşite de majoritatea locuitorilor din Moldova.

O particularitate a acestor alegeri rezidă în faptul că Moldova a decis problema – nu cine personal sau care partid politic va conduce țara, ci pe ce cale va fi proiectata dezvoltarea statului moldovenesc.

În ciuda prognozelor cum că populația republicii n-ar fi fost îndeajuns de bine pregătită să participe pentru prima dată la alegeri pe o bază nouă, de pluripartidism, alegerile au avut loc, iar procentul electorilor a fost destul de înalt 79,31% [6], ceea ce înseamnă că locuitorii republicii au făcut primul pas în direcția practicii mondiale, civilizate şi democratice privind alegerile.

Un alt moment pozitiv al scrutinului parlamentar îl constituie faptul, ca el a stimulat apariția pe avanscena politică a unui şir întreg de partide politice şi formațiuni social-politice cu caracter "economic", ca, de exemplu, Partidul Democrat al Muncii, Partidul Reformelor, Partidul Renaşterii Economice.

Rezultatul primelor alegeri democratice, demonstrează ca, exceptând câteva partide reprezentate în Parlament, majoritatea celorlalte formațiuni politice aveau o existenta fantomatică. Această situație poate fi explicata prin faptul că multe formațiuni politice nu dispuneau de o bază socială proprie şi stabila. În pofida

numărului relativ mare de partide formal înregistrate, adeziunea cetăţenilor la formaţiunile politice era şi mai rămâne scăzută sau denota de multe ori o opţiune conjuncturală. Explicaţiile sunt diverse, inclusiv insuficienta de claritate programatica şi doctrinară a unui sau altui partid, confuzia produsă de numărul mare de formaţiuni politice care reclama obiective similare, etc. [7].

Şi totuşi guvernarea PDAM, declaraţiile şi lozincile agrariene în vederea edificării economiei de piaţă cu caracter social s-au soldat cu rezultate incalificabile pentru acesta. Lipsa efectelor pozitive ale guvernării PDAM conduce la surparea neîncrederii cetăţenilor în capacităţile agrarienilor de a soluţiona problemele societăţii.

Rezultatele unui sondaj de opinie efectuat de SOF (mai 1996) arata ca 82% din cetăţeni chestionaţi nu sunt satisfăcuţi de nivelul democraţiei în Republica Moldova. Comparând rezultatele investigaţiilor sociologice pe o perioadă de patru ani, din 1992 până în 1996, se observă un ritm stabil al descreşterii încrederii populaţiei în instituţiile de stat dominate de agrarieni. La sfârşitul anului 1996 neîncrederea cetăţenilor în Parlament întrunea 76% din opiniile respondenţilor, iar neîncrederea în partidul guvernării (PDAM), care şi-a asumat "responsabilitatea de soarta statului", este enormă. Opiniile negative privind Guvernul depăşesc cifrele privind neîncrederea în instituţia legislativă. în ansamblu, 34,8% din respondenţi consideră că acesta lucrează prost şi 44,4% au părere foarte proasta despre activitatea Guvernului. O imagine preponderent negativa se conturează şi în ceea ce priveşte credibilitatea primăriilor, majoritatea conduse de adepţii PDAM. Astfel, 42,3% din respondenţi au o părere proastă despre primării, 29% - o părere foarte proastă şi doar 17% - o părere bună [8, p.15].

În alegerile parlamentare din 1994 maşina propagandistica a Puterii, funcţionând la maxime turaţii şi manipulând cu multa eficienţă opinia publică, a ştiut să speculeze temele majore ale agendei electorale, să identifice şi să knock-outexe ţintele cele mai "periculoase".

Toate mişcările şi diversiunile Puterii s-au produs pe fundalul unei psihoze generate, având drept obiectiv imobilizarea "odată şi pentru totdeauna" a elementelor unioniste, în primul rând, şi, apoi, şi a celor proimperiale, vizate mai mult de ochii lumii.

Necătând la toate cele menţionate mai sus aş putea spune ca totuşi scrutinul din 1994 are şi laturi pozitive. Deja atunci în 1994 se ilustra o imagine tot mai clară a scenei politice moldoveneşti. Se are în vedere numărul partidelor ce formase noul parlament. Acestea erau patru la număr, ceea ce demonstra că lăstarii democraţiei s-au implantat cât de cât pe acest teritoriu european.

Cred că activitatea parlamentului este cu mult mai simplă atunci când acesta este compus din mai puţine formaţiuni, deoarece dacă nu exista o majoritate parlamentară, atunci este mai simplu de a forma alianţe, coaliţii, reieşind din numărul existent al acestora, dar când parlamentul este format din mai multe for-

mațiuni, atunci posibilitatea alianțelor este mai puțin probabilă, ceea ce poate duce la o criza parlamentară şi în final la un haos politic în stat.

Rezultatele alegerilor parlamentare din 27 februarie 1994 au oferit câteva concluzii sugestive pentru Moldova:

1. soarta alegerilor şi, în linii mari, a partidelor, este decisă în localitățile rurale;

2. "clasa muncitoare" nu influențează decisiv rezultatele scrutinului parlamentar. Muncitorii, de altfel, ca şi personalul de conducere a întreprinderilor industriale, şi-au exprimat opțiunile în baza principiul etnic;

3. electoralul rusolingv, în virtutea intereselor sale etno-politice specifice, a dat dovadă de o opțiune politică aproape unanimă;

4. problemele ecologice nu poarta un caracter prioritar pentru societate;

5. în societate nu exista o mişcare feministă bine organizată, femeile nefiind (încă) o forță politică independentă;

6. clasa de mijloc încă nu s-a afirmat, formarea ei fiind la început de cale, ceea ce imprima o anumită retardare a evoluțiilor vieții politice.

Aşa sau altfel, alegerile generale din 1994, ilustrează că pluripartidismul în Republica Moldova a devenit o realitate. El continuă să fie un fenomen în dezvoltare şi transformare, imanent unei societăți care tinde să se vindece de viruşii totalitari. Constituirea partidelor politice şi organizațiilor social-politice reprezintă un indiciu al unei societăți în care se instituie pluralismul de opinii şi toleranța ideologică [9, p.11]. S-a afirmat în mai multe rânduri, că "atât timp cât în Moldova va exista un puternic vot etnic pronunțat, nu se poate vorbi de o democrație autentică".

Aşadar, la alegerile parlamentare din 27 februarie 1994 în viziunea caracterului şi importantei dominau cele trei criterii fundamentale: politice, economice şi etnice.

Publicitatea politică a avut de asemenea un rol nu mai puțin important în campania electorala parlamentară. Toate formațiunile politice încercau să-şi prezinte o imagine cât mai clară şi mai simplă.

Scrutinul parlamentar din 27 februarie 1994 a realizat în Republica Moldova primele alegeri democratice, alegeri cu adevărat libere în condițiile pluralismului politic şi ideologic.

După alegerile din 1994 şi 1998 deputații din Parlamentul Republicii Moldova reprezentau diverse grupuri sociale şi mai multe orientări politice şi opinii ale electoratului.

În general, activitatea Parlamentului de legislatura a XIII-a a fost diversă şi a avut mai multe direcții prioritare. În acest sens un eveniment remarcabil l-a constituit adoptarea la 29 iulie 1994 a Constituției Republicii Moldova.

Problema durabilității statalității naționale defineşte esența problemei ce priveşte alegerea căii de dezvoltare socială. Deci, preocuparea național-statală (cel

puțin pentru Republica Moldova acum) are preponderență față de preocuparea social-economică.

Pentru statele post-sovietice, problema opțiunii național-statale apare într-o dimensiune hamletiană: va fi sau nu va fi statalitatea națională independentă. Cu alte cuvinte, opțiunea se va face în două variante:

1. statalitatea națională independentă;

2. aderarea la Rusia istorică; reconstruirea (într-o formă sau alta) a Rusiei statale-imperiale, care neagă lipsa suveranității altor statalități naționale din arealul ei.

Pentru Republica Moldova mai exista şi varianta a treia: posibilitatea aderării la România. Disputa forțelor politice ce şi-au arborat drept steag una din cele trei variante de dezvoltare socială a determinat tocmai specificul şi conținutul esențial al alegerilor din 1994.

Mai trebuie adăugat şi faptul că multe formațiuni politice caută să-şi camufleze adeziunea la varianta a doua şi a treia de dezvoltare a societății, deoarece starea conştiinței maselor este net potrivnică amintitelor variante. Tocmai de aceia, formațiunile în cauză nu au încuviințat propunerea Preşedintelui, nici decizia Prezidiului Parlamentului Moldovei de a se efectua un sondaj sociologic în rândul populației republicii în problema independenței țării noastre.

Prezența acestei probleme-cheie a şi determinat ascuțirea polemicii dintre adepții orientărilor menționate.

Pe de altă parte, adepții diferitelor variante, practic nu s-au criticat între ei pe planul opțiunii dezvoltării sociale. Sau, mai bine zis, critica reciprocă a purtat un caracter blând. Acest lucru adevereşte posibilitatea reală de raliere în blocuri, de creare a unor coaliții.

El confirmă, de asemenea, şi posibilitatea atragerii în campania electorală a acelor forțe politice şi structuri statale care nu au participat direct la alegeri. Dar alegerile în Parlamentul Republicii Moldova au stimulat apariția pe harta politică a țării, în special al partidelor şi formațiunilor social-politice axate pe "economia politică".

Alegerile în Parlamentul Moldovei au arătat că s-a produs o trecere dincolo de cadrul spațiului de probleme şi timp care a fost programat de ideologii radicali ai mişcării de eliberare națională.

Aceasta se referă, pe de o parte, la oamenii politici care au abandonat din diferite motive FPCD şi au creat organizațiile lor politice.

Pe de altă parte, a devenit mai evident rolul formațiunilor social-politice, care pledează pentru consolidarea statalității moldoveneşti (PDAM, PRM, PSDM, AFM etc.) cât şi alte probleme. Acestea vizează denumirea poporului (PDAM, PRM optează pentru etnonimul "moldovean", "popor moldovenesc"); vizează denumirea limbii poporului moldovenesc (PDAM pledează pentru glotonimul "limba moldovenească"); vizează imnul de stat (PDAM, PRM, Blocul PS -

"Unitatea-Edinstvo" militează pentru schimbarea actualului imn de stat pe motiv că nu corespunde tradițiilor naționale ale poporului moldovenesc). Mai vizează şi federalizarea țării (căutările în această direcție ale PSDM), termenele de atestare pentru cunoaşterea limbii de stat (PDAM, PRM, Blocul PS - "Unitatea-Edinstvo", BSD formulează diferite propuneri referitoare la termenele de atestare).

Nu este un secret faptul că pentru majoritatea organizațiilor politice, cooperarea cu formațiunea "Unitatea-Edinstvo" este similară trădării idealurilor naționale. Unicul partid care a acceptat un contact deschis şi o atare cooperare cu "Unitatea-Edinstvo" a fost Partidul Socialist.

PSM include mulți alolingvi (rusolingvi), pentru care problema cooperării cu Unitatea-Edinstvo se rezolvă într-o cu totul altă dimensiune decât chiar şi pentru PSDM.

Crearea unui bloc electoral unic format din Partidul Socialist din Moldova şi Mişcarea Republicană pentru Egalitate în Drepturi "Unitatea-Edinstvo", sprijinul serios exprimat de electorat la scrutin (vom sublinia că pentru acest bloc au votat şi moldoveni), iar ca factor amplificator, disponibilitatea generală pentru cooperare din partea PDAM - acestea denotă că nu numai la nivelul maselor, ci şi la nivelul politic partidist "gheața s-a spart" : depăşind încetul cu încetul sciziunea populației pe criteriul etnic [10, p.13].

Un moment pozitiv al scrutinului parlamentar îl constituie faptul, că el a stimulat apariția pe avanscena politică a unui şir întreg de partide politice şi formațiuni social-politice cu caracter "economic" ca de exemplu, Partidul Democrat al Muncii, Partidul Reformelor, Partidul Renaşterii Economice. Deşi obiectivele finale ale acestor organizații, de asemenea, se rezumă la obținerea puterii politice, oricum, orientarea spre soluționarea problemelor economice, spre mobilizarea potențialului ştiințific în acest domeniu este cât se poate de utilă societății.

Partidul Democrat Agrar putea avea şi mai multe voturi în electorat, dacă această organizație:

1. formând Guvernul de alternativă în frunte cu prim-ministrul A.Sangheli după conflictul armat din Transnistria (vara anului 1992), agrarienii (spre deosebire de A.Brazauscas, Partidul Democrat al Muncii din Lituania) nu au realizat analiza situației social-economice din republică. Cu rezultatele activității Guvernului Druc şi Muravschi, nu a fost bine informată populația Moldovei. Şi acest gol a fost, desigur, folosit activ pentru discreditarea PDAM, căruia i s-au atribuit şi păcatele Guvernelor precedente;

2. fiind la putere în perioada situației social-economice de atunci, urmate de scăderea nivelului de trai a populației nu a contribuit la susținerea socială. În acele condiții, cred că a fost necesar dintr-o parte de a arăta caracterul coaliției nepartiinice a Guvernului în care au fost adepți şi ai Partidului Democrat şi a formațiunilor social-politice de opoziție (Frontul Popular Creştin-Democrat, Congresul Intelectualității ş.a.), adică a împărți răspunderea. În acelaşi timp nu au

fost arătate pricinile, care au influențat la conflictele sociale care au dus la conflictul armat, vărsări de sânge în raioanele de est ale republicii;

3. în timpul campaniei electorale au fost ridicate prețurile la gaz, energie electrică, au fost liberalizate prețurile la pâine şi alte produse. Toate acestea, desigur, au dus la aceea că un mare procent al populației au fost contra Guvernului exprimat prin PDAM.

Dar, totuşi, rezultatele alegerilor în Parlamentul Moldovei, pe bază de pluripartidism, din 27 februarie 1994 au demonstrat comunității mondiale că intențiile republicii noastre în ce priveşte edificarea unui stat democrat şi de drept, nu au doar un caracter declarativ. Este şi aceasta , în opinia autorului, un moment extrem de important al scrutinului parlamentar. Nu întâmplător la alegeri au fost prezenți numeroşi observatori din mai multe țări ale lumii, emisari ai Adunării Parlamentare CSCE şi Alianței Nord-Atlantice.

Toate acestea, încă atunci, au permis să presupunem şansele Republicii Moldova de a deveni membru plenipotențiar al comunității mondiale de state civilizate şi democratice.

Cât priveşte populația majoritară a republicii, în acest sens inițial, s-a resimțit o oarecare pasivitate față de alegeri, ceea ce se explică, în primul rând, prin faptul că locuitorii republicii obosise de atâtea jocuri politice şi manipulări, de inutilul conflict armat cu nuanțe politice în care se luptă nu pentru interesele republicii, ci în interesul anumitor sfere politice. Drept confirmare servesc şi rezultatele sondajului sociologic tip monitoring, organizat prin eforturile serviciului sociologic "Opinia" la începutul anului 1994.

Autorii investigației pe tema "Moldova la început de an" (dedicată alegerilor parlamentare din Moldova) şi-au propus scopul de a studia opinia publică în campania electorală, gradul de pregătire a populației în vederea acestui eveniment de importanță majoră.

La întrebarea: "În ce măsură vă interesează campania electorală?", 29,4% din numărul total al respondenților au afirmat că-i interesează foarte mult actuala campanie, 27,6% - îi interesează în oarecare măsură, 27,2% - îi interesează puțin, 15,4% - nu-i interesează deloc şi 0,4% - n-au ştiut să răspundă.

Cam aceleaşi răspunsuri s-au primit şi la cea de-a doua întrebare din anchetă: "Ce părere aveți despre noul sistem de alegere a Parlamentului Republicii – alegeri pe bază de pluripartidism?" - 39,4% au răspuns afirmativ, 30,1% - negativ, iar 30,6% - n-au ştiut să răspundă.

Rezultatele înregistrate confirmă o dată în plus ideea că, inițial, populația republicii a avut o părere sceptică față de alegerile în noul Parlament al Moldovei, a ocupat o poziție "neutră" în această chestiune.

Pe de o parte, o atare poziție ar putea fi interpretată ca o pregătire insuficientă a unei părți a populației în vederea noilor alegeri pe bază de pluripartidism, deoarece până acum oamenii n-au avut posibilitatea să-şi exprime atât de liber

voința, iar în al doilea rând, niciodată nu s-au confruntat cu o atare ordine de votare (conform listelor de partid) pe de o parte, şi cu un număr atât de mare de partide şi formațiuni social politice, pe de alta.

Majoritatea oamenilor s-au pomenit practic dezorientați: pentru cine să voteze? ce prezintă cutare partid sau cutare bloc electoral?

Ideea expusă este confirmată şi de rezultatele primite la cea de-a treia întrebare: "Cum credeți, există astăzi în republică vreun partid capabil să îmbunătățească cu adevărat viața poporului şi să scoată țara din actuala situație de criză?", la care 40,6% din eşantionul investigat au răspuns că nu ştiu.

De aici şi incertitudinea multor alegători în ce priveşte participarea lor la scrutin. La întrebarea: "Care sunt intențiile dvs. în legătură cu participarea la alegerile din 27 februarie 1994?" - 27,9% din respondenți au spus că ei încă n-au decis pentru sine această întrebare.

Faptul că în campania electorală s-au inclus o mulțime de partide şi formațiuni social-politice şi că aceasta a cauzat electoratului o stare firească de incertitudine îşi găseşte şi el confirmarea în rezultatele sondajului sociologic. la următoarea întrebare de pe fişa sondajului: "Dacă v-ați decis să participați la alegeri, pentru care partid (bloc) veți vota (dați un singur răspuns)?" s-au primit următoarele răspunsuri:

1. Blocul electoral "Alianța Frontului Popular Creştin-Democrat" – 6,0%;
2. Alianța Victimilor Regimului Comunist Totalitarist din Moldova – 0,9%;
3. Partidul Național Creştin din Moldova – 0,9%;
4. Blocul Social-Democrat – 2,1%;
5. Blocul Țăranilor şi Intelectualilor – 7,3%;
6. Partidul Democrat din Moldova – 1,6%;
7. Blocul electoral Partidul Socialist şi Mişcarea "Uniunea-Edinstvo" – 4,2%;
8. Alianța Femeilor din Moldova – 1,5%;
9. Partidul Ecologist "Alianța Verde" – 0,5%;
10. Partidul Democrat Agrar din Moldova – 27,1%;
11. Partidul Republican din Moldova – 1,3%;
12. Partidul Democrat al Muncii – 2,4%;
13. Partidul Reformelor – 1,4%;
14. Candidatul independent nefăcând parte din nici un partid – 1,3%;
15. Nu am de gând să votez – 10,4%;
16. Încă nu m-am determinat (ne-am determinat) – 31,1%.

Dar de acum în etapa finală al maratonului electoral, după numeroasele întâlniri ale candidaților pentru mandatele de deputați cu electoratul, majoritatea covârşitoare a populației din republică a ştiut să aprecieze în mod diferit situația,

să se orienteze mai bine în platformele electorale, în pozițiile unor sau altor candidați, partide şi formațiuni social-politice în ansamblu.

Un sondaj sociologic întreprins în mediul alegătorilor neautohtoni a arătat că majoritatea covârşitoare a reprezentanților minorităților naționale este decisă să sprijine la alegeri programul PDAM, ca fiind unice unde sunt apărate cu mai multă principialitate şi consecvență principiile integrității şi independenței Moldovei – bazele edificării unui stat democrat şi suveran.

"O mărturie în favoarea deciziei noastre de a sprijini la alegeri programul PDAM – se arată în Declarația Consiliului Central al Societății de Cultură Ucraineană din Republica Moldova" – îl constituie faptul că anume agrarienii au izbutit să stabilizeze situația din republică.

În opinia autorului, liderii ideologiei ai PDAM – N.Vizitei, doctor habilitat în filosofie şi V.Stati, doctor habilitat în filologie, au perfectă dreptate când susțin că "prin forța destinului, teritoriul de acum al Republicii Moldova, precum şi locuitorii săi, s-au pomenit în condiții extrem de specifice, acestea deosebindu-se de cele din zona de peste Prut. Pe parcursul unei perioade îndelungate de timp de dezvoltare relativ izolată, aici s-a constituit o comunitate de oameni, unică în felul său, în care interacționau extrem de prodigios o mulțime de națiuni şi popoare. În mod spontan, s-au întâlnit puternice torente culturale, fără a se uzurpa unele pe altele, ci îmbogățindu-se reciproc. Acest proces nu numai că nu a distrus, ci dimpotrivă, a consolidat potențialul intelectual al națiunii, dând nume republicii şi situând-o la acelaşi nivel cu națiunile Europei civilizate".

Alegerile au demonstrat, concomitent toate plusurile şi minusurile sistemului electoral proporțional. Este neîndoielnic faptul că sistemul electoral proporțional este mai democratic şi mai tolerant decât cel majoritar. El acordă posibilități reale pentru accesul în Parlament nu numai pentru partidele puternice, dar şi pentru cele slabe sau mai puțin puternice. Noi am avut însă o situație şi mai favorabilă, deoarece pentru mandatele de deputat au luptat de fapt grupări mici. Aceasta s-a întâmplat deoarece spre deosebire de Rusia şi de alte țări unde pentru confirmarea statutului de forță politică era necesară prezentarea până la o anumită dată a listelor cu numărul necesar de voturi ale alegătorilor care sprijină formațiunea social-politică respectivă, la noi suficient era să fii înregistrat la Ministerul de Justiție al Moldovei până la ziua alegerilor parlamentare.

Pe de altă parte însă sistemul electoral proporțional duce la fragmentarea forțelor politice, la dispersarea mandatelor de deputat în mai multe formațiuni politice slabe sau mai puțin puternice. Această situație duce la imposibilitatea obținerii de către un singur partid a majorității parlamentare, care ar putea forma, în consecință, un Guvern monocolor. De aici derivă în evitabil problema coalițiilor politice atât în Parlament, cât şi în organele puterii executive, în primul rând, a creării unor guverne de coaliție. Noi vom putea depăşi asemenea circumstanțe doar în cazul când vom atinge un nivel mai înalt de dezvoltare a societății civile,

adică de respectarea regulilor jocului politic, când vom fi deci mai disponibili pentru compromisuri, chiar pentru un consens politico-social.

Astfel se consideră "dreapta" un partid care este pentru rolul minim al statului în economie şi pentru redistribuția minimă a venitului național, şi se consideră "stânga" un partid care optează pentru un stat intervenționist şi o redistribuție importantă [11, p.11].

În opinia unor politologi din republica noastră, majoritatea statelor postcomuniste, inclusiv Republica Moldova, poate fi atribuită la sistemul pluralismului extrem [12, p.20].

Unul dintre punctele slabe ale pluripartidismului moldovenesc, sunt permanentele fracționări ale spectrului politic, apariția dizidențelor politice, a interminabilelor disensiuni şi regrupări, a instabilității alianțelor politice. În această instabilitate, forțele politice irelevante nu au valoare politică şi se manifestă numai în cadrul campaniilor electorale.

Aceste forțe politice irelevante (partide mici) nu pot fi calificate ca partide politice; lor li s-ar potrivi mai bine denumirea de partide electorale, deoarece nereprezentând pe nimeni, ele se manifestă numai în perioada alegerilor, când apare nevoia alianțelor şi blocurilor electorale.

Totuşi, necătând la plusurile şi minusurile democrației şi pluralismului de opinii, Republica Moldova se află încă pe calea democratizării, la o etapă deja mai avansată decât la începutul perioadei de tranziție.

Într-un stat democratic, având ca bază sistemul pluripartidist şi pluralismul de idei, opoziția joacă un rol de catalizator în sistemul politic.

E de menționat că în Republica Moldova pot fi depistate diferite orientări politice, concepte strategice lansate de formațiunile politice privind reformarea social-economică şi politică a țării.

Dacă până la mijlocul anilor '90 formațiunile politice erau preocupate mai mult de aspectele etno-național şi național-statal (independența, unirea cu România şi restabilirea URSS) [13, p.15-16], apoi de la mijlocul anilor '90 divergențele şi confruntările dintre formațiunile politice au la bază cu preponderență probleme social-economice.

Din toate cele expuse mai sus, am ajuns la concluzia că sistemul de partide politice din Republica Moldova este "bazat pe centru", sau e un sistem politic extrem.

Aşadar, Republica Moldova este calificată de către politologii din Vest în cadrul modelului VI al sistemului de partide politice – sistemul pluralist extrem. În general, regimul politic creat în Moldova , este tratat ca un regim democratic. Spre exemplu, G.W.Lapidus menționează că regimul politic stabilit în Moldova este un regim național democrat. De aceeaşi părere este şi cunoscutul politolog american J.E.Brown.

Alt exemplu poate servi caracterizarea sistemului de partide şi mişcări politice, dată de către D.Fane. Dumneaei a calificat structura forțelor politice din Moldova ca adecvată "sistemului bazat pe centru" cu prezența pe arena politică a radicalilor (pro-ruşi şi pro-unionişti), moderaților (forțele politice intermediare) şi a centrului.

O tendință a sistemului de partide politice este prezența continuă pe arena politică a unor partide şi organizații politice, orientate contra existenței regimului politic actual, aşa-numite partide şi mişcări politice de antisistemă. Putem evidenția două orientări politice principale de anti-sistemă; pro-unionistă şi prorusă, respectiv, extrema dreapta şi extrema stângă.

Atât extrema dreapta, cât şi extrema stângă sunt intransigente față de regimul politic existent şi față de existența statului independent Moldova, ca subiect al relațiilor internaționale. Ambele extreme au doar un singur scop în activitatea lor politică – schimbarea statutului politic al republicii (cu orice preț, folosind orice metode). Necătând la scopul comun, extrema stângă, este incompatibilă cu extrema dreaptă, deoarece scopurile lor finale totuşi sunt diferite după conținut şi diferă radical.

Principala cauză a instabilității pluralismului politic din Moldova constă atât în lipsa tradițiilor şi experienței democratice, cât şi în divizarea etnică a partidelor şi organizațiilor politice. Aceasta înseamnă că în programele de activitate ale partidelor şi organizațiilor politice, problema structurii național-statale joacă un rol principal. Problemele generale ale societății – privatizarea, trecerea la economia de piață – sunt plasate pe planul doi [14, p.16].

Atât partidele centriste, cât şi cele de extremă, caută coaliția cu partidele moderate centru-stânga şi centru-dreapta [15, p.96].

Evenimentele politice din Republica Moldova de la sfârşitul anilor '90 nu se înscriu în logica acestor afirmații, forțele de extrema dreapta şi stânga încercând să facă o coaliție, ceea ce constituie iarăşi o trăsătură a sistemului pluralismului extrem [16, p.151].

Unii cercetători consideră că situația dată e cauzată de existența sistemului electoral proporțional, ce duce la fragmentarea forțelor politice, iresponsabilitatea unor partide politice. În acelaşi timp situația este influențată şi de nivelul relativ scăzut al conştiinței politice şi culturii politice, de criza economică generalizată în mare măsură de trecerea de la un sistem economic – la altul, fenomen ce afectează majoritatea populației.

Este incontestabil faptul că sistemul multipartidist din Republica Moldova a devenit o realitate, fiind un fenomen imanent unei societăți democratice. Partidele politice reflectă revendicările diverselor segmente ale societății direcționându-le pe canale instituționaliste, pe baza pluralismului de opinii şi toleranței ideologice.

Instabilitatea sistemului de multe partide din Moldova este clar vizibilă şi în cadrul atitudinii electoratului față de mişcările şi partidele politice. Electoratul are mai multă încredere în personalități politice proeminente, decât în partide politice şi organizații social-politice.

Putem menționa că în cadrul unei societăți etnic neomogene, cum este la etapa actuală Moldova, stabilitatea democratică necesită prezența pe arena politică a 3-5 partide politice competitive (sistemul pluralismului moderat). Mai mult ca atât, pacea civică în republică poate fi obținută doar prin intermediul dialogului politic şi al existenței unor guverne de coaliție permanente (bazate pe reprezentanța partidelor politice) care ar fi în stare să ajungă la un numitor comun în problemele actuale ale societății în ansamblu.

Cum s-a menționat, punctul maxim al activității unui partid politic, sunt campaniile electorale. Miza decisivă a oricărui tip de alegeri face ca actorii politici – puterea şi partidele politice – să inventeze regulile noului joc electoral în perioada preelectorală, fiecare tinzând să se situeze în poziția cea mai avantajoasă. Uneori, în efortul de a completa o viitoare agendă electorală, se şterge praful de pe cea veche, aducătoare de izbândă. Aceasta înseamnă că încă nu dispune de un Cod Electoral cât de cât favorabil şi care ar putea fi adoptat pe o perioadă mai lungă. Practic, înainte de orice campanie electorală apare nevoia revederii Codului Electoral şi completării lui.

Bibliografie:

1. Rotaru P. Formațiunile social-politice în campania electorală: aspectul sociologic. // „Pământ şi oameni", 1994, 16 februarie
2. Rusnac Gh., Moşneaga V. Alegerile, partidele şi tehnologiile politice. // Moldova şi lumea, nr.11-12, 1994
3. „Трудовой Тирасполь", 1994, январь-февраль
4. „Pământ şi oameni", 1994, 9 februarie
5. „Pământ şi oameni", 1994, 28 aprilie
6. „Pământ şi oameni", 1994, 19 martie
7. „Независимая газета", 1994, 25 февраля
8. Şişcanu I. Ideea agrariană şi efectele guvernării PDAM. // Arena politicii, an.II, nr.1, Chişinău, 1997
9. Juc V. De la partidul unic la pluripartidism. // Arena politicii, an.I, nr.1, Chişinău, 1996
10. Moşneaga V., Rusnac GH. Republica Moldova: alegerile parlamentare (1994) şi geografia politică a electoratului. - Chişinău, 1997
11. Mungiu-Pipidi A. Doctrine politice. Concepte universale şi realități româneşti. - Iaşi, 1998
12. Rusnac V. Sistemul de partide în Republica Moldova. // MOLDOSCOPIE (Problemele analizei politice). Partea a II-a. - Chişinău, CE USM, 1993

13. Raportul Național asupra Dezvoltării Umane. - Chişinău, 1996
14. Rusnac Gh., Rusnac V. Sistemul de partide politice din Moldova: esența şi trăsăturile. // MOLDOSCOPIE (Problemele analizei politice). Partea a III-a. - Chişinău, CE USM, 1994
15. Popescu T. Politologie. - Chişinău, 1996
16. Zavtur A., Pîrțac G., Tomozei T. Politologie. - Chişinău, 2000

Prezentat la redac□ie
la 20 decembrie 2013

Recenzent – ***Platon FRUNTA□U***, doctor în istorie, conferentiar

PROBLEMELE NIVELULUI DE TRAI □I CALITĂ□II VIE□II ÎN VIZIUNEA REPREZENTAN□ILOR PRINCIPALELOR ETNII CONLOCUITOARE ÎN REPUBLICA MOLDOVA

Lilia GRIBINE□
Republica Moldova, Chi□inău, Academia de □tiin□e a Moldovei, Institutul de Cercetări Juridice □i Politice,
Competitor, expert independent

Encore de la declaration de sa independence, la Republique Moldova se trouve dans une permanente transition economique. En consequence, souffrie la population entierement a la suite des resultats de la transition respective, comme sont les petits revenues qui n'ont pas la puissance d'assurer une vie decente, la qualification de la pauvrete comme une probleme primordiale du cette pays, les dettes d'etat internes et externs, la production inefficace, l'extension de l'economie souterraine, de la corruption etc.

Ainsi, profonde est la crise dans l'emanation humaine, degrade l'education et la sante publique, la protection sociale et l'infrastructure, evidents sont diverses manieres des tensions sociales, baisse la credibilie des autorites publiques etc. Ainsi, la Repubique Moldova fait partie de la categorie avec un niveau milieu d'emanation, les consequences en soyent supportees de chaque member de la societe. Ici la nationalite n'a pas d'importance. Mais la modalite en qui les principales nationalite cohabitantes dans cette pays ont apprecie la situation economique, evident quelques differences entre les problemes concernant le niveau de l'existence et la qualite de leur vie. Differents sont et entre les facteurs qui ont influence sur cette esrimation, ce que constitue et le sujet de cette etude.

Chiar din startul perioadei de tranzi□ie, Republica Moldova se confruntă cu grave probleme social-economice, una din aceasta fiind scăderea bruscă a nivelului de trai □i înrăută□irea calită□ii vie□ii a marii majorită□i a popula□iei. Erorile politice □i economice, privatizarea ilicită, închiderea □i falimentarea întreprinderilor, proliferarea □omajului au condus spre o reducere substan□ială a activită□ii economice □i la o scădere bruscă a veniturilor pe cap de locuitor. Ca rezultat, destul de mult a scăzut puterea de cumpărare □i nivelul de trai al majorită□ii popula□iei, inclusiv prin distribuirea inechitabilă a veniturilor. Evolu□ia pre□urilor □i reducerea veniturilor popula□iei denotă că cea din urmă a fost deteriorată deja în primii patru ani ai reformelor (1991-1994), cînd pre□urile de consum s-au majorat peste 1800 ori, iar veniturile băne□ti doar de 388 ori, infla□ia evaluînd în ritmuri de circa 4,7 ori mai accelerate decît veniturile. Estimările realizate asupra indicatorilor de venit □i cheltuieli în anii respectivi demonstrează că mai mult de 90% din popula□ie a avut un venit

disponibil mai jos de 1 USD pe zi. Şi dacă în ultimii ani, potrivit statisticii de stat, se observă o anumită majorare a veniturilor populaţiei, ele sunt departe de a acoperi coşul minim de consum, numai serviciile comunale şi transport absorb în jur de 53% din totalul cheltuielilor pentru servicii [1, p.2].

În studiul dat vom analiza datele sondajelor sociologice ale Institutului de Politici Publice privind nivelul de trai şi calitatea vieţii a principalelor etnii conlocuitoare în ultimii trei ani (2010-2013). Conform acestor date, procentajul populaţiei satisfăcute de situaţia economică din ţară este în descreştere (de la 33,3% în 2010, la 19% în 2013). În descreştere este şi cota populaţiei satisfăcute de calitatea vieţii (respectiv 35,7% şi 29,3%).

Dinamica nivelului de trai este evidenţiată prin estimarea veniturilor familiei în raport cu necesităţile (standardul) de viaţă, indicator care reflectă în linii mari şi calitatea vieţii şi care nu a cunoscut mari modificări spre mai bine pe parcursul mai multor ani. Veniturile nominale anuale pe cap de locuitor plasează ţara noastră la acest capitol pe ultimul loc din Europa. Acestea indică o discreditare şi demotivare a muncii salariaţilor, ca urmare avînd loc un exod al forţei de muncă peste hotare, precum şi spre activităţi nelegalizate.

Astfel, pe baza aprecierii pe care o fac membrii societăţii veniturilor de care dispun, putem constata că nivelul de trai al populaţiei în 2013 este mai mic decît cel din 2010. Dacă atunci acestea în cea mai mare parte erau calificate ca ajungînd doar pentru strictul necesar (42,2%), în 2013 cota populaţiei care le califică astfel este descendentă (36,3%). Semnificativ este faptul că în 2010 în proporţie mai redusă (29,3%) populaţia afirma că acestea nu acoperă nici strictul necesar, pe cînd în 2013 respectivul procentaj este în creştere (39%), atingînd cota maximă. Însă practic în aceiaşi proporţie în ambii ani se susţine faptul că veniturile date ajung pentru un trai decent, dar nu permit procurarea unor bunuri mai scumpe: 19% în 2010 şi 19,4% în 2013. Mai puţini sunt cei care îşi califică veniturile ca fiind suficiente pentru cumpărarea acestora, dar cu condiţia anumitor restrîngeri în alte domenii: respectiv 5,5% şi 4%. Aceiaşi şi nesemnificativă (1,2%) a fost în 2010 şi continuă să fie în 2013 cota celor care îşi apreciază veniturile ca fiind în proporţia ce le permite satisfacerea tuturor necesităţilor.

Din cele menţionate, rezultă că populaţia e nevoită să fie destul de rezervată la procurarea bunurilor, din cauza veniturilor mici limitîndu-se doar la strictul necesar. Prin urmare, aceiaşi este aprecierea pe care o fac principalele etnii conlocuitoare în Republica Moldova propriilor venituri. În 2010 etnicii minoritari ucraineni în proporţia cea mai mare (48,5%) afirmau că acestea le ajung numai pentru strictul necesar, iar 30,2% susţineau că mijloacele financiare nu le ajung nici pentru acesta. Cota celor care îşi puteau asigura un trai decent era de 13,9% şi doar 5,6% afirmau că îşi permit procurarea unor

bunuri mai scumpe. Nul s-a dovedit a fi nivelul celor care î□i pot satisface toate necesită□ile, fără a se limita la ceva.

În 2013 minoritarii etnici ucraineni practic în aceia□i propor□ie (49%) afirmă că veniturile le ajung numai pentru strictul necesar. Dar în cre□tere remarcabilă este cota celor care au spus că veniturile lor sunt sub această normă (38%). Mai pu□ini sunt □i cei care se bucură de un trai decent (7,9%). Dar, în compara□ie cu anul 2010, starea de lucruri se îmbunătă□e□te în cazul procurării unor bunuri mai scumpe (3,2%). De altfel, ucrainenii, în compara□ie cu etnia majoritară □i etnicii minoritari ru□i, în propor□ie mai mică î□i permit faptul dat.

În ceia ce □ine de etnia majoritară, în 2010 mai pu□in decît etnicii minoritari ucraineni (41,1%) î□i apreciază veniturile ca ajungînd doar pentru strictul necesar, însă practic în aceia□i propor□ie cu ace□tea (30,5%) sus□ineau că ele nu ajung nici pentru satisfacerea necesită□ilor date. Asigurarea unui trai decent este recunoscută la un nivel mai redus (19%), iar procurarea unor bunuri mai scumpe etnia majoritară î□i putea permite în propor□ie mult mai mică (5,3%). Nesemnificativă este □i cota celor care au declarat că au tot ce le trebuie, fără a a□i face unele constrîngeri (1,3%).

În 2013 etnia majoritară la un nivel mai mic (34,2%) sus□ine că dispune de venituri care îi acoperă doar strictul necesar, ascendent fiind □i procentajul celor care le califică ca fiind insuficiente □i pentru faptul dat (38,2%). În propor□ie mai înaltă decît în 2010 (27,7%) moldovenii î□i pot asigura un trai decent, în cre□tere fiind □i cota celor care î□i permit procurarea unor bunuri mai scumpe (4,4%). Diferen□a de date e semnificativă în cazul posibilită□ii asigurării cu cele necesare (1,3%), fără anumite constrîngeri.

În 2010 minoritarii etnici ru□i practic în aceia□i propor□ie ca □i moldovenii apreciau că veniturile le acoperă doar strictul (41%). Dar la un nivel mai mic (19,3%) sus□ineau insuficien□a acestora pentru satisfacerea necesită□ilor elementare. Mai mult decît moldovenii □i ucrainenii ace□tea le calificau ca ajungînd □i pentru un trai decent (20,9%). Procentajul minoritarilor etnici ru□i privind posibilită□ile de procurare a unor mărfuri mai scumpe este cel mai înalt în raport cu toate celelalte etnii conlocuitoare (11%). Cota celor care î□i permit satisfacerea tuturor necesită□ilor s-a dovedit a fi nulă.

Vom remarca că în anul 2013 etnicii minoritari ru□i la un nivel mai înalt apreciază veniturile ca fiind suficiente pentru strictul necesar (45,3%). Dar totodată a sporit □i cota celor care le văd pe acestea ca nefăcînd fa□ă necesită□ilor elementare de via□ă (30%). În ceia ce □ine de asigurarea unui trai decent, veniturile sunt apreciate practic la acela□i nivel (20,2%) ca □i în anul 2010, însă în descre□tere remarcabilă este procentajul celor care au posibilitatea de a procura unele bunuri mai scumpe (4,5%). Statornică este nulitatea procentajului celor care pot confirma că posedă □i tot necesarul, fără nici un fel de limite.

Astfel, cu toate că veniturile pentru tot strictul necesar au crescut la o bună parte a etnicilor ruşi, o altă parte s-a arătat a fi mai puţin satisfăcută de acestea.

Minoritarii etnici găgăuzi şi bulgari se dovedesc a fi cei mai satisfăcuţi de veniturile de care dispun. Astfel, în 2010, în comparaţie cu reprezentanţii celorlalte etnii, ei în proporţia cea mai mare (51,6%) le apreciau ca fiind suficiente pentru strictul necesar, precum la cel mai redus nivel (22,9%) constată că nu le ajung nici pentru acesta. Cota găgăuzilor şi bulgarilor care au recunoscut că veniturile le permit asigurarea unui trai decent era practic aceiaşi ca în cazul etniei ruse (21,2%), după care urmează moldovenii, iar ucrainenii au cel mai redus indice la acest parametru. Evidentă este existenţa minoritarilor etnici găgăuzi şi bulgari care îşi puteau permite toate bunurile (1,4%), în comparaţie cu procentajul nul din cazul etnicilor minoritari ucraineni şi ruşi.

În 2013 putem constata o satisfacţie mai redusă a găgăuzilor şi bulgarilor vizavi de veniturile lor, doar 37,8% apreciindu-le ca făcînd faţă strictului necesar, iar 56,7% le califică ca fiind insuficiente pentru acesta. Se reduce şi procentajul celor care îşi pot asigura prin venituri condiţii de trai satisfăcătoare (5,4%), iar cota celor care îşi permit procurarea unor bunuri mai costisitoare este nulă. Evident este şi faptul că dintre reprezentanţii principalelor etnii conlocuitoare în ţară, găgăuzii şi bulgarii la nici un nivel nu se declară ca avînd la dispoziţie tot strictul necesar. În acest fel, în 2013 ei se dovedesc a fi cei mai nesatisfăcuţi de veniturile pe care le au.

Deci, în cazul tuturor etniilor, cota celor satisfăcuţi de venituri este destul de mică, iar a celor nesatisfăcuţi – destul de mare şi pe alocuri în creştere. De altfel, în raport cu necesităţile vitale ale populaţiei, veniturile au rămas practic la acelaşi nivel.

Diferenţierea bruscă a veniturilor în perioada tranziţiei spre relaţiile de piaţă s-a soldat cu extinderea sărăciei. Aceasta înseamnă că principalele necesităţi ale individului nu pot fi acoperite cu resursele accesibile. Conform datelor sondajelor de opinii din 2010, mai mult de jumătate din cei anchetaţi (56,6%) au spus că principala problemă a ţării este sărăcia, însă peste trei ani această stare de lucruri a fost recunoscută de 49,5%. Sărăcia sporeşte cota populaţiei îngrijorate de viitorul copiilor (41,9% în 2010 şi 48,9% în 2013), precum şi de o eventuală foame (respectiv 6,1% şi 7,4%).

Ca fenomen multidimensional influenţat de numeroşi factori, sărăcia limitează accesul la învăţămînt, alimentaţie suficientă, ocrotirea sănătăţii, luarea deciziilor, obţinerea unui loc de trai, viaţa publică etc. Această stare de lucruri în mare măsură este determinată de insuficienţa locurilor de muncă bine plătite, precum şi de diferenţierea considerabilă a salariilor în diverse sectoare ale economiei, productivitatea scăzută a muncii în sectorul agrar, incapacitatea persoanelor cu putere de decizie de a elabora o strategie coerentă de dezvoltare pe termen lung a ţării, în ansamblu, şi a economiei, în particular

[2, p.143], precum și a unui sistem de măsuri eficiente privind implimentarea acesteia.

Începînd cu anul 1998, sărăcia este în creștere rapidă, atingînd unul din cele mai înalte nivele înregistrate în CSI – peste 70% [3, p.195]. Cu toate că în anul 2000 rata sărăciei a început să scadă semnificativ, din anul 2005 aceasta este în ascendență moderată, chiar dacă ritmul creșterii economice a rămas pozitiv. Cauzele acestui fapt au fost aprofundarea inegalității sociale, precum și extinderea sărăciei în zonele rurale.

Cea mai importantă caracteristică a sărăciei în Republica Moldova este concentrarea ei în spațiul rural (în care aceasta este de aproximativ șase ori mai mare decît în cel urban) și în orașele mici, locuitorii acestora în aceiași proporție (60,6%) calificînd sărăcia ca cea mai îngrijorătoare stare de lucruri. De altfel, fenomenul sărăciei neliniștește întreaga populației, indiferent de apartenența etnică și locul de trai. Obiectul studiului dat ne obligă, însă, să punem în evidență măsura în care principalele etnii conlocuitoare își fac griji în legătură cu situația lor materială.

Dacă în 2010 etnicii minoritari ucraineni erau cei mai îngrijorați de fenomenul sărăciei (62,9%), atunci în 2013 ei nu mai posedă acest calificativ, procentajul fiind în descreștere (49,2%). Cei mai afectați de problema dată se arată a fi minoritarii etnici ruși (53,2%), care în 2010, în comparație cu moldovenii și ucrainenii, erau mai puțin afectați de sărăcie (44,1%).

Contrară este situația în cazul reprezentanților etniei majoritare, care cu trei ani în urmă se dovedeau a fi mai îngrijorați de problema dată (58%) decît în 2013 (50,6%).

Procentajul dat este în descreștere și în cazul etnicilor minoritari găgăuzi și bulgari: respectiv 45% și 33,2%.

Mai sus am remarcat că unul din factorii care condiționează nivelul sărăciei este mediul de reședință, între localitățile urbane și rurale fiind diferențe esențiale. Populația orașelor mari este supusă celui mai redus risc de a trăi în sărăcie (14%), fapt de care se bucură îndeosebi etnicii minoritari ruși, pe cînd în localitățile rurale rata acesteia este cea mai înaltă (31,3%), fiind și cu 7,5% mai mare în comparație cu orașele mici [3, p.194]. Explicabilă, deci, devine cota destul de ridicată în care etnia majoritară, precum și etnicii minoritari găgăuzi și bulgari, califică sărăcia ca cea mai acută problemă, aceștea avînd mediul de reședință predominant în sate.

Referitor la minoritarii etnici ucraineni, odată ce locuiesc mai mult în orașele mici, sunt afectați de problema sărăciei aflată în strînsă legătură cu modelul industrializării adoptat în perioada sovietică, în fiecare oraș mic fiind construite cîteva fabrici de mărime medie, ceia ce a creat o structură nediversificată. Liberalizarea activității economice a demonstrat capacitatea limitată a acestor fabrici de a concura pe piață și dacă locuitorii satelor își

puteau suplimenta consumul de alimente prin practicarea agriculturii de subzistenţă, cei din oraşele mici nu aveau această posibilitate.

Starea materială a locuitorilor din sate este în temei condiţionată de productivitatea agricolă scăzută, diminuarea venitului din activitatea individuală agricolă, impactul nesemnificativ al politicilor guvernamentale de creare a locurilor de muncă în spaţiul rural, oportunităţile reduse de angajare în alte sfere şi lipsa unor mecanisme viabile de susţinere a persoanelor sărace [4].

Problema nivelului de trai şi calităţii vieţi este puternic acutizată de dificultăţile angajării în cîmpul muncii. Conform sondajelor de opinie, şomajul este calificat ca problemă primordială atît în 2010 (45,6%), cît şi în 2013 (45,9%). Constituind un dezechilibru între cererea şi oferta forţei de muncă, acesta are ca impact intensificarea procesului migraţionist, ruperea legăturilor cu comunitatea, apariţia sentimentului de excludere din viaţa socială, micşorarea substanţială a bugetului familiei, accentuarea gradului de sărăcie etc.

Deoarece şomajul corelează strîns cu emigrarea forţei de muncă peste hotare, aceasta reprezintă factorul ce atenuează presiunile asupra pieţei muncii şi reduce substanţial rata şomajului sau o menţine la cote relativ mici. Faptul dat este un indicator care caracterizează şi situaţia pieţei naţionale a muncii. Emigranţii, odată ce lucrează în alte ţări, nu pot fi consideraţi la modul propriu ca personae economic inactive. Cota populaţiei care emigrează peste hotare în căutarea unui loc de muncă este în creştere, iar rata şomajului este descendentă, în 2010 înregistrînd valoarea de 7,4% (cu 1% mai mult decît cea din 2009) [5], iar în 2013 – 3,9% (cu 0,9% mai mult decît cea din 2012) [6]. Însă, privită din interiorul economiei moldoveneşti, emigrarea este o risipă a forţei de muncă, cu efecte negative pe termen lung (diminuarea potenţialului resurselor umane şi a forţei de muncă mai bine pregătite, reducerea veniturilor la bugetul statului, investiţii în capital uman nevalorificate în ţară).

Referitor la nivelul în care minorităţile etnice sunt afectate de problema dată, după unele cercetări sociologice efectuate în SUA şi statele din Europa, s-a constatat că acestea sunt supuse unui risc mult mai mare al şomajului decît ceilalţi locuitori din fiecare ţară. Faptul dat e confirmat şi de datele privind aprecierile făcute de către reprezentanţii principalelor etnii conlocuitoare în Republica Moldova. Astfel, în 2010, cei mai îngrijoraţi de problema şomajului erau minoritarii etnici ruşi (61,4%). Contrar faptului că în 2013 ei se dovedesc a fi mult mai puţin afectaţi de situaţia în cauză, cota acestora continuă să fie destul de înaltă (39%).

Etnicii minoritari ucraineni de asemenea califică şomajul ca problemă primordială, însă şi procentajul lor este în descreştere: de la 59,4% în 2010, la 43,3% în 2013. De altfel, dintre principalele etnii minoritare din ţară, cea mai înaltă rată a şomajului se înregistrează în rîndul minoritarilor etnici ruşi

(17,5%), cota acestora fiind cu 6% mai mare decît pondrea lor în structura etnică a popula□iei, pe cînd în cazul ucrainenilor – cu 4% mai mică [7, p.16].

Referitor la etnia majoritară, starea de lucruri este contrară : în viziunea sa, are loc o agravare a situa□iei, în 2013 în propor□ie mai mare (45,8%) calificînd □omajul ca problemă primordială a societă□ii decît în 2010 (43,6%), iar cota □omerilor printre moldoveni e cu aproape 7% mai mică (63,7%) decît ponderea lor în structura etnică a popula□iei.

Similară e situa□ia □i în cazul etnicilor minoritari găgăuzi □i bulgari, în 2013 ei dovedindu-se a fi mai îngrijora□i (56,1%) de lipsa locurilor de muncă decît cu trei ani în urmă (45,8%). Cota □omerilor în rîndul lor e de 6,3% la găgăuzi □i 2,5% la bulgari.

Din cele expuse rezultă că □omajul constituie o problemă primordială, îndeosebi pentru minoritarii etnici ucraineni □i ru□i, ace□tea avîndu-□i mediul de re□edin□ă îndeosebi în ora□e, unde rata □omajului e mai mare (9%) în compara□ie cu cea din mediul rural (5,9%). Aceasta se explică prin faptul că un locuitor din sat permanent poate avea o ocupa□ie în sfera agricolă, cele mai multe persoane activînd anume în acest sector, chiar dacă venitul deseori nu este monetar, ci doar în natură. De asemenea, agricultura mai pu□in a fost afectată de criza financiară globală în compara□ie cu industria – mediu de activitate în care în propor□ie destul de înaltă sunt angaja□i reprezentan□ii minorită□ilor etnice ruse □i ucrainene. Este de remarcat că etnia majoritară e mai predispusă să emigreze, iar etnicii minoritari găgăuzi □i bulgari sunt mai orienta□i să activeze în cadrul întreprinderilor, fabricilor □i combinatelor din localită□ile de origine.

De neignorat este □i faptul că un număr considerabil de persoane refuză săse angajeze în cîmpul muncii din Moldova odată ce î□i pot crea condi□ii de trai mult mai bune pe baza remiten□elor decît a serviciilor prost remunerate.

Deci, acută se dovede□te a fi necesitatea unei politici active contra □omajului, care ar include: crearea locurilor de muncă prin dezvoltarea activită□ii antreprenoriale; creditarea sau acordarea de facilită□i financiare întreprinderilor la angajarea □omerilor în cîmpul muncii; monitorizarea riguroasă a bra□elor de muncă disponibile în diverse ramuri ale economiei na□ionale, □inînd cont de pregătirea lor profesională, nivelul educa□iei, precum □i de structura demografică a popula□iei □i acordînd o aten□ie deosebită tineretului ca cel mai dinamic segment al societă□ilor □i speciali□tilor cu studii superioare, al căror poten□ial în prea multe cazuri rămîne nevalorificat.

Astfel, în suita problemelor cu care se confruntă societatea moldavă în prezent, locul central îl ocupă cele economico-sociale, de□i nu minimalizăm nici importan□a politicului, voca□ia căruia este de a mobiliza resursele necesare pentru asigurarea dezvoltării normale a tuturor domeniilor vie□ii sociale.

La ora actuală alarmante devin cre□terea datoriilor de stat interne □i externe peste limita nivelului critic, datoriile reciproce fa□ă de stat ale agen□ilor economici, produc□ia ineficientă □i necompetitivă, criza sectorului energetic, extinderea economiei subterane, corup□iei, criminalizării societă□ii, disfunc□ionalizarea sistemului fiscal etc. Concomitent, se aprofundează criza în domeniul dezvoltării umane, degradarea educa□iei □i sănătă□ii publice, a protec□iei sociale □i infrastructurii de toate categoriile, acumularea nelini□tii □i deprimării sociale, a diverselor forme de tensiuni sociale, scăderea credibilită□ii autorită□ilor publice □.a. Indicile dezvoltării umane (IDU) rămîne scăzut, Republica Moldova plasîndu-se în zona □ărilor cu dezvoltare medie în clasamentul □ărilor monitorizate ale ONU. Nivelul salariilor nu poate asigura un consum de bunuri □i servicii necesar pentru reproducerea normală a capacită□ii de muncă. Posibilită□ile de acoperire a cheltuielilor pentru servicii medicale, medicamente, educa□ie, cultură, care au o semnifica□ie deosebită în dezvoltarea umană, sunt destul de mici fa□ă de nevoile stringente privind atingerea unor indici satisfăcători ai nivelului de trai □i calită□ii vie□ii.

Bibliografie

1. Danii T., Mă□căuteanu M. Evolu□ia condi□iilor sociale □i stării sănătă□ii popula□iei din Republica Moldova în perioada de tranzi□ie. //www.llh.at/publications/07_md_02.pdf
2. Munteanu I., Mocanu G., Ioni□ă M. 100 cele mai presante probleme ale Republicii Moldova în 2006. - Chi□inău: IDIS ,,Viitorul”, 2006
3. Grosu V., Guzun I., □alvir M. 100 cele mai presante probleme ale Republicii Moldova în 2008. Chi□inău : IDIS ,,Viitorul”, 2009
4. Comentariu: În Republica Moldova a crescut rata, severitatea □i profunzimea sărăciei rurale. economie.moldova.org/news/comentariu-r-moldova-a-crescut-rata-severitatea-i-profunzimea-saraciei-rurale-19783-rom.html
5. For□a de muncă în Republica Moldova - ocupare □i □omaj în anul 2010. http://www.statistica.md/newsview
6. For□a de muncă în Republica Moldova: ocuparea □i □omajul în trimestrul III 2013. http://statistica.md/newsview
7. □omajul în Moldova. Sondaj sociologic. www.cisr.md.org/pdf/0111%20Sondaj%20Sociologic%20%20Somajul%20In%20Moldova.pdf

Prezentat la redac□ie
la 20 decembrie 2013

Recenzen□i - ***Diana BENCHECI***, doctor in □tiin□e politice, conferen□iar,
Lilia BRAGA, doctor în filosofie, colaborator □tiin□ific principal

POLITICAL KNOWLEDGE AND PARTICIPATION OF THE YOUTH IN SLOVAKIA

Ladislav MACHÁČEK
Slovakia, Trnava, University of Cyril and Methodius in Trnava, Faculty of Social Sciences
PhD, professor, vice-dean

Civic knowledge and political participation of the youth in two regions Slovakia and Hungary. *The sociological survey of the youth in Slovakia since 2004 transferred its attention from the issue of civil associations of children and youth also to school self-governments of pupils and students as an important place of civic education of European citizens. We built upon the assumption that civic knowledge has a substantive importance for the purpose of effective civil participation. Thus, in the long term, we have been verifying the ICCS 2009 research hypothesis according to which "higher level of civic knowledge guarantee higher level of participation of young people in various forms of civil and political life at school and in the society." New data from MyPlace project in Slovakia help identify the breadth of forms of socio-political activism among young people in two specific region (Trnava and Rimavská Sobota 1200 surveying young people), mainly measure respondents' knowledge, attitudes towards and experiences of right extreme politics. The MyPlace project survey of young people commenced in late 2012 and continued into early 2013, surveying 18,000 young people across 30 field sites in 15 regions (14 countries).*
Key words: political knowledge, youth, civic education, authoritarianism

Introduction

One of the first comprehensive textbooks of civic education for secondary school students after the "velvet" revolution in Czechoslovakia (1989) prepared in Slovakia states that protection and development of democracy can be successfully managed by young generation, which will acquire necessary **civic knowledge** and its members will act in public as ethically advanced citizens. According to authors, it indicates that they should learn how to develop civil initiatives and movements and make effort to have influence of the public life as citizens.

Few years later, having learnt lessons from real operation of democratic pluralistic system and market economy in Slovakia, sociologists started to appeal to citizens to not succumb to pessimism. "All of us should focus on enhancement and development of personal civil potentials. It means, in particular, to not combine our civil courage, activity and vigour with the vice to bypass or disrespect existing legal and ethical standards" [14, p.100].

The establishment of the Slovak Republic in 1993, after the split of Czechoslovakia, was a political action completing, at extraordinarily unfavourable conditions, the historical process of **national self-determination of the Slovaks in the form of a separate state.** It was only upon its completion, when the battle of relatively weak democratic and liberal oriented political forces against the legacy of nationalism, chauvinism, xenophobia and anti-Semitism could start [8].

After 1993, the political parties did not meet the necessary **level of political culture** also because that civil society did not have sufficient experience and knowledge of a more efficient application of the right to vote (e.g. priority vote), freedom of citizens to assemble and associate or express their opinions by means of a petition in the period between elections. Partocracy with internal mechanism of nominations of voting ballots in the system of a single constituency with their corrupt link to the business sector has become a threat to operation of the parliamentary democracy.

Youth policy and education of the youth to democratic citizenship in the European Union

In this historical context, we are raising a question if new generations of young citizens bring civic knowledge about operation of the democratic political system to the political life and thus if they represent the hope for respect and application of principles of democratic governance. In traditional pluralistic democracies, becoming a "good citizen" is usually connected to transition of the young maturing to the full age [2]. Upon reaching the age of state citizenship (18 years of age), young people do not become "citizens" automatically. Good citizens can recognize if the government works below the level of our civil possibilities and, at the same time, they not only want but, in particular, they have learnt how to pronounce their opinions and attitudes in acceptable public forms (parliamentary elections, petitions, civil associations and civil movements) of power legitimization in order to achieve or prevent changes in the operation of government and self-government authorities. That means that citizens dispose of knowledge but also of competences how to apply it in the political life of their country. This may surprise many but a comprehensive modernisation process does not only rest in information technologies and globalisation of the capital but also incorporates processes of ***civil modernisation.*** P.Lauritzen warned to the fact that it is the youth policy that plays an important function of *modernisation of the functioning of national states* in Member States of the Council of Europe [6].

The notion **civil literacy**[2] includes at least 4 elements:

---

[2] *In line with the OECD PISA 2003 study, we understand the notion "civil literacy" as abilities of pupils and students to apply knowledge and skills, analyse, efficiently communicate one's opi-*

1. Civic know**ledge**, e.g. how parliamentary democracy and civil society work.

2. Civil and political **opinions and attitudes,** e.g. expressing interest in social and political affairs of one's country

3. Intellectual **abilities** to understand one's way in politics; e.g. express and defend one's own political opinions

4. Civil participating **behaviour,** e.g. co-decide, by taking part in elections, about handing over of the power to individual political parties and their candidates.

The effort to induce and enhance engagement of the youth in civil and political life of the society, more precisely in European governance, results from the commitment taken over in 1997 by government of member States of the Council of Europe, when they accepted the Education for Democratic Citizenship as a political priority. Due to the fact that individual countries adopted different terms for "education to democracy": political education, civic education, education to citizenship, social education, personal and social development, societal science, a new unifying notion *education for democratic citizenship* has been adopted. Its definition in English original wording reads: **Education for democratic citizenship is a set of practices and principles aimed at making young people and adults better equipped to participate actively in democratic life by assuming and exercising their rights and responsibilities in society** [1].

Civic knowledge of the youth and their interest in politics

Based on an initiative of the European Commission, the idea of analysing efficiency of the education for citizenship in national states also occurred in projects of empirical sociological surveys of the youth, which focused on the relation of the European identity and citizenship (EYI 2002) and political and civic engagement of the youth (EUYOUTHPART 2004). In particular, it was a response to the process of integration of post-communist European national states to the new European community by adopting European democratic values and political culture of European governance [7].

Results of the surveys have indicated that **civic knowledge** is an important building block, based on which processes of engagement of young people in democratic governance are developed even in difficult crisis stages of the European community. In European youth surveys (EYI 2002, EUYOUTHPART 2004) we gradually managed to verify that education for democracy must combine formal and informal education elements and tools:

---

nions and attitudes, solve and interpret problems in life of the school and its functioning in the society.

EYI-Youth and European Identity has found out that young people in Bratislava learnt about various aspects of democracy at school much less than young people in Vienna [13]. The principal finding is that the curriculum of young people in Bratislava at primary and secondary school contained very little or almost nothing about the European Union and its policies in various areas.

Table 1. Respondents in the EYI (2002) survey stated what they learnt at school

	We learnt about the EU, how democracy works, etc. at school	Not at all	Something about it	A lot about it
1	Slovakia (Bratislava)	**31.0**	21.0	32.0
2	Austria (Vienna)	18.0	30.0	**52.0**

A more detailed analysis shows that in all items we went through that we submitted to respondents, young people in Vienna learnt or took part in more than young people in Bratislava; e.g., the survey included a question related to learning about holidays in other religions or cultures. It is the item where Austria ranked first from the surveyed countries (Spain, United Kingdom, France, Italy, and Estonia). Thus, we can presume that the young Viennese learn at school a lot about ethnic minorities living in Austria, about their holidays or religious habits. That can also explain differences identified in tolerance and acceptance of the multicultural coexistence in Austria and in Slovakia.

EUYOUPART (2004) pointed out at importance of measuring respondents' opinions and attitudes and their civil or political behaviours as well as basic knowledge of the political life in their country and specifically in the European Union. The same number of questions was selected for both – national and European levels (Table 2).

Table 2. Political knowledge of young people in Slovakia (2004)

		True	False	I don't know
1	Serbia is a member of the EU	12.4	**70.6**	17.1
2	EU has 25 members	**68.4**	18.6	13.0
3	The EU flag is blue with white stars	26.2	**71.9**	2.0
4	Josè Barroso is the head of the EC after Romano Prodi	**41.1**	18.4	40.5
5	The Slovak Prime Minister is XY	**92.6**	5.8	1.6
6	The Chairman of the political party is XY	10.3	**78.9**	10.8
7	Parliamentary elections are held every 4 years	**93.2**	3.0	3.8

8	The Prime Minister has the right to dissolve the Parliament	26.6	**48.2**	25.2

Note: Young people could alternatively agree with the right statement (e.g. the number of EU Member States) or disagree with incorrect statement (e.g. the EU flag).

The level of civic knowledge about national and European politics differed in particular countries [9]. For example, the best results about whether Serbia is a member of the EU were observed in Austria, the young French best guessed the number of the EU members. Young people in the United Kingdom scored best in knowing their Prime Minister. A relatively difficult question: who is a chairman of the political party was best answered by Slovaks (79%).

International surveys of civic education CIVED 1999 and ICCS 2009

Just recently a comprehensive analysis was published concerning civic knowledge of 14-year old youth who took part in the ICCS 2009 survey [12]. The CIVED 1999 a ICCS 2009 international surveys analysed how young people are prepared to take over civil roles in various countries in the 21st century. The latest study also reviewed civic knowledge of Slovak 14-year-old pupils (survey sample of 2970 respondents). International comparisons prove that 14-year-old pupils in Slovakia accomplished remarkable results of the level of civic knowledge in the ICCS test in all surveyed areas. Comparisons make it possible to conclude that pupils reach a better level of especially civic knowledge.

Table 3. International comparisons of the knowledge base in six areas

Samples	*Areas*					
	O 1	*O 2*	*O 3*	*O 4*	***O 5***	*O 6*
SK	107.1	108.8	109.0	107.0	**110.9**	105.7
CZ	103.9	106.8	108.5	101.8	**108.3**	103.4
23 EU Members	105.8	106.1	107.2	105.8	**108.0**	105.7

Note 1: *The table contains data for six areas, with the standard level for all 38 countries at 100 and standard deviation of 20 points. That makes it possible to compare results of pupils from Slovakia to other countries. Values above 100 indicate better results and values under 100 worse results than achieved by pupils in 38 countries.*

Note 2: *O 1 = Civil society and systems, O 2 = Civil principles, O 3 = Civil engagement, O 4 = Civil identity, O 5 = Knowledge, O 6 = Reasoning and analysis.*

For the purposes of the ICCS (2009) project, civic knowledge means cognitive processes pupils apply when answering individual questions concerning citizenship that are key results of the civic education program. The level of civic knowledge may be influenced by various factors such as individual characteristics of pupils (their age or gender), their family background (social-economic index of pupils' families), relations at school and in the class, education system as well as local community. Thus, it is clear that young people learn about their civil rights and obligations not only at lesson of civic education but also in interaction with civil associations, movements and initiatives [16].

Regarding the *knowledge*, pupils are expected to remember or distinguish definition, descriptions and key characteristics of civil concepts and are able to give examples correctly. *Reasoning and analysis* are cognitive processes used by pupils when assessing particular and complex situations which involve engagement of more than one concept. Pupils are expected to be able to interpret information, find connections, integrate, generalize, assess, solve problems and come up with hypotheses [15].

In this analysis, knowledge is understood as a sum of cognitive processes pupils apply in answering individual questions related to citizenship, which are the key result of the civic education at school. According to authors of the ICCS project, civic knowledge plays significant importance from the viewpoint of efficient civic engagement [15].

We can summarize this finding as a relatively simple survey empirical hypothesis: *the higher level of civic knowledge also guarantees higher level of engagement of young people at various forms of civil and political life at school and in society.*

We selected 5 questions out of those released by IEA as the steering consortium of the ICCS 2009 project for publication and repeatedly used them in the survey of Slovak pupils in 2011 [13].[3] Our goal was to find answers to the survey question if the distribution of correct and incorrect answers to questions raised has changed or whether it has kept a similar structure even after three years. We selected questions with various levels of correct answers (%) in the ICCS 2009 survey: Question 1 / role of citizens (85%), Question 2 / human rights (75%), Question 3 / corruption (65%), Question 4 / division of power (40%), Question 5 / regulation of ownership of media (33%).

Table 3. Correct answers of respondents to 5 broken down to the gender

Answers to questions were	Gender	Total

[3] *The representative survey aimed at mapping activities and efficiency of school councils in Slovakia involved, in the school year 2011/2012,* ***1,578 students of secondary schools****, with the questionnaires filled in by 739* ***boys (46.8%)*** *and 839* ***girls (53.2%).***

	Male	**Female**	
All incorrect	6.8 %	6.0 %	6.4 %
1 correct	13.1 %	11.4 %	12.2 %
2 correct	19.9 %	15.8 %	17.8 %
3 correct	27.4 %	31.2 %	29.4 %
4 correct	23.7 %	24.7 %	24.3 %
All correct	9.0 %	10.8 %	10.0 %
Total	**733 (100%)**	**833 (100%)**	**1 566 (100%)**

Sample: 1566 pupils in Slovakia, UIPS MS SR Bratislava 2011

Table 3 contains data about results of 1,566 pupils broken down to their success in answering knowledge questions: 6.4% of pupils answered no question correctly while as many as 10% answered all questions correctly. In principle, boys and girls reached the same level of correct answers.

From the viewpoint of the real possibility to test the relation of the "level of knowledge: and civil attitudes and participating behaviour of students, we made the second methodological step. We combined two (1 to 2 correct answers) and two (3-4 correct answers) close levels to a single category. Based on the above, we divided the set of respondents to 4 groups: **all incorrect (6.4%), 1-2 correct (29.9%), 3-4 correct (53.7%), all correct (10.0%).** It has turned up that all questions or 3-4 questions were correctly answered above all by students at grammar schools (71.8%). Worse results were observed with secondary school students in the first year. It was manifested by their highest share in the group of respondents with all incorrect answers (14%), as well as by the lowest share of respondents (5.5%) in the group with all answers correct.

The first question by which we were testing the relation between the level of knowledge of respondents and their readiness for civic engagement was: **Is it important for you to have the possibility to freely express your opinion and use arguments to push it through?** Out of the prescribed answers, students basically selected two active positions: "always" (40.7%) and "only in certain situations" (46.2%).

Table 4. Is it important for you to have the possibility to freely express your opinion and use arguments to push it through?

Students broken down to the level of civic knowledge		**Importance to freely express one's opinion**				**Total**
		Always	**Only in certain situations**	**No**	**I don't know**	
No correct	%	31.1	43.7	8.7	16.5	100 %

1-2 correct	%	35.7	44.6	7.9	11.9	100 %
3-4 correct	%	44.9	45.9	1.9	7.3	100 %
All correct	%	39.9	53.8	1.3	5.1	100 %
Total		**642 (40.7%)**	**728 (46.2%)**	**64 (4.1 %)**	**143 (9.1%)**	**1,577 (100%)**

Sample: 1577 pupils in Slovakia, UIPS MS SR Bratislava 2011

It is obvious that also students with the lowest level of civic knowledge, even despite the handicap, prefer to express their opinions ("always": 31.1% or "in certain situations": 43.7%). The group of students "with the highest level of knowledge" in the field of the civil agenda, i.e. those who answered all 5 questions correctly, is more active; that is evident to lesser extent in the "always" answer (39.9%) and more evidently in the case of "in certain situations" (53.8%). However, also respondents who had a slightly lower level of knowledge (answered correctly only 3-4 questions) like persuading the others of their political truth: category always (44.9%) got the level of the category "in certain situations" (45.9%).

Thus, we are facing the reality that "civic knowledge" and their level are not automatically connected to civil or political activity. Young people with the highest level of knowledge do not need to have the will and interest to enter into immediate extra-scholastic discussions and play the role of "politicians" at school, such as class spokesperson. They are satisfied with the role of "experts" in political theories and studies (knowledge) and prefer influencing or commenting the course of political discourse from the background. And students with lower level of civil or political knowledge can be more engaged in the field of school or out-of-school politics. We also have knowledge of the fact that even adult citizens with lower level of civic knowledge about democracy and politics enter into conflicts concerning their real social interests [14].

Survey of political knowledge, opinions and attitudes of young people in regions of EU Members States (MYPLACE)

MYPLACE is the abbreviation for Memory Youth Political Legacy And Civic Engagement. The project analyses how shadows of totalitarianism and populism in Europe shape engagement of young people. According to the project, the present generation of young people shares the experience that they grew up in Europe where there are basically no right-wing or left-wing authoritative governments. They also miss any direct experience of the cold war and related concerns and prejudices that divided Europe and any direct experience with life in communist, authoritative or fascist political regime. At the same time, they sha-

re the experience they grew up in the first global economic crisis after WW2 that could, based on all indicators, provide extreme right with the room to "strengthen". Moreover, as the present generation of young people in Europe has little or no experience with extreme and populist politics, they can be especially receptive to radical political agendas [3].

1. Political knowledge of – methodology aspects of the measurement

We only included those questions to the sociological questionnaire in the MyPlace survey that refer to the level of elementary political knowledge. In particular, there were three questions in unit 28. It is necessary to mention that, compared to the EUYOPART (2005) survey, it is a unit focused only on *issue so of national politics* of individual countries. In the conditions of existence of the European Union is means a material weakening of the level of civil and political knowledge of the young generation. The second limitation rests in the fact that the questions identified only the *elementary knowledge of facts*. The third limitation is that their *selection is systemically not consistent,* e.g. form the viewpoint of distribution of power institutions of governance in parliamentary democracy (decision making power, representative power and judicial power). Slovakia was interested in adding, to the question about the Prime Minister, questions about the President or the Chairman of the Parliament. Eventually, we appreciated that the survey team spontaneously accepted our proposal and included also the "knowledge" indicator to the research tool of the sociological survey.

Table 6. Correct answers to questions about elementary political facts

Three questions		***RS***	***TT***
1	Who is the Prime Minister in Slovakia?	90.6	94.8
2	Who is the Minister of Foreign Affairs in Slovakia?	47.5	**63.1**
3	What is the principal ruling party in Slovakia?	88.1	**94.4**

Note: RS – Rimavská Sobota, TT – Trnava,

At the first sight, it is obvious that the respondents were mostly able to answer the question about the Prime Minister and they also knew well what the ruling party in the country was. In this case, the persons and political parties had strong media presence in both countries as the ruling parties. There was significantly lower number of respondents who could identify the Minister of Foreign Affairs, in certain case such as RS, it was less than one half of the surveyed peo-

ple. M.Lajčiak in Slovakia is really less present in media and only a smaller part of the public could identify them. Thus, it was a well selected indicator for structuring the set of respondents from the viewpoint of intensity of their interest in politics.

2. Political knowledge and political attitudes

We managed to divide the set of respondents in each region depending on their ability to correctly answer all three questions asked[4]. With the exception of Trnava (45.4%); the other sets were less successful. On the opposite side there are regions with the highest share of respondents who could not answer a single question correctly: RS (28.7%).

Table 7. Correct answers to three questions in urban and rural regions of Slovakia (%)

Number of answers depending on their correctness		**TT**	**RS**
1	No correct answer and one correct answer	15.3	**28.7**
2	Two correct	39.3	46.7
3	Three correct	**45.3**	24.7
Respondents total (Abs. %)		**597 (100%)**	**596 (100%)**

Table 8. Statistical tests

[4] *The selection of locations was based on the fact that the most important factors for the growth of extremism and radicalism are the social and economic deprivations of the regions and communities on the one hand, and the possibility of potential ethnic conflicts on the other hand. The given factors played a crucial role in the selection of the relevant locations.*

As for both given characteristics, the selected locations differ significantly.

On the one hand, there is the town of Trnava with a homogenous ethnic structure and a relatively low level of social and economic deprivations. The location ranks among "strongly developing" areas, mainly considering the economic aspect. Its strong side is the proximity of the capital and the PSA Peugeot automobile plant. Several universities are located here – therefore, the population of youth concentrates here.

On the other hand, there is the district of Rimavská Sobota, which is characterized by a high ethnic heterogeneity rate as well as, considering the Slovak conditions, an above-the-average level of social and economic deprivations. In this location several ethnic groups meet – Slovak, Hungarian, and Romany. The area ranks among the poorest locations in the country (high unemployment and poverty rate, social issues). The problems have been cumulating there for several decades and are mainly connected with economic opportunities of the whole region. As for conducting the survey, the interviews in this location ran smoother and continually – the selected PSUs were two towns and the rest were country settlements – smaller towns or villages.

Pearson Chi-Square	Value	Df	Asymp. Sig. (2-sided)
Gender	,364[a]	3	,948
Education	66,702a	6	,000
Age	62,395[a]	3	,000
Social Class	39,868[a]	6	,000
Majority-Minority	62,395[a]	3	,000

For the purposes of further analysis of the relation between the level of civic knowledge and political opinions and attitudes of respondents we had to put together the success rate at the lowest level, i.e. one correct answer with a small group of absolutely unsuccessful respondents (no correct answer). This is how we formed a sufficiently big group of respondents whose level of knowledge we will be able to interpret as the lowest one (15.3% TT, 28.7% RS). The difference in this case confirms a positive influence of urban environment of Trnava to the level of civic knowledge of young people, unlike Rimavská Sobota (rural environment).

The following two groups with different levels of knowledge are sufficiently big for statistical analyses. The decisive one of them for comparisons is the one where respondents could answer correctly ***all three knowledge questions.*** It is because that is the group that could correctly answer also the question about the Minister of Foreign Affairs. Its share in particular regions in Slovakia is very similar with the exception of the city of Trnava (45.3%), which ranked best in the third group.

The results of the statistical analysis indicate that education and age, but also social class and ethnic of our respondents is the decisive factor increasing political knowledge. Gender does not play any statistically significant role (table 8).

The analysis of the relation of the level of “knowledge about politics and politicians in the country” with certain civil opinions and attitudes has shown that it is a case of differentiated structure. Above all, we have confirmed that respondents with a high level of knowledge about politics:

1. Identify themselves and their friends as people interested in politics. Especially, it applies to the city of Trnava.

2. Differentiate from others by collecting information about politics on the internet or in newspapers. Media such as radio and television do not have such differentiating position.

3. Are, more than other respondents, interested in various issues of national politics in the country where they live. In the regions that are close to Austria (Trnava), they are also more interested in EU issues.

However, the level of political knowledge of respondents does not express in how they assess politicians and current politics in their country. It especially applies to their statements that a) politicians act in a corrupted manner, b) the rich have too high influence on politics and, last but not least, that c/ politicians are (not) interested in young people. In all above cases the level of political knowledge has no impact on opinions and attitudes of young people[5]. Thus, results confirm the fact that civil and political opinions and attitudes are not influenced by the level of civic knowledge of respondents. The overall awareness of young people of politicians, political parties and mechanisms how politics is made is equal among all groups of respondents from the regional as well as urban-rural environments. Eventually, there is a rare concord between two neighbouring Member States of the EU.

3. Election behaviour in urban and rural regions of Slovakia

Political parties and movements of the extreme right are making themselves increasingly more visible in the situation of economic downturn. In the 2009 European Parliament Elections, right-wing extreme parties received significant level of support in several Member States of the EU. They managed to accomplish parliamentary representation also in those countries where they previously experienced little success. That is the case of only some European countries in national and regional elections. At the same period of time, a **reverse process** occurred in Slovakia when voters managed to push out some populist (HZDS) and radical-nationalistic parties (SNS and SMK) from the National Council of the Slovak Republic in 2010 and 2012 parliamentary elections.

In the MyPlace survey we also noticed civil and political engagement of the youth, in particular, its election behaviour. Overall, 43.5% of respondents in Slovakia took part in parliamentary election and 19.1% in local elections in TT and, analogically, 40.2% of respondents took part in parliamentary and 18% in local elections in RS. The difference between a higher turnout of respondents in the big (parliamentary) election and lower turnout in small (local) elections is visible in both countries, however, the difference much more distinct in Slovakia.

Table 9.

Trnava Political knowledge – correct answers to 3 questions	**Did you take vote in the last elections?**	
	Yes Parliamentary	**Yes Local**

[5] *A special attention should be paid to interpretation of these results in regions of Trnava also using in-depth interviews that were made in parallel to the sociological survey.*

None, only one	%	12.8	4.5
Two	%	19.4	12.6
Three	%	21.4	29.3
Total (Abs. %)		**255 (43.5)**	**110 (19.1)**

Table 10.

Rimavska Sobota Political knowledge – correct answers to 3 questions		**Did you take vote in the last elections?**	
		Yes Parliamentary	**Yes Local**
None, only one	%	33.7	12.8
Two	%	40.7	19.4
Three	%	46.6	21.4
Total (Abs. %)		**237 (40.2)**	**104 (18.0)**

The most important difference in election turnout from the viewpoint of civic knowledge was manifested in Slovakia between TT and RS. In TT, there is a significant difference, in both cases, in engagement of respondents depending on their level of political knowledge. In RS, the turnout is not driven by the level of civic knowledge of respondents in neither type of elections. That difference can results from the fact that, in RS, there is a significant group of respondents who are members of the Hungarian ethnic minority, which, in principle, votes for one of two ethnic political parties – one more loyal to the Slovak government, MOST(HID), or populist-radical SMK, more loyal to the government of Hungary. Also the survey of election turnout in the ENRI EAST project has confirmed that member of the Hungarian minority in Slovakia have had, traditionally, a slightly higher election turnout than the majority population [11].

Authoritarianism and civic knowledge of the youth

In our analysis, our starting point is that there is still continuing perception of Slovakia as a country that has been, more or less, successfully overcoming "authoritative" past times of brown clerical-fascist (1939-1945) and red (1948-1989) communist dictatorship. Therefore we paid separate attention to verifying the relation of the level of political knowledge of the young generation to their attitudes concerning the manner of governance in the country. The survey statement "to have strong leader who is not limited by the parliament" belongs to those attitudes that are usually associated, in the discourse about public politics, with the so called "strong hand" or "strong personality" and with the concept of authoritarianism in the political theory. Authoritarianism still resounds among Slovak citizens, along to other extremist value orientations and stereotypes, especially those such as: ***anti-Gypsyism, homophobia and anti-Semitism.*** Results

of representative sociological survey of openness of the Slovak public to ideas of right-wing extremism in 2012 confirmed that 4% of the population in Slovakia share ultra-right ideas and, at the same time, they expressed their willingness to support political parties offering radical solutions by their votes in elections. At the same time, 7% of the population share ideas characteristic for right-wing extremism and they are willing to support them by their active participation in gatherings of citizens [13]. In particular, authoritarianism is revived by inability of Slovak governments after 1989 to deal with social and education situation of Roma minority and its coexistence with the majority population.

Looking back, already the EUYOUPART (2004) project made it possible to uncover that there is a relatively strong relation between civic knowledge and political attitudes (Macháček 2005). *Based on relevant empirical findings we could confirm he empirical hypothesis that a higher level of civic knowledge of working of the political system in the parliamentary democracy is combined with a higher level of refusing authoritarian steps in the governance.*

Since 1989, young generation in Slovakia has had the possibility to get rich experience about unending disputes in the National Council of the Slovak Republic or in the governing coalition after 1998. Many of them even strengthened the belief than only a strong leader could deal with country's issues in a more efficient way. We uncovered the rate of correct answers to the question "The Prime Minister has the right to dissolve the parliament" (65% of correct answers) and put it to relation with the attitudes "a strong leader can deal with problems in a more efficient way than the parliament". Correlation of the two statements (Table 11) makes it possible to conclude that incorrect answers concerning how parliamentary democracy works, i.e. what the relation between executive and representative power is are connected to distrust to the parliament and its dealing with country's problems.

Table 11. The Prime Minister has the right to dissolve the parliament – a strong leader can deal with problems of the country in a more efficient way than the parliament (Slovakia)

The Prime Minister has the right to dissolve the parliament	a strong leader can deal with problems of the country in a more efficient way than the parliament					
	I strongly agree	I agree	I don't know	I disagree	I strongly disagree	Total
Correct	39.7	37.4	40.3	28.4	15.4	34.9
Incorrect	60.3	62.6	59.7	**71.6**	**84.6**	65.1
Total	100	100	100	100	100	100

EUYOUTHPART – political participation of young people [9].

The results confirmed that those opposing a “strong leader” (Table 11) by expressing the attitude of “I disagree and I strongly disagree” are aware of the fact the Prime Minister does not have the right to dissolve the parliament and that, in fact, it is the vice versa situation. Thus the result implies that respondents with elementary knowledge of the principles of democracy cannot agree with the statement that a strong leader is better than the worst parliament.

Inclination of Slovak citizens after 1989 to recourse to a strong personality, to a “strong man” or an authority have been made rather well known all over Europe, especially as far as concerns Prime Minister V.Mečiar and his political battle with President M.Kováč in years 1993-1998 the present-day authoritarianism (1998-2012) has its cultural sources in the twenty-year tradition of the new “working parliamentary democracy” with democratic political parties in Slovakia, which, have been losing trust of citizens after 1998 also due to corrupt behaviour (SDKU as the leader of right-wing political parties) of their representatives. What makes citizens unease and what revives “political authorities” is the inability of the coalition of relatively small right-wing parliamentary political parties to operate in a stable way and decide, responsibly, in order to safeguard elementary living standard of citizens, employment and economic development of the society in connection to the financial crisis after 2009.[6]

It has specific expressions in the context of present-day political situation in Hungary and Slovakia. At the time of data collection for MyPlace by means of sociological questionnaire at the end of 2011 and beginning of 2012, the 4-member coalition of liberal and Christian-conservative democratic parties (SDKU, KDH, SAS, MOST) fell apart in Slovakia. Preterm elections were won by opposition party SMER-social democracy, which received, to the surprise of all political parties, such a high number of votes of citizens that it did not need to enter into coalition with other political parties.[7] In 2012 Smer formed a “single party government” with the support of its 85 deputies in the NR SR (out of 150), which, naturally, strengthened the position of R.Fico, the chairman of the party and the Prime Minister.

---

[6] *P.Hrušovský (KDH), candidate for the president of the Slovak Republic, in an interview for daily Pravda (2013) said about left-wing party Smer-sociálna demokracia: “We often get into situations where it gets close to authoritarian methods or even abuse of the power. We are witnessing it in Slovakia, it is seizure of the country by total political power, by a single party…. All these parties were set by former communists. They were close to each other by their ideas, agendas as well as personally. There, the unification (left) was much simpler than in the case of parties that started to come into existence after November ’89 and which started to divide into conservative, liberal” [4].*

[7] *That happened in 2006, when SMER, after unsuccessful attempts to set up a big coalition (SDKU, KDH, MOST) or a small coalition (KDH) invited to his coalition nationalist SNS (J.Slota) and populist HZDS (V.Mečiar). That was subject to criticisms by the EU and EP, above all by the association of social-democratic parties in the EP.*

In this case it is important that the position of leader – the Prime Minister stems from a strong position of the political parties in parliaments, which is the result of their support by citizens-voters in parliamentary elections. Outputs of our survey de facto certify if the position of the leader – Prime Minister is legitimized by the public opinion of the youth aged 16 to 26 years. (tabels 12 and 13).

Table 12.

Trnava			For ruling the country it is better to have one strong leader not limited by the parliament					Total
			Very good	Good	Neither good nor bad	Bad	Very bad	
Correct answers	**None, one**	%	**22.5**	**33.8**	17.5	10.0	16.3	100
	Two	%	8.4	19.1	26.0	21.4	25.1	100
	Three	%	8.3	20.2	22.2	**25.8**	**23.4**	100
	Total	%	10.4	21.8	23.0	21.8	23.0	100

	Value	df	Asymp. Sig. (2-sided)
Pearson Chi-Square	30,376[a]	8	,000

Table 13

Rimavska Sobota			For ruling the country it is better to have one strong leader not limited by the parliament					Total
			Very good	Good	Neither good nor bad	Bad	Very bad	
Correct answers	**None, one**	%	**13.2**	**27.1**	27.8	21.5	10.4	100
	Two	%	10.2	19.3	30.7	24.0	15.7	100
	Three	%	8.6	19.3	**45.7**	13.6	12.9	100
	Total	%	10.6	21.4	33.8	20.6	13.6	100

Chi-Square Tests			
	Value	df	Asymp. Sig. (2-sided)

Pearson Chi-Square	19,467[a]	8	,013
a. 0 cells (,0%) have expected count less than 5. The minimum expected count is 14,83.			

In Slovakia, the overall support to the "authority" of the leader is the same in the city of Trnava (32.2%) as in rural areas of the city of Rimavská Sobota (32.0%). There is a more evident traditional urban-rural dividing line rather in the case of intensity of "resistance to the authority" and strengthening of the position of the parliament: in Trnava it was 44.8% of respondents but in R. Sobota only 34.2%. In Trnava, proponents of the "strong position of the leader" are, above all, respondents with the lowest level of civic knowledge (22.5% for very good), while the statement gained the lowest support among respondents with the highest level of civic knowledge (only 8.3% for very good). In Rimavska Sobota, the attitude of "resistance" to the authority is weakened also by the fact that even respondents with a high level of civic knowledge (45.7%) declare that the relation between the personality of the leader and parliament does not matter. That claim was adhered to only by 22% of respondents of the type in Trnava.

That implies that the population in cities of Trnava has clearer attitudes to the political topic than the populations in rural areas of Rimavská Sobota, which do not have clear attitudes to the topic. If we apply our hypothesis to it, we need to conclude that the higher level of political knowledge identified by elementary factographic elements of inner policies of national states (Prime Minister, political party, Minister of Foreign Affairs) are expressed in relation to authoritarianism as a method of governance differently depending on the urban and rural environments where young people live.

Conclusion

In our empirical study we respect the fact that the project of European integration connected to the enlargement of the European Union also for new European post-communist democracies is also carried out by means of educating the young generation for democratic citizenship. **Since 1995, education for democratic citizenship (EDC)** has been **one of** political priorities of the EU **as a set of practices and principles aimed at preparing the adolescents and adults better for active engagement in democratic life by empowering and defending their rights and responsibilities in the society.** Based upon an initiative of the European Commission, the idea of analysing efficiency of education for democracy in national states also occurred in projects of empirical surveys of the youth that focused on the relation of European identity and citizenship (EYI 2002) and political and civic engagement of the youth (EUYOUTHPART 2004). Mainly, it was a response to strengthening of the process of integration

of post-communist countries of Europe to the new European community by adopting European democratic values and political culture of European governance by its young generation. Outcomes of international projects (CIVED 1999 and ICCS 2009) indicated that civic knowledge represent an important cornerstone of processes of preparation of young people's engagement in democratic governance in countries such as the Czechia, Poland and Estonia.

The MyPlace (2012) survey contributed to the Commission's initiative by its specific approach testing urban-rural division line of political participation by selecting representative survey samples of young people in two different regions (2 x 600 respondents) in one country. Division of respondents depending on the level of their political knowledge made it possible to confirm that even elementary factographic political knowledge make differences among young citizens from the viewpoint of their overall interest in politics. Respondents with a higher level of political knowledge perceive themselves and their closest friends as people with a higher level of interest in politics, either at national or even European level. Regarding their political opinions and attitudes, we identified an area (corruption of politicians, inappropriate influence of the rich on politics, low interest of politicians in the youth) of critical and negative assessment of politics and politicians that did not depend on the level of political knowledge of respondents.

We have already tested the empirical hypothesis of the relation of the level of civic knowledge and inclination or resistance of young citizens to authoritarianism on several survey sets. Results of EUYOUPART (2004) confirmed that elementary knowledge of democratic principles enable young people understand how democracy works and refuse, more often, authoritative personality in the political life. Results of the MyPlace (2012) survey in Trnava confirmed that among proponents of a "stronger position of a leader" were mostly respondents with the lowest level of civic knowledge (strongly agree as many as 22.5%) and the lowest number of respondents with the highest level of civic knowledge (strongly agree only 8.3%). In the rural district of Rimavska Sobota, the overall structure of inclination or rejection of authoritative personality is influenced by the fact that a large share of respondents, even those with the highest level of political knowledge, do not matter if the political personality that is in the lead does or does not depend on the parliament (as many as 45%). The traditional urban-rural conflict was proved in "resistance to an authoritative personality" and "strengthening of the position of the parliament". In Trnava, it was 44.8% of respondents but in the rural area of R. Sobota only 34.2%.

Also comparison of results from Slovakia and Hungary makes it possible to enrich our analysis by the finding that the rural area (OZD) shows a very high supportive attitude towards an "authority" among respondents with minimum and maximum levels of civic knowledge.

The above implies that the populations in cities of Trnava and Sopron have clearer attitudes to the political topic. **There are young citizens there who support authoritarianism less and rather oppose it.** That is fully in line with sociological analyses that, in the long run, have claimed that the urban-rural division line in Slovakia is important. Based on the findings, citizens living in rural areas are more conservative, more nationalistic, more religious [5]. Verification of the hypothesis that citizens in rural areas are much more inclined to authoritarianism than people living in towns rather means that **a significant group of young rural citizens (RS), even those with high level of knowledge of politics, do not either support or resits the orientation and they do not find it either good or bad.**

Based on empirical findings of the My/Place survey we verified the hypothesis that a low level of political knowledge is strongly connected to the highest support to authoritarian procedures in governance. Even though the group of young people in Trnava with the lowest level of political knowledge is the smallest out of all (15.3%), it showed the strongest support to "a strong personality of a leader" (22.3%). That is in line with knowledge of mobilization of a part of the youth in the city of Trnava for radical action groupings of sport fan clubs.

On the other hand, we found out that formal as well as informal civic education of pupils at school and outside it has its significance and should be made more efficient and intense. We confirmed that there is a **pedagogical optimism** among teachers and people working with the youth in this country as civic and political education is, indirectly, expressed in a higher level of preparedness for civic and political engagement of the youth and even takes part in deepening its democratic political value orientation.

Literature

1. All-European Study on Education for Democratic Citizenship Policies. Council of Europe co-ordination: A.Garabagiu, Administrator, DG IV, 2005.
2. Chisholm L., Hurrelman K. Adolescence in Modern Europe. Pluralized transition pattern and their implications for personal and social risks. // Journal of Adolescence. 1995, #18, pp.129-158.
3. European policy brief. MyPlace, February 2013 http://www.fp7-myplace.eu/index.php
4. http://spravy.pravda.sk/domace/clanok/287823-hrusovsky-opozicia-si-naivne-myslela-ze-sa-dokaze-zjednotit/
5. Krivý V. (Ed.) Slovenské voľby ´12. ('12 Slovak elections). – Bratislava, SÚ SAV, 2012.
6. Lauritzen P. Youth Policy. salto-youth.net/toolbox. Partnership CoE/EC Pilot Training Course "European Citizenship in Youth Work".

7. Macháček L. Youth in the processes of transition and modernization in the Slovak Republic. // Rolling Youth, Rocking Society: Youth take part in the post-modern debate on globalization. / J.-Ch.Lagrée (Ed.). - Paris: UNESCO, 2002, p.83-92.
8. Macháček L. Young People in Bratislava and Prague: National and Supra-National Identities. // Sociológia: Slovak sociological review. Year 36, Vol.3, 2004, p.195-217.
9. Macháček L Political knowledge and the political attitudes of youth in EU and Slovakia. // The Central European Dimension of Youth Research / L.Macháček (ed.). - Trnava: Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, 2005.
10. Macháček L. Slovak republic and its Hungarian Ethnic Minority: Sociological Reflections. // Slovak Journal of Political Sciences, Vol.11, 2011, No.3
11. Macháček L. Úvod do sociológie mládeže. (Introduction to the sociology of the youth). - Trnava UCM, 2011.
12. Macháček L. Štava E. Občianske vzdelávanie a výchova mládeže k občianstvu: národná správa z medzinárodného výskumu občianskeho vzdelávania ICCS 2009 (Civic education and education for citizenship: National report of ICCS 2009 international survey of civic education) - 1. vyd. - Bratislava: NUCEM-Národný ústav certifikovaných meraní vzdelávania, 2012.
13. Macháček L. Krošlák S. Dve školy demokracie. Občianske vzdelávanie a školská samospráva. - Olomouc, UPOL, 2013.
14. Roško R. Smer moderné občianstvo. (Direction modern citizenship). – Bratislava, Vydavateľstvo IRIS, 1995.
15. Schulz W., Ainley J., Fraillon J., Kerr D., Losito B. ICCS 2009 International report: Civic knowledge, attitudes and engagement among lower-secondary school students in 38 countries. – Amsterdam, The Netherlands: international Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA), 2010.
16. Torney-Purta J., Lehmann R., Oswald H., Schulz W. Citizenship and education in twenty-eight countries. - Amsterdam, The Netherlands: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA), 2010.
17. Wallace C., Kovatcheva S. Youth in Society. The Construction and Deconstruction of Youth in East and West Europe. - London, Macmillans, USA, St. Martins Press, 1998.

Prezentat la redacţie
la 14 decembrie 2013

Recenzent – ***Valentin ŢURCAN***, doctor în sociologie, conferenţiar

ON THE REGIONALIZATION OF MOLDOVA - GAGAUZIA CASE

Natalia PUTINĂ
Republic of Moldova, Chisinau, Moldova State University, Faculty of International Relations, Political and Administrative Sciences, Department of Political Science
Lectuer, doctor in politologie

The changes which occurred on the post political totalitarian systems indicated upon the fact that the political process was profoundly influenced by the ethnic factor. Therefore M.Weber, sustained the idea that the ethnic identification is the aim of the political life. This important dimension may be latent or absent in this important dimension in the West, but at the full scale in the East states [18, p.27-28]. We sustain the idea that contemporary political process of post-totalitarian states was and is deeply ethnically, there were written the numerous works about it. The Republic of Moldova is part of this group of countries, and this article is to motivate and shape the overall landscape, regarding the Moldovan ethnic dimension of the political process. Based on the proposed topic for research, this paper will form the basis of theoretical and conceptual work, the first paragraph will argue the consolidation of regionalism in Republic of Moldova as a modality to integrate ethnic groups.

The multiethnic states have a complex and multilevel direction of the political process that cannot be observed only suitable to national general level. The approaching of political process of any state should be done in the terms of the various changes that have direct impact on the national, subnational and local levels. We considered that the political system of the Republic of Moldova, may be conceived as a set of the systems, which interact with each other and have different systems of political actors.

Characterizing the Republic of Moldova, we use the term "heterogeneous territorial state", the regional political process is more or less autonomous than the overall national issue and in some cases influence the course of political events in the entire state. Here we refer to the southern region of the country, where was established the Autonomous Territorial Unit of Gagauzia. We sustain the idea that due to population more than two centuries of the historical territory of our state by ethnic Gagauz (the Bugeac area) and over the eighteen years of being the Gagauz autonomy - has crystallized its own history of the region. A consecutive consolidation of regionalism in the Republic of Moldova, as it is seen in Europe, is necesery not only for society democratization, encouragement

of local initiative, but for state consolidation, and overcoming tendencies of separatism in a civilized manner as well [14, p.7]

Consolidation of Regionalism in Moldova: Conceptual Boundaries

We propose that the "regional political process" to be understand as all the actions and interactions of sub-national political actors in order to promote state policies, targeting interests, important functions and roles for entire society, and for some of them. The regional aspects of the evolution of political process are important for certain categories of states:

1. Federal states and unitary states which are developing the institution of regional autonomy (Italy, Spain);
2. Large states that, due to territorial vastness and diversity, develop regional political life (Russia, Ukraine);
3. Mono-ethnic multi-ethnic states or countries, but with the traditional segmentation based on the regional clans, tribal regions (Tadjikistan);
4. States that have the ethnic areas in their structure and are developed the separatist movements (Moldova).

In all these categories of states can be perceived the real pressing from the regions to the central government, which can range from entering into the "central government elite" and strengthen its bureaucratic positions by armed separatism [19, p.139]. In the Republic of Moldova, the evolution of the ethnic influences ranged from the trend to obtain territory (for Bulgarians and Roma in the south to the north) or to strengthen administrative-territorial autonomy (where the Gagauz minority in the south) to attempt to establish an independent state (for Russian speaking minority in the east of the country) [1, p.11]. Therefore we propose to synthesize many development peculiarities of region Gagauzia Autonomy at the national level, taking into account the international experience upon the organization of the structural territorial states.

In order to study the regions requires a complex analysis of their political situation accordingly to a set of parameters:

1) the region's place and role in political structure of the state, as such as, the nature of relations between the center and the region;

2) the features of regional political regime characteristics such as the institutional characteristics;

3) regional political process, history and specifics of political leadership;

4) local government bodies and their relations with regional organs of political power;

5) structural features of the regional elite [17, p.145-155];

6) the peculiarities of regional party system;

7) geographical-political structure of the region (the centers and peripheries of political influence, the differences between administrative units of the region);

8) varieties of regional political culture and its impact on the electoral process [19, p.145]

It is very important to stress that regional political process represents many domains of action such as, extra-state (region-other states), intra-state (region-center), intra-regional (among regional) and sub- regional (local), which will be approached in our research in a point of foreign relations aspect of Gagauzia, between autonomy and center, but also aspects of intra-regional political process. Recognition of regionalism in its objective way is not just "a war against nation states", but involves certain risks, such as regionalism monopolization by extremist and secessionist movements, and fluidity of the terminology used in the discussion on regionalization [11, p.6].

The new aspect in the subject of regionalization for Moldova imposes a number of conceptual boundaries. The concept of "region" occurred at the Geographers in the early twentieth century, but in recent decades has created a true "mania regions" because one of the precipitated debate today is that divided region: "east" and "west", regions "central" or "peripheral" regions "geographic" or "historical", "economic", "political" or "administrative" etc. Some authors mentioned that any territorial segment can be defined as a region, with one condition that is smaller than the existing national territory and more than a city, or a county department or [4, p.79]. For this reason, the proposed definitions and characteristics are not unambiguous, the aim of these vary debates depending on the criteria for delimitation [12, p.4].

The movements' comprehension currently taking place at regional level is achieved by differentiating between two concepts - regionalism and regionalization. Most often, the term regionalism is explained in two ways: a) seen as a movement from top to bottom, defines regionalization and b) viewed as a bottom-up movement, defines regionalism. Regionalism as a movement from the bottom up, where the region is perceived by the population as a homogeneous territory who are realizing common interests and aspirations and participating in the management of these interests. So, we can speak about the regional consciousness, which promotes the inefficiency of state to solve the regional problems. Therefore, the state is accused for imposing a single model of regional particularities but regionalism corresponds to a local deep desire, responsible for resolving issues affecting them directly. Compared to regionalism, regionalization has different goals and means. In response to the regionalist movement, the state is determined to recognize regional identity; the region is viewed as a homogeneous area that can take steps to manage their own affairs [2].

Author C.Cotoi, in some of his articles regarding various aspects of regionalist, insists that these issues need to be approached through the implementation of the connection between "region" and "nation". There are some structural and functional similitudes between regional and national construction and mechanisms of self and hetero-identification, ideology, mobilization. Thus, regionalist movements can be analyzed, taking into account peripheral minority nationalisms. Such a way of understanding regionalism is largely based on the theory of "nation-building" community. According to this theory the existing system of territorial states is the result of a gradual integration of peripheral regions into the national state, a process coordinated by an elite center. S.Lipset and S.Rokkan, assert this process within a structured four-step model: territorial consolidation, standardization cultural democratization and introduction of redistribution mechanisms [10]. All regionalist movements represent determined aspirations, types of organization and political expression. And through political mobilization, pressures and even violence, is attempting to emphasize and strengthen regional influence against centralized state and its authorities. Representatives of the regionalist movements require self-determination, self-governance, institutional decentralization, privileges and respect for traditional culture [4, p.80].

According to periodization achieved by M.Hroch to describe the evolution of "small" nations from Eastern Europe toward political regionalisms, we obtain results that allow a demarcation between the peripheral nationalisms and regionalisms and cultural identity [6]. The first stage characterizes early "awakening" of national consciousness with new linguistic and cultural circumstances, and an area of limited influence, reported to a small number of representatives of the intelligentsia, which tries to preserve and codify elements of an emerging national culture". The second stage begins with the emergence at the forefront of cultural, national consciousness and cultural nationalism. It is characterized by the transformation of political nationalism in a mass movement. The third stage belongs to the mature political nationalism and concludes with the emergence of the nation state [5, p.2].

According to the instrumental model formulated by S.Rokkan, whose starting point is territorial cleavage is difficult to explain why regionalist-nationalist political movements appear only in regions where there is some "ethno potential". However, a third pattern of geopolitical regionalization characteristic of Transnistria in Moldova occurs at the intersection of regionalisms economic-administrative and cultural identity and opens a new field of interpretation and analysis.

The terms "federalism" and "federation" are two other concepts that need to be defined and approached in the context of current research. Federalism may

be understood as a combination of several close political communities, in accordance with the particularities of each of them. Federalism mixes harmoniously the unity and diversity of political and legal orders and at the same time, promotes a federal state encompassing federal units. They are not absorbed, but provide a summary of the solidarity and autonomy [13, p.22]. Federalism means "action to federate, to create a federation." Unlike unitary state, federation is characterized by the existence of two types of state of organization, of constitutional order, of institutional systems and citizenships. In general, there are four main characteristics of the federal state: the federal state unity, plurality of federal states, and constitutional autonomy of the federal states and partial overlapping of the two constitutional orders"[12, p.5].

Gagauz Autonomy a Particular Region of Moldova

The Republic of Moldova can be integrated in the subject matter above mentioned because of its two regions of Gagauzia and Transnistria and its unique among the 27 countries with the economies in transition. This can be characterized by regionalism more than regionalization. More specifically, a regionalism that is part of cultural identity, and geopolitical patterns, is based on the political factors. In this case is not the subject of research the regionalization of administrative and economic type of the Moldovan state. Despite the fact that regionalism has no tradition in Moldova, however our territory is distinguished by the natural demographic and economic, social and cultural strong features. Historically on the Bessarabia territory between the rivers Prut-Nistru always was distinguished four integrated sub regions: North, Central, Southeast and Southern. The South is the least urbanized, because of the lack of a relief threshold", a growth pole" that would cover with its social and economic responsibilities throughout the region [14, p.10-13].

Autonomous Territorial Unit of Gagauzia, took valences of "old" parts of the Moldovan area and adoption of the "Law on the Special Legal Status of Gagauzia" gave this territory a legal-institutional basis. At the same time, Gagauzia remains to be an integral part of our state, without deteriorated its consistency. On the other hand, Transnistrian situation until the current days remains uncertain and extra constitutional. In order to reincorporate separatist territory at the legally divided border, over time, multiple views and scenarios were exposed to regionalize the country. Grace since 2003, began a series of projects in order to federate/regionalize the country, largely initiated by the Kremlin, the plan "Primakov", followed by "OSCE project", the famous plan "Kozak", plan "Voronin - Sova", "OSCE Mediators document", "Yushchenko plan", "project Transnistrian settlement plan", some looking Gagauzia as a potential federal subject [15]. I support the position of author I.Osoianu regarding the fact that the Transnistrian conflict is not part of the problems that can be solved through federation,

expressed in his study "Federalism and regionalism? European experience, perspectives of the Republic of Moldova". Regionalization can be a real alternative for the federalization [12, p.147]. An optimal solution is the creation of autonomous regions with special status Transnistria, thus Gagauzia serving as a model in this respect.

The Granting autonomy always has been the center point of scientific research as effort to ensure the stability and democracy in the heterogeneous societies. Even if autonomy theme contains a politically explosive, this option has the capacity to reduce the ethnic tensions. Consequently, autonomy has a direct impact on the territorial integrity of states, but it is far from being a highly popular and unequivocally accepted. For example, some experts from the OSCE, are considering "autonomy solution," just in "exceptional" and "atypical" situations, as an alternative to civil conflict (OSCE Commissioner Van der Chairs rarely recommend the territorial autonomy as a variant of solving the national problems) [16, p.291].

Overall, the "autonomy" is defined as the ethnic group protection tool that ensures maximum internal self-determination, with a minimum of the external determination of the majority population, and preserving the territorial integrity. R.Lapidorth a remarkable specialist in the autonomy problems says this is "an arrangement and a way to express the specific identity of a group, which is distinct from the majority population of a state, but is an ethnic majority in a specific region" [9, p.33]. The main goal of autonomy is to protect against the decision of the majority ethnic group and ensure the basic freedoms and rights of ethnic minorities, without infringing the territorial integrity of the contracting states.

There are known three types of autonomy in the international practice:

- Territorial autonomy, where the ethnic group constitutes the majority in the living area;
- Cultural autonomy – the ethnic group is not majoritarian in the living area;
- Local self-government, for cases in which members of ethnic groups living in isolated, scattered areas and not the majoritarian in smaller administrative units, regions, communes or parts of communes.

We propose to analyze the territorial autonomy form, in particular form, because this solution was implemented in Moldova, regarding the national Gagauz minority. So, the "territorial autonomy" can be seen as "a special status granted to a territorial areas that generate the skills and rights that afford to solve by themselves issues of particular interest for the region and the community, in a legal framework, through the self-governance, self-administration and own jurisdiction" [3, p.55]. Territorial autonomy does not involve the claims to sovereignty, but the function mechanism and autonomy competences should be expressed in

the legislation of its state. These competences regard the spheres of necessary authority in order to solve their problems in accordance with their ethnic group's opinion. The autonomy granted in time always will be the best way to prevent secession, it is considered that.

Although, in the special literature, the federal and autonomous structures of territorial organization of the state are conceptualized as two distinct concepts, it is surprising to discover overlapping in some interpretations reported to the case of Central and Eastern Europe because of the perception distinction between the federalism and autonomy is difficult and unclear. In this context, the example of the Russian Federation, a special case, in that autonomy is combined with federalism [2, p.14]. Mostly, in the post-Soviet space, the ethnic minorities required the autonomous status in the unitary states, and inherited the Soviet federal system reminiscences.

In order to characterize the institutional design of territorial autonomy based on the ethnic criteria, it is important to recognize the impact of psychological factors as a starting point to self-determination. Researcher M.Jovanovic for example, asserts that the existence of "traditions of conflict" in border demarcation of the newly created nation states in Eastern Europe, appeared in the relationship between the ethnic minority and majority" [7, p.3]. Another specialist who approached this issue was P.Kolsto, he asserted that for non-tenured elite groups, claim to autonomy was a result of Soviet socialization and the only way known for them to safeguard are the ethnic minorities right [8, p.205].

The Gagauz autonomy issue is rooted in the idea expressed above, but is also determined by the existence of a wide range of divergences at the representative level of political elites. These representations are limited to the perception of Soviet administrative traditions, but also to their understanding of the essence of the special legal status. The meaning of territorial autonomy is viewed by many scholars as, one state in state or the loyalty absence from the national minorities. Eventually, the territorial autonomy is available for Gagauz, and it is nothing else than a manifestation of loyal policy promoted by the state in relationship with the national minorities as a whole. And "stricto senso", in the absence of external homeland for Gagauz, this is a preservation and development of the ethno-cultural and political specificity of this community.

A significant fact is that European Union regional policy represents a very important mean of integration of different ethnical and social groups in the composition of a country, while preserving their cultural peculiarity and achieving political consensus in society [14]. Regionalism and effective utilization of region's potential and initiatives in the strategic fields offer the possibility to reach welfare and competitiveness of the regois and the state as a whole.

Bibliografie:

1. Anghel E. Legea Republicii Moldova cu privire la drepturile minorităţilor naţionale: între deziderat şi realitate. // Minorităţile naţionale şi relaţiile interetnice. Tradiţia europeană şi experienţa noilor democraţii pentru Moldova. Vol.I. - Iaşi: Pan Europe, 2002.
2. Benedickter Th. The Word's Modern Autonomy Systems. Concepts and Experinces of Regional Teritorial Autonomy. - Bozen/Bolzano, 2009.
3. Boţan I. Regionalizare vs. regionalism şi federalism. // Minorităţile naţionale şi relaţiile interetnice. Tradiţia europeană şi experienţa noilor democraţii pentru Moldova. Vol.I. - Iaşi: Pan-Europe, 2002.
4. Cotoi C. Regionalism şi regionalizare. O perspectivă critică asupra problemei „transilvane". // Geopolitica, 2004, nr.1.
5. Cotoi C. Spre o interpretare geopolitică a regionalizării. // Geopolitica, 2003, nr.1.
6. Hroch M. The Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analyse of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. - Cambridge: Cambridge University Press. 1985.
7. Iovanovic M. Territorial Autonomy in Eastern Europe – Legacies of the Past. // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe, nr.4, University of Belgrad, 2002.
8. Kolsto P. Territorial autonomy as a Minority Rights Regime in Post-Comunist Societies. // Kymlicka W., Opalski M. (eds.). Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe. - Oxford, 2001.
9. Lapidorth R. Authonomy: Flexibile solution to Ethnic Conflicts. – Washington, 1997.
10. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage structures, party systems and voter alignments. // Lipset S.M., Rokkan S. (eds.) Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. - New York: Free, 1967.
11. Munteanu I. Dezvoltări regionale în Republica Moldova. - Chişinău: Cartier, 2000.
12. Osoianu I. Federalizarea sau regionalizare? Experienţa europeană, perspectivele Republicii Moldova. - Chişinău: IPP, 2003.
13. Popescu C. Autonomia locală şi integrarea europeană. - Bucureşti: Editura All Back, 1999.
14. Programul Regional „Gagauz Yeri". Centrul de Investigaţii Strategice şi Reforme (CISR). - Chişinău-Comrat, 2001.
15. Ţibrigan V. Dosarul regionalizării Republicii Moldova. 10 ianuarie 2011. // www.istoria.md.

16. Кимлицка У. Федерализм и сецессия: Восток и Запад. // Ab Imperio, 2000, Nr.½.
17. Магомедов А. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил. // Полис. 1999, №5.
18. Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе. // Полис №2, 1996.
19. Туровский Р.Ф. Основы и перспективы региональных политических исследований. // Полис. №1, 2001.

Prezentat la redactie
la 7 noiembrie 2013

Recenzent – ***Rodica SVETLICINII***, doctor in istorie, conferentiar

AGENȚIA DE ŞTIRI „IPN": MODALITĂȚI DE MEDIATIZARE A PROCESULUI DE INTEGRARE EUROPEANĂ A REPUBLICII MOLDOVA

Georgeta STEPANOV
Republica Moldova, Chişinău, Universitatea de Stat din Moldova, Facultatea Jurnalism şi Ştiințe ale Comunicării
Doctor în ştiințe politice, conferențiar, decan

Currently, one of the main priorities of the Republic of Moldova is european integration. How is natural european integration process of the Republic of Moldova has become a subject almost customary topic in the daily flows of moldovan news agency, but the methods and techniques of production and presentation of information about the European Union differ from one institution media to another. It is also one of the criteria which facilitate and foster the establishment the main role of agency news which it occupies in the coverage by various media institution of the european integration process.

Mass-media şi politica s-au aflat permanent într-o relație interdependentă. Pe de o parte se află produsul mediatic, prezentând de cele mai dese ori subiecte din viața politică, iar pe de altă parte se află politica şi politicienii, a căror imagine şi activitate s-ar apropia de cota zero dacă nu ar fi mediatizați. Indiscutabil, această interdependență se regăşeşte şi în contextul mediatizării procesului de integrare europeană. Doar că în acest caz ea este mai transparentă, deoarece politicile Uniunii Europene se bazeză pe principii mai evoluate în ceea ce priveşte relația cu mass-media.

Sistemul mass-media funcționează în sisteme sociopolitice date, în strânsă legătură cu conceptele "eveniment", "interes public", şi „sferă publică". E greu de imaginat că mijloacele de informare în masă există independent de universul socio-uman, de sistemul de valori şi de reprezentările lumii pe care o susțin [20, p.113]. Evoluția sistemelor sociopolitice generează realitatea socialpolitică şi determină, în mare parte, agenda mass media, inclusive a agențiilor de presă, care "se află întotdeauna în centrul sistemului mediatic din fiecare țară" [3, p.26]. Astfel, prioritățile sociopolitice ale unei societăți devin, indiscutabil, obiective-țintă ale politicii editoriale ale agențiilor de ştiri.

Actualmente, una din prioritățile de bază a Republicii Moldova este integrarea europeană. Cum e şI firesc, procesul de integrare europene a Republicii Moldova a devenit un subiect aproape nelipsit în fluxurile zilnice ale agențiilor de ştiri moldoveneşti, doar că modalitățile şi tehnicile de producere şi prezentare a informațiilor despre Uniunea Europeană se deosebesc de la o instituție media la alta. Acesta ar fi şi unul dintre criteriile care ar facilita şi ar favoriza stabilirea

rolului prioritar pe care îl ocupă ştirea de agenţie în mediatizarea de către diverse instituţii mediatice a procesului de integrare europeană.

În acest studiu ne propunem să identificăm rolul şi locul subiectelor despre integrarea europenă a ţării în fluxul produselor mediatice al agenţiei de ştiri IPN, precum şi specificitatea ştirilor produse de IPN la acest subiect. Pe site-ul oficial al agenţiei de presă IPN, instituţia se prezintă ca o agenţie de presă independentă, misiunea căreia este de a livra prompt cititorilor ştiri utile şi credibile. Administraţia acesteia susţine că produsele IPN sunt în mare parte diferite de cele existente pe piaţa informaţională moldovenească, deosebidu-se prin diversitatea şi pluralismul surselor de informare, echilibrul obligatoriu al punctelor de vedere oficial şi de alternativă, caracterul analitic al unei părţi importante din produsul informaţional, lista amplă de produse şi servicii media [28].

IPN prezintă ştiri în limbile română, engleză şi rusă din domeniul economic, politic, societate şi business. În prezentarea instituţiei se mai precizează că în buletinele agenţiei se regăsesc ştiri dedicate agendei europene, conflictului transnistrean, drepturilor copilului, pe lângă ştiri din sport şi din domeniul ecologic. Printre abonaţii agenţiei IPN se numără organizaţii internaţionale şi misiuni diplomatice, organizaţii guvernamentale şi nonguvernamentale, organe de presă şi alte companii.

De la 15 februarie până la 15 aprilie 2013 – timp în care a fost realizată monitorizarea fluxului de ştiri – agenţia IPN a oferit abonaţilor săi 40 de produse de agenţie care vizează procesul de integrare europeană a Republicii Moldova. Din totalul produselor difuzate, ştiri au fost 38. Într-un caz informaţii care vizează integrarea europeană au fost oferite prin intermediul unui interviu şi în alt caz – printr-o analiză.

Cele mai multe materiale dintre cele 40, au fost publicate în primele 14 zile în care a fost efectuată cercetarea, 17 la număr. Cele mai puţine însă – doar trei – au apărut în fluxul IPN în perioada 1-15 aprilie. În luna martie IPN a difuzat 20 de produse de agenţie despre integrarea europeană, 13 dintre acestea fiind realizate în perioada 1-15 martie, iar altele 7 – în următoarele 15 zile, de la perioada 15 martie până la 1 aprilie.

Numărul maxim de ştiri despre integrarea europeană difuzat de IPN pe parcursul unei zile este de trei. De cele mai dese ori se întâmplă ca agenţia respectivă să difuzeze câte două sau chiar câte o ştire despre integrarea europeană în fluxul zilnic, dar se atestă şi zile în care fluxul de ştiri nu conţine niciun produs mediatic la acest subiect. Numărul ştirilor despre integrarea europeană este în descreştere pe parcursul celor două luni, cu un maxim de materiale la începutul perioadei studiate şi cu micşorarea numărului acestora până la sfârşitul perioadei.

Aceste tendinţe pot fi explicate prin faptul că până la începutul perioadei în care a fost demarată monitorizarea fluxului de ştiri IPN şi până la demisia Guve-

rnului, la 5 martie curent, erau în toi discuțiile despre semnarea Acordului de Asociere Republica Moldova – Uniunea Europeană în toamna anului 2013 şi tot mai mulți oficiali europeni transmiteau în cadrul vizitelor la Chişinău mesaje de susținere a parcursului european al țării noastre. Discuțiile însă erau marcate de efectele ieşirii la 13 februarie 2013 a PLDM din Acordul de constituire al Alianței pentru Iintegrarea Europenă. După 5 martie numărul ştirilor despre integrarea europeană a început să scadă şi tema principală a acestora era şansele păstrării vectorului european al Republicii Moldova.

Cele mai extinse ca volum produse ale IPN despre integrarea europeană sunt cele tematice sau cele de la evenimente social-politice şi economice, realizate de reporterii agenției şi care abordează diverse teme referitoare la integrarea europeană. Cum e şi firesc, cel mai voluminos material referitor la integrarea europeană este un interviu realizat de directorul IPN Valeriu Vasilică. Acesta este întitulat ”Dombrovskis: Ritmul bun al Moldovei în sfera eurointegrării se cere apreciat la justa valoare” [29], a fost difuzat de IPN la 22 februarie şi are 17200 de caractere. Interviul este urmat de analiza: ”Cum ar trebui să fie rezolvată criza politică?” [30], publicată la 11 martie, care are 10250 de caractere şi a fost realizată de Kalman Mizsei, ex-reprezentant special al UE în Moldova.

În ceea ce priveşte volumul ştirilor despre integrarea europeană, acesta pendulează între 2550 de caractere (cel mai voluminous produs) şi 555 de caractere (ştirea despre numirea unui nou şef al Delegației UE la Chişinău: ”Şeful Delegației UE în Moldova şi-a încheiat mandatul”). În general, însă majoritatea produselor despre integrarea europeană oferite publicului de IPN au de la 1200 de caractere la circa 2500 de caractere.

Cele mai frecvente teme abordate în ştirile difuzate de IPN în perioada 15 februarie-15 aprilie 2013 se remarcă:

- Posibilitățile de semnare a Acordului de Asociere şi a Acordului de Liber Schimb;
- Liberalizarea regimului de vize dintre Republica Moldova şi UE;
- Vizite ale înalților oficiali europeni în Republica Moldova şi mesaje de susținere transmise de aceştia.

Pe parcursul a două luni, IPN a publicat trei ştiri de anticipare. Acestea anunță despre vizitele unor oficiali europeni la Chişinău sau a unor oficiali din Republica Moldova peste hotarele țării, în contextul procesului de integrarea europeană a statului, exemplu: ”Preşedintele Comisiei pentru afaceri europene a Bundestagului german vine la Chişinău” [31]. Această ştire are puțin peste 770 de caractere.

Restul ştirilor care au legătură directă sau indirectă cu procesul de integrare europeană a țării noastre reflectă fapte sau evenimente care au avut deja loc, fie că acestea sunt realizate în urma lucrului în teren al reporterului, fie că acestea

citează comunicate de presă ale unor instituţii, scrise după consumarea unui eveniment sau a unui fapt.

Cele mai multe ştiri IPN despre integrarea europeană au fost publicate integral pe site, cu excepţia a trei cazuri când pe site-ul IPN puteau fi citite doar titlurile ştirilor şi cel mult o frază din lead, în întregime acestea fiind destinate doar abonaţilor. Acest aspect al prezentării deschise a ştirilor pe site-ul instituţiei denotă importanţa pe care o acordă instituţia mediatizării procesului de integrare europeană.

Din 15 februarie până în 15 aprilie 2013, în fluxul de ştiri al agenţiei IPN au fost identificate două cazuri când de la un singur eveniment referitor la procesul de integrare europeană, sau pe marginea unui singur subiect, sau prin utilizarea aceloraşi personaje în contexte diferite, au fost scrise mai multe ştiri. Primul caz se referă la vizita la Chişinău a miniştrilor de externe ai Poloniei, Marii Britanii şi Suediei. Acest subiect a fost reflectat în două ştiri. Prima ştire: ”Miniştri europeni promit urgentarea semnării acordurilor cu UE” [32] a fost scrisă în baza informaţiilor obţinute de reporterul agenţiei la conferinţa de presă susţinută de cei trei oficiali europeni după întrevederea cu Premierul Republicii Moldova. Cea de-a doua ştire: ”Timofti i-a asigurat pe miniştrii europeni că ţara va implementa reformele iniţiate” [33] se bazează pe un comunicat de presă prezentat de Preşedinţie referitor la întrevederea celor trei oficiali cu şeful statului N.Timofti.

Într-un alt caz, IPN a publicat cinci materiale de presă în două zile diferite, toate axându-se pe vizita la Chişinău a Premierului Letoniei V.Dombrovskis. Pe marginea acestui subiect a fost scrisă o ştire despre întrevederea acestuia cu omologul său moldovean Vlad Filat – ”Moldova este cea mai avansată pe calea integrării UE dintre ţările PE, premier leton” [34], despre întrevederea cu şeful statului N.Timofti – ”Letonia va pleda pentru precizarea unei perspective clare de aderare a Moldovei la UE” [35] şi despre o întâlnire a oficialului european cu studenţii Academiei de Studii Economice din Moldova – ”Dacă îşi doreşte să devină ţară a UE, Moldova trebuie să se schimbe, premier leton” [36].

Pe lângă aceste ştiri de eveniment realizate în contextul vizitei la Chişinău a Premierului Letoniei Valdis Dombrovskis, IPN a mai realizat un interviu cu oficialul european: ”Dombrovskis: Ritmul bun al Moldovei în sfera eurointegrării se cere apreciat la justa valoare” [37], dar şi ştire: ”Relaţiile moldo-letone – fără chestiuni problematice, Valdis Dombrovskis” [38], care iarăşi îl prezintă în prim-plan pe premierul leton.

Surse de informare. Ştirile furnizate de IPN au la baza lor informaţii obţinute din comunicate de presă, de la evenimente de actualitate, de la emisiuni televizate. Încă o sursă de informare utilizată de IPN sunt opiniile şi comentariile oferite de analiştii poltici.

Din comunicate de presă, IPN a scris în perioada analizată 20 de ştiri, ori 52,6 la sută din totalul ştirilor. Alte 13 ştiri au fost scrise de la evenimente de

actualitate. Rata acestora este de 34,2%. Patru (10,5%) ştiri au fost scrise de reporterii IPN. Două ştiri (2,6%) au fost scrise în urma opiniilor furnizate reporterilor IPN de analişti politici sau oficiali.

În scrierea ştirilor despre integrarea europeană, în mare parte, reporterii IPN respectă rigoarea de a utiliza cel puțin două surse de informare. De exemplu, în ştirea ”Republica Moldova are şanse să semneze Acordul de Asociere în acest an, susține ministrul de Externe al Cehiei” [39] sunt citați în calitate de surse de informare ministrul Afacerilor Externe şi Integrării Europene al Republicii Moldova Iu.Leancă şi ministrul Afacerilor Externe al Republicii Cehe, K.Schwarzenberg. Sunt însă şi ştiri în care este utilizată o singură sursă de informare. De cele mai dese ori, ştirile de acest gen sunt bazate pe informațiile oferite de anumite instituții prin comunicate de presă, pe informații oferite de un oficial de la Chişinău sau de un oficial european. Exemplu în acest sens este ştirea: ”Dirk Schuebel: Summitul de la Vilnius va fi un succes pentru Republica Moldova” [40], unde sunt utilizate în calitate de sursă de informare declarațiile şefului Delegației UE la Chişinău şi ştirea: ”Procesul de integrare în UE este în plină implementare, premier în exercițiu” [41], unde este utilizată declarația Premierului în exercițiu al Republicii Moldova Vlad Filat.

Structura ştirii. Ştirile despre integrarea europeană a Republicii Moldova publicate de IPN sunt construite conform principiilor ”piramidei inversate”, au un volum mediu şi prezintă succint informațiile, în special declarațiile unor oficiali cu privire la reformele şi progresele implemetate de țara noastră în cadrul procesului de integrare europeană.

Spre deosebire alte agenții de ştiri (în special Moldpres) care odişnuiesc să prezinte integral orice comunicat de presă în care sunt reflectate informații despre întrevederile dintre primele persoane în stat şi oficiali europeni, IPN publică selective astfel de materiale şi doar dacă ele conțin o informație foarte importantă care ar putea deveni ştire.

Titlurile ştirilor despre integrarea europeană sunt în linii generale medii ca volum. Ele prezintă o opinie sau o informație succintă despre un eveniment sau un fapt produs. Numărul maxim de cuvinte pe care îl poate avea o ştire la această temă este de 17, exemplu fiind ştirea difuzată la 13 martie: ”Ambasadorul UE în Moldova: Evenimentele din ultima săptămână au demonstrat că trebuie intensificată lupta cu corupția” [42]. Cele mai scurte titluri ale ştirii IPN sunt alcătuite din opt cuvinte. Titluri de acest gen sunt trei la număr în perioada analizată. Unul dintre acestea este: ”Şeful Delegației UE în Moldova şi-a încheiat mandatul” [43].

Titlurile se referă la:

• Pronosticurile despre evoluția relațiilor dintre Uniunea Europeană şi Republica Moldova: ”Moldova are şanse să semneze anul acesta Acordul de Asociere cu UE, premier ceh” [44].

- Asistenţa oferită Republicii Moldova de Uniunea Europeană: ”UE a oferit Republicii Moldova 7 milioane de euro pentru dezvoltarea regională” [45].
- Declaraţii ale oficialilor europeni: ”În 2009 Moldova era aproape să devină stat falimentar, acum este fruntaş, oficial european” [46].
- Mesaje de susţinere şi de apreciere a reformelor din Republica Moldova transmise de oficiali europeni: ”Miniştri europeni promit urgentarea semnării acordurilor cu UE” [47].
- Declaraţii ale demnitarilor din Republica Moldova, referitoare la procesul de integrare europeană: ”Procesul de integrare în UE este în plină implementare, premier în exerciţiu” [48].

Identitatea ştirii. Ştirile difuzate de IPN care abordează subiecte despre integrarea europeană a Republicii Moldova au câteva trăsături caracteristice, care le identifică în contextul mediatic autohton:

- Informaţii complexe. Ştirile IPN prezintă un eveniment în complexitatea sa. Acestea nu fragmentează informaţiile şi nu le rupe din context, prezentând abonaţilor date integre şi complexe. Cititorii pot astfel să-şi construiască propriul punct de vedere asupra unui eveniment, fără ca acesta să le fie impus de instituţia mediatică.
- La baza ştirilor de agenţie stă o documentare temeinică asupra subiectului abordat, care permite reporterului să transmită cititorilor o informaţie în cunoştinţă de cauză, ceea ce sporeşte calitatea ştirii difuzate şi credibilitatea agenţiei în general. Backgroundul oferit de ştirile de agenţie este complex şi prezintă date importante despre evenimentul care s-a produs şi care contribuie la crearea unei viziuni de ansamblu asupra faptului sau evenimentului prezentat. Spre deosebire de televiziuni sau de portalurile informaţionale, care oferă backgrounduri seci şi scurte sau chiar acestea lipsesc, bazându-se în special pe declaraţii tari, în cazul ştirilor de agenţie acestea reprezintă un mare avantaj. Un exemplu în acest sens este informaţia oferită la finalul ştirii: ”Moldova este parte a unui program european împotriva crimei organizate”: ”Proiectul face parte din acţiunile Strategiei UE de Eradicare a Traficului de Fiinţe Umane 2012-2016. Valoarea acestuia este de 1,5 milioane de euro. Până la mijlocul anului 2014 este preconizată lărgirea spectrului de activitate, nu doar prin aplicarea legii, dar şi prin asistenţa şi protejarea victimelor. În cea de-a doua fază este aşteptată participarea mai multor ţări” [49].
- Surse credibile. Ştirile IPN sunt scrise în baza informaţiilor oferite de diverse surse de informare, care prezintă date credibile şi de interes public. O ştire a IPN despre integrarea europeană nu se va baza niciodată pe un zvon sau pe o declaraţie ”tare” fără ca acestea să nu fie bine documentate şi obţinute informaţii veridice pe marginea subiectului argumentat.

• Subiecte argumentate. Senzațiile, zvonurile şi informațiile neverificate nu-şi au locul în fluxul de ştiri al IPN.

• Prioritate are evenimentul şi apoi declarațile. În cazul în care reporterul agenției a fost la o conferință de presă susținută de un oficial european şi un demnitar din Republica Moldova, prioritate în prezentarea subiectelor de la acest eveniment va avea subiectul propriu-zis al acestuia şi mai apoi, în caz de necesitate, vor fi prezentate într-o ştire separată şi unele declarații făcute de cei doi oficiali pe marginea altui subiect de interes public. Nu acelaşi lucru se întâmplă şi în cazul televiziunilor sau a jurnalismului online, care deseori omit subiectul conferinței şi se axează doar pe declarațiile senzaționale făcute după consumarea acestuia.

• Limbaj accesibil. Ştirile IPN sunt scrise într-un limbaj accesibil tuturor categoriilor de persoane, astfel încât acestea să poată servi drept sursă de informare pentru alte instituții media, pentru cetățeanul simplu şi pentru instituții naționale şi internaționale.

În urma analizei ştirilor difuzate de IPN pe parcursul a două luni, au fost identificate rolurile ştirii de agenție în mediatizarea procesului de integrare europeană a Republicii Moldova, între care:

- *Colectarea informațiilor*. În acest sens ne referim la ştirile de autor. În cele două luni în care au fost monitorizate ştirile difuzate de IPN, au fost depistate şi ştiri tematice şi de autor, care au fost scrise în urma investigației reporterului pe marginea unei anumite teme. Deşi sunt mai rar întâlnite asemenea ştiri, acestea confirmă rolul istoric al agențiilor şi al jurnaliştilor de agenție de a căuta, a descoperi, a colecta şi a furniza informații inedite.

- *Informarea complexă.* Înainte de toate, ştirea de agenție are rolul de a transmite informații. Acest lucru este confirmat zilnic prin orice ştire furnizată de agenție. Doar că în cazul ştirilor de agenție, rolul de a informa este cu mult mai complex decât în cazul portalurilor informaționale sau a televiziunilor. Asta pentru că în cazul ultimilor mijloace de informare ştirile furnizate sunt selectate în funcție de politica editorială şi de interesul audienței. Agențiile de ştiri însă, prin natura lor şi prin gama vastă şi variată de abonați sunt nevoite să difuzeze ştiri pentru toate gusturile şi preferințele.

Informarea cu privire la subiectele despre integrarea europeană a țării noastre devine un obiectiv în sine pentru IPN, din mai multe motive. În primul rând, informațiile în acest sens sunt solicitate şi aşteptate de consumatori, în al doilea rând, integrarea europeană este un obiectiv strategic a țării noastre.

O altă caracteristică a rolului de a informa a ştirii de agenție este că aceasta prezintă toate subiectele importante legate de procesul de integrare europeană a țării noastre. Astfel, informațiile nu sunt prezentate selectiv, prioritate având datele concrete, şi nu senzațiile, zvonurile sau declarațiile tari.

- *Semnalarea problemelor*. Evident că procesul de integrare europeană a Republicii Moldova nu este unul uşor şi mai ales – nu se desfăşoară fără probleme. Acestea sunt adesea interpretate diferit în societate şi de diferite mijloace de informare în masă, în funcție de interese. Agențiile de ştiri sunt cele care deseori ar trebui să semnaleze problemele care vizează procesul de integrare europeană, să le analizeze şi prin prisma surselor utilizate să propună căi de depăşire a inconvenientelor.

Semnalarea problemelor nu ar însemna doar atenționarea societății asupra anumitor aspecte problematice legate de integrarea europeană a țării noastre, dar şi a autorităților asupra anumitor semnale transmise de societatea civilă sau de oficialii europeni în vederea intensificării eforturilor de soluționare a anumitor probleme.

Drept exemple în acest sens pot servi ştirile: ”Ambasadorul UE în Moldova: Evenimentele din ultima săptămână au demonstrat că trebuie intensificată lupta cu corupția” [50], ”Cetățeanul a obosit de lozinci de integrare europeană, fără să simtă ceva palpabil, analist” [51], ”Cearta liderilor politici pune în pericol semnarea Acordului de Asociere, analist” [52].

- *Promovarea valorilor europene.* Acesta este unul dintre rolurile esențiale pe care le are ştirea de agenție în mediatizarea procesului de integrare eurpeană a Republicii Moldova. Numărul relativ mare de ştiri în care cel puțin tangențial a fost abordat acest subiect sporeşte percepția societății asupra avantajelor şi dezavantajelor integrării în Uniunea Europeană.

Analiza aspectelor calitative şi cantitative ale ştirilor despre integrarea europeană difuzate de IPN prin utilizarea mai multor metode de cercetare a generat o serie de concluzii importante pentru aprecierea rolului pe care îl are acest produs mediatic în reflectarea procesului de integrare europeană a Republicii Moldova.

Scopul central al prezentului studiu a fost de a stabili care este rolul ştirii de agenție în mediatizarea procesului de integrare europeană a Republicii Moldova. Acest scop a fost atins în rezultatul aplicării mai multor metode de cercetare. Acestea au demonstrat că ştirea de agenție are următoarele rolul în mediatizarea procesului de integrare europeană.

- Colectează şi prelucrează informații referitoare la evoluțiile care au loc în contextul integrării europene a țării noastre;
- Transmite publicului larg şi abonaților informații actuale, obiective şi veridice despre procesul de integrare europeană;
- Informează complex, obiectiv şi echidistant despre procesul de integrare europeană;
- Promovează mesajele statului şi ale partenerilor europeni referitoare la relațiile dintre Uniunea Europeană şi Republica Moldova;
- Promovează valorile europene;

- Asigură continuitatea dialogului european;
- Semnalează probleme;

În rezultatul cercet[rii au mai fost stabilite încă câteva roluri ale ştirii de agenţie în procesul de integrare europeană. Acestea ar fi următoarele:

- Ştirile de agenţie au o mai mare valoare documentară;
- Ştirea de agenţie prezintă înformaţia cea mai actuală şi are un impact mai puternic asupra publicului deoarece frecvenţa de mediatizare este mult mai mare decât în cazul celorlalte canale de comunicare;
- Poate avea un impact mai mare asupra publicului deoarece ajunge la un număr mai mare de consumatori de informaţii.

Un aspect foarte important care confirmă rolul ştirilor de agenţie în mediatizarea procesului de integrare europeană a ţării noastre este faptul că IPN, la fel ca şi multe alte agenţii de ştiri, traduc în limbile engleză aceste produse mediatice. Astfel, ele devin accesibile publicului şi mijloacelor de informare din alte ţări şi confirmă locul pe care îl au produsele agenţiilor de ştiri în fluxul internaţional de informaţii.

Spre deosebire de unele posturi de televiziune sau portaluri informaţionale, care îşi pot permite să prezinte de la un eveniment declaraţiile tari ale unor oficiali, evitând scopul organizării evenimentului sau plasându-l pe acesta pe planul doi, ştirea de agenţie acordă prioritate evenimentului propriu-zis şi ulterior s-ar putea să ofere publicului şi opiniile expuse de oficili europeni pe marginea anumitor subiecte la acelaşi subiect.

În rezultatul studiului ştirilor despre integrarea europeană publicate de agenţiile Moldpres şi IPN au fost formulate principalele roluri pe care ştirea de agenţie le are în mediatizarea procesului de integrare europeană a Republicii Moldova. Concluziile formulate la finalul studiului, au evidenţiat necesitatea înaintării şi anumitor recomandări. Acestea ar fi următoarele:

- Jurnaliştii de agenţie ar trebui să abordeze în ştirile lor mai frecvent subiecte referitoare la impactul direct asupra cetăţenilor al procesului de integrare europeană a ţării noastre. Studiul a relevat că reporterii deseori se limitează la informaţiile oferite de oficiali şi de comunicate de presă, fără a încerca să pătrundă în detaliile procesului de integrare europeană şi să prezinte cititorilor informaţii despre modul în care se va schimba viaţa cetăţenilor în rezultatul integrării în Uniunea Europeană.
- Jurnaliştii ar trebui să scrie mai frecvent ştiri exclusive despre integrarea europeană. Recomandăm acest lucru bazându-ne pe rolul agenţiilor de ştiri de a difuza primele o anumită informaţii de actualitate şi despre jurnalistul de agenţie care nu ar trebui să se oprească la informaţiile oferite tuturor mijloacelor de informare în masă, ci să caute mereu ceva nou.

- Ştirilor despre integrarea europeană difuzate de agențiile de presă le lipseşte aspectul uman. Acestea deseori prezintă opinii mari ale oficialilor care seamănă doar a vorbe mari pentru omul de rând care aşteaptă rezultate concrete şi fapte palpabile. Orice ştire despre o declarația, un fapt, un eveniment produs în contextul procesului de integrare europeană a Republicii Moldova trebuie să fie însoțită de o explicație clară a impactului direct al acestuia asupra omului de rînd.
- Procesul de integrare europeană este unul foarte complex. Studiul a demonstrat că jurnaliştii abordează doar anumite tipuri de subiecte specifice acestui proces, cum ar fi vizite şi declarații ale unor oficiali europeni sau din Republica Moldova. În acest context, recomandăm ca jurnaliştii de agenție, în scrierea ştirilor despre procesul de integrare auropeană al țării noastre, să abordeze şi alte tipuri de subiecte de interes public, care nu sunt încă cunoscute publicului larg. Acest lucru ar determina sporirea rolului ştirii de agenție în mediatizarea procesului de integrare europeană.

Bibliografie

1. Bertrand C.-J. (coordonator) O întroducere în presa scrisă şi vorbită. - Iaşi: Polirom, 2001
2. Codul deontologic al jurnalistului din Republica Moldova. - Chişinău, 2011
3. Coman M. Întroducere în sistemul mass-media. - Iaşi: Polirom, 2004
4. Coman M. Manual de Jurnalism. - Iaşi: Polirom, 2009
5. Encyclopedia Britannica, www. britannica.com
6. Fisher M. Cum funcționează Uniunea Europeană. Ghid pentru jurnaliştii din Republica Moldova. - Chişinău, 2010
7. Ghid de stil cu norme etice pentru jurnalişti. - Chişinău: Asociația Presei Independente, 2011
8. Gorincioi Gh. Sistemul mass-media din Republica Moldova. - Chişinău, 1997
9. Grigoryan M. Manual de jurnalism. - Chişinău: Centrul Independent de Jurnalism, 2008
10. Ionescu C. Agențiile de presă din România. - Bucureşti: Tritonic, 2001
11. Jinga I., Popescu A. Integrare europeană. Dicționar de termeni comunitari. – Bucureşti: Editura Lumina Lex, 2000
12. Keeble R. (coordonator) Presa scrisă, o întroducere critică. - Iaşi: Polirom, 2009
13. Mallette M.F (ed.) Manual pentru ziariştii din Europa Centrală şi de Est. – Bucureşti: Editura Metropol, 1992
14. Nichițelea P. Standardizare şi obiectivitate în jurnalismul de agenție. // Analele Universității Spiru Haret, Seria Jurnalism, anul III, nr.3, 2002. – Bucureşti: Editura Fundației ”România de mâine”, 2003

15. Popa D. Mass-media, astăzi. - Iaşi: Editura Institutul European, 2002
16. Popescu C.F. Dicționar de jurnalism. - Bucureşti: Tritonic, 2002
17. Popescu C.F. Manual de jurnalism. - Bucureşti: Tritonic, 2005
18. Preda S. Tehnici de redactare în presa scrisă. - Iaşi: Polirom, 2006
19. Randall D. Jurnalistul universal. - Iaşi: Polirom, 2007
20. Roşca L. Mecanisme ale propagandei în discursul de informare. - Iaşi: Polirom, 2006
21. Sorlin P. Mass-media. - Iaşi: Editura Institutul European, 2002
22. Zelizer B. Despre jurnalism la modul serios. - Iaşi: Polirom, 2007

Resurse electronice

23. Preda S. Agenții de presă - Rigorile ştirii de agenție, http://cartiaz.ro/index.php?option=view&cat=22&cid=3111&ext=pdf,
24. http://www.moldova.md/md/europa/
25. www.gov.md
26. www.afp.com/fr/agence/afp-en-dates/
27. www.ipn.md, 15 februarie – 15 aprilie 2013
28. www.ipn.md, 1 aprilie 2013
29. www.ipn.md, 22 februarie 2013
30. www.ipn.md, 11 martie 2013
31. www.ipn.md, 2 martie 2013
32. www.ipn.md, 19 februarie 2013
33. www.ipn.md, 19 februarie 2013
34. www.ipn.md, 20 februarie 2013
35. www.ipn.md, 20 februarie 2013
36. www.ipn.md, 21 februarie 2013
37. www.ipn.md, 22 februarie 2013
38. www.ipn.md, 22 februarie 2013
39. www.Ipn.md, 1 martie 2013
40. www.ipn.md, 18 martie 2013
41. www.ipn.md, 15 martie 2013
42. www.ipn.md, 13 martie 2013
43. www.ipn.md, 5 aprilie 2013
44. www.ipn.md, 1 martie 2013
45. www.ipn.md, 18 martie 2013
46. www.ipn.md, 1 martie 2013
47. www.ipn.md, 19 februarie 2013
48. www.ipn.md, 15 martie 2013
49. www.ipn.md, 22 februarie 2013
50. www.ipn.md, 13 martie 2013
51. www.ipn.md, 20 februarie 2013

52. www.ipn.md, 15 februarie 2013

Prezentat la redacţie
la 14 noiembrie 2013

Recenzent – ***Mihail GUZUN***, doctor în filologie, conferenţiar

ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА: ИНСТАЛЯЦИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОЯВЛЕНИЯ

Сергей ВОНСОВИЧ
Украина, Киев, Киевский национальный университет имени Т.Шевченко, философский факультет, кафедра политологии
Кандидат политических наук, доцент

The article deals with various tendencies taking place in the process of transformation of the political regime in Ukraine, their manifestations are characterized and defined. The analysis of the impact of this process on the course of transitivity has been conducted. The result of this influence on the following transformation of the current political regime has been revealed. The notion of transformation in the context of the transitional period in post Soviet space has been specified. The transformation has been defined as a self-regulating, self-correcting process, free from a more rigid conceptual determination, which is characteristic for the projects of political modernization. The democratic transit is shown as a type of political transformation which is characterized first of all by its institutional direction because its main aim is institutional scrapping and the development of new democratic institutions without going beyond the existing legal framework. It covers the full range of public relations, namely: politics, economy, social structure, culture and spiritual sphere. One of the essential characteristics of the political transit is its temporal dimension. In this capacity, the transit is a fuzzy period of time that elapses between the fall of the regime and the time when the levers of power become completely controllable. It is indicated that the transformation of totalitarianism in the context of political transition takes the following configuration: 1). the combination for a relatively long period of time of an authoritarian regime and the weak, "imaginary", democracy; 2). gradual establishment of proto democratic social order; 3). open dictatorship and the transition to neo totalitarianism. It is emphasized that transit to democracy in Ukrainian society should be analyzed from the perspective of the existence of certain structures of democratic reforms: the formation of political democracy, market economy, a national statehood and the formation of a political nation. Periodization of transitivity in Ukraine is made. It is shown that in Ukraine since the mid-90s of the twentieth century the vector of the political transition shaped the facade of the political system with a "hybrid" political regime. The content of transit is functionally determined by the regime power, which continues to maintain neo totalitarian - patrimonial features.

Социально-политические изменения, начавшиеся в странах Центральной и Восточной Европы с конца 80-х - начала 90-х годов XX века, а затем и в бывших республиках СССР, получили в научной литературе название "трансформации". Термин, образованный от латинского "transformare", что означает "менять", "превращать". В общественных науках, начиная с 50-60-х годов XX века, как описание радикальных и структурных изменений в обществе, это понятие приобрело инструментальное употребление.

Данная дефиниция, в классическом смысле, выражает переход к качественно новому состоянию социальной организации. Однако в политологическом понимании в контексте переходного периода постсоветских обществ, в том числе и Украины, смысловое содержание этого понятия приобретает иной смысл, отличный от канонического. Считаем, что общественная трансформация в значительной мере представляется саморегулирующимся, самокорректирующимся процессом, свободным от более жестокой концептуальной направленности, которая характерна для проектов политической модернизации. Указанную позицию также подтверждает точка зрения украинского политолога Н.Михальченко. Последний, собственно, отмечает, что "трансформация", "изменение", "развитие" могут быть ориентированными на различные изменения реалий вперед, назад, по кругу и т.д. [13, с.36].

Применительно к транзиту, то анализ современной социально-политической литературы, посвященной исследованию проблем демократических трансформаций (демократическому транзиту), свидетельствует, что этот концепт, ни в западной, ни в отечественной политической науке еще не получил общепринятой адекватной экспликации. Так, по мнению некоторых украинских политологов, термин "демократический транзит" обозначает процесс трансформации посттоталитарных обществ, имеющих своей целью формирование политической демократии. "Транзит" в данном случае рассматривается как способ движения к цели, маршрут, в котором не исключены как прямые и гладкие отрезки пути, так и "волнообразные", тупиковые.

Несколько иным представляется понимание транзита как процесса у другой группы исследователей. Они полагают, что демократический транзит - политический процесс, происходящий в правовом поле государства и сопровождающийся развалом институтов изживающего себя политического режима, установлением и укреплением широкой сети демократических институтов, гражданского общества и усилением демократических функций государственно-властных структур [15, с.72]. То есть, демократический транзит является таким типом политической трансформации, который характеризуется, прежде всего, своим институциональным направлением, поскольку своей основной целью имеет институциональный слом старых

и развитие новых демократических институтов, не выходя при этом за пределы существующего правового поля.

Некоторые исследователи считают, что переход к демократии (демократический транзит), прежде всего понимается как временной процесс. То есть, демократический транзит - процесс трансформации посттоталитарных обществ, имеющий цель - создание демократии. Он охватывает весь спектр общественных отношений, а именно: политику, экономику, социальную структуру, управление, культуру и духовную сферу.

Временность как одна из сущностных характеристик этого процесса выделяется также и другими политологами. Например, Г.Ерме утверждает, что переход к демократии (демократический транзит) следует понимать именно как временной процесс. В этом качестве транзит представляет собой нечеткий период времени, который протекает между падением режима и моментом, когда рычаги власти стают полностью контролируемыми. Как правило, он заканчивается, когда данная демократия наделяет себя законными институциями и конституцией. При этом демократические руководители обеспечили свое руководство и последнее признается армией и номенклатурой, создавая тем самым, возможность мирного перехода власти [15,c.65].

Следует отметить, что отдельные представители украинской политической науки (например, А.Колодий) акцентирует внимание на том, что "определенная часть украинских авторов в своем анализе вообще не употребляет термин "переход" (или его английского аналога – "транзит"). При этом считается, что он содержит конотацию "конечного пункта назначения", тогда как демократизация (как, впрочем, и развитие консолидированной демократии) представляет собой непрерывный процесс, который никогда не заканчивается. Поэтому преференции отдаются термину "трансформация", для которого якобы не свойственна подобная телеологичность.

Учитывая содержание дискуссий о соответствии транзитологической парадигмы современным исследовательским потребностям, а также нисходящие тенденции в процессах демократизации в глобальном измерении, можно согласиться, что "трансформация" – термин, более нейтральный, применительно конкретных схем анализа и поэтому может иметь более широкое применение. Однако его применение также требует концептуальной определенности, поскольку в трудах различных исследователей ему придаётся не одинаковое содержание [9, c.30].

В общем виде трансформации политических режимов представлены через определение основных терминов и критериев как самого режима, так и отдельных этапов его трансформации. Этапы социально-политической трансформации можно квалифицировать на внешние и внутренние. К

внутренним аспектам относится собственно дефиниция трансформирующегося политического режима, то есть определение восходящего и конечного типа режима, государства и правительства; основные этапы переходного периода и его ключевые элементы. К внешним аспектам мы относим внешнее воздействие на внутренние процессы и пути перехода. Поскольку Украина переживает переход от тоталитаризма к демократическому режиму и эта тенденция задекларирована отечественным истеблишментом на нормативной основе, в частности в Конституции Украины, то сущностным является определение путей этого процесса.

В политологической литературе существуют различные точки зрения относительно путей трансформации тоталитаризма [5]. В контексте политического транзита они приобретают следующую конфигурацию: 1) относительно длительное во времени сочетание авторитарного режима и слабой, "мнимой", демократии, 2) постепенное установление протодемократического общественного устройства, 3) открытая диктатура и переход к неототалитаризму.

Классический подход к анализу процессов перехода к демократическому режиму предложен известным политологом З.Бжезинским [4, с.12]. Он выделяет три фазы в постсоциалистической трансформации. Итак, политической целью первой фазы трансформации является преобразование, а экономической - стабилизация системы. К политическим признакам стабилизации последней он относит: основы демократии, свободную прессу, первые демократические объединения и движение за перемены.

Политической целью второй фазы является движение от преобразований к стабилизации, а экономической - от стабилизации к преобразованиям. Политическими признаками этого являются новые конституция и избирательный закон, выборы, децентрализованное местное самоуправление, прочная демократическая коалиция, создание новой политической элиты.

Целью третьей фазы перехода выступает закрепление преобразований в политической сфере, в экономической - стабильный рост. Политические признаки трансформации режима прослеживаются в создании стабильных демократических партий, становлении демократической политической культуры. Сложность переходного периода в Украине заключается в том, что политическая трансформация проходит в условиях создания государства и консолидации нации.

Определяя специфические особенности демократизации украинского общества, следует осознавать, что переход от тоталитарной модели развития к демократии не представляется мгновенным процессом. Поэтому процессы изменения общества в политической, экономической и духовной сферах проходят сложно и противоречиво. А это означает, что различные

аспекты именно демократического транзита в Украине будут оставаться проблемными еще неопределенное время.

Исследуя особенности постсоветских трансформаций в Украине по определению типа политического режима, большинство исследователей придерживаются мнения, согласно которого Украине присущ смешанный или гибридный политический режим. Собственно частичность, "половинчатость" демократизации и либерализации авторитарных режимов на постсоветском политическом пространстве затрудняет однозначность квалификации политического режима. Поэтому исследователи выделяют промежуточные формы политических режимов как стадий политического перехода, вроде "управляемой демократии", "полудемократии", "неполной" демократии (Оттавей), "гибридного государства с соревновательным государственным авторитаризмом" (Т.Кузьо) [10], "дефектной демократии" (В.Меркель) [12], "делегативной демократии" (Г.О'Доннелл) [2], "авторитарной демократии" (Р.Саква) [17], "демократической ситуации" (А.Колодий) [8], "полудемократической олигархии" (Н. Михальченко) [13],

Анализ содержания различных моделей перехода к демократии позволяет констатировать, что наиболее соответствующим ей представляется конструкт четырехступенчатого демократичного транзита Т.Кузьо. То есть, транзит к демократии в украинском социуме целесообразно анализировать с позиции существования определенной структуры демократических преобразований: становления политической демократии, рыночной экономики, создания национальной государственности и формирования политической нации [16].

Именно с этих позиций представляется реальная возможность уточнить также и основные направления этой демократизации в условиях специфики развития украинских реалий. При этом, учитывая позицию некоторых политологов [11], можно согласиться в общих чертах с такими основными направлениями демократизации украинского общества:

1. Неукоснительное соблюдение принципа разделения властей в условиях законодательного обеспечения процесса согласования действий исполнительной и законодательной власти; осуществления ими своих конституционных компетенций, поскольку как демократия, так и демократическое урегулирование становятся невозможными без права и надлежащих законов. В любых внеправовых измерениях демократия приводит к хаосу, произволу и анархии, а сами законы, при отсутствии демократических институтов или неэффективной их деятельности, превращаются в абстрактные лозунги и политические прокламации;

2. Более четкое конституционное определение того, чем же является государство. Пока не будет узаконен этот важный алгоритм его функционирования, о взаимодействии и взаимопонимании, как и о разграничении

функций между ветвями власти не стоит и говорить. Именно право требует взвешенного формирования функций и основных форм ответственности политиков за свои действия.

3. Формирование не декларативной, а реальной солидаристской основы общества, которая бы помогла прагматично оценить реальное состояние реформ. Демократические структуры могут считаться консолидированными при условии, если они выполняют функции поддержания порядка и управления. Солидаризм в обществе должен начинаться в сфере центральных конституционных органов и политических институтов, ведь именно они наиболее существенно влияют на процесс возникновения политических партий и объединений. Институциональная консолидация - это то, что может помешать дефициту общественной солидарности, который является одной из основных причин перманентно возникающего противостояния. Консолидация в действиях политических институтов как условие солидарности общества, реформирует структуру политических отношений, дает возможность контролировать баланс управленческой системы, ее функциональную оптимальность. А правила игры в демократии (согласно И.Шумпетеру и Д.Сартори) предусматривают, что контроль за реальными процессами, которые происходят в обществе, осуществляется только там, где существует определенное согласие, где есть в наличии консолидация интересов. То есть за пределами солидаристских отношений демократия невозможна. Важно помнить: если процесс демократической консолидации блокируется, то вместо него возникают гибридные формы политических систем типа "делегативных" или "нелиберальных" демократических режимов.

4. Формирование зрелой национальной политической элиты. Современная мировая практика перехода общества от тоталитарных или авторитарных форм правления власти продемонстрировала, что становление демократии в значительной мере зависит от зрелости национальной политической элиты и той роли, которую она играет в процессах создания государства. Также целесообразно обратить внимание на то, что реализация четвертого направления демократизации невозможна без формирования политической нации в украинском обществе. Отсутствие сформированной нации, размытая идентичность, политическая дезориентация большинства населения, клановость и олигархизация правящих элит, иммобильность гражданских организаций положительно влиять на дальнейшее развитие страны не могут.

Помимо этого, в таких условиях считаем целесообразным рассматривать в качестве еще одного главного направления демократизации современного украинского социума - формирование гражданского общества. Поскольку для демократии, с одной стороны, необходимо сильное гражданское общество, могущее противостоять государству и, с другой – дос-

таточно активное для самостоятельного решения проблем гармонизации различных интересов.

Переход к демократии в современном украинском обществе должен ориентироваться на "эволюционную" форму трансформации. То есть, на смену правящих элит мирным путем, не используя насильственных средств решения политического противостояния − революций или полноценной гражданской войны (так называемой "революционной" формы перераспределения властных полномочий).

Исходя из анализа содержания транзита к демократии в современной Украине и его основных направлений, можно утверждать, что демократические преобразования в процессе транзита являются также и определенными условиями ускорения процесса политической мобильности, поскольку:

1) происходит изменение политической системы (политического режима);

2) изменяется центр тяжести политической власти;

3) усиливаются процессы циркуляции политических элит;

4) происходит мобилизация ресурсов власти: человеческих, экономических, информационных, силовых и т.д.;

5) формируются новые политические институции.

Процесс перехода к демократии тесно увязывается с формированием демократических институтов и разрушением предыдущих. Таким образом, существование демократического режима обеспечивается работой именно институтов, которые функционируют на основе четко определенных правовых норм и выступают в качестве контура (проводника) политической мобильности.

При этом следует учитывать, что масштабы вовлечения в общественные преобразования различных социальных и политических сил, благодаря возможности политически активных субъектов консолидироваться в конкретные политические группы для достижения цели определенным образом характеризует уровень политической активности членов социума. Это может свидетельствовать не только об уровне формирования гражданского общества, но и об уровне демократических преобразований.

Следовательно, признание демократического транзита определенной детерминантой ускорения процесса политической мобильности в украинском обществе, не является окончательным и единственным вариантом сложного взаимодействия и взаимовлияния (корреляции) двух процессов, характеризующих динамику политической системы современной Украины одновременно.

Исходя из вышеупомянутых методологических основ, представляется возможным более подробное рассмотрение корреляции этих процессов в

контексте анализа реальной практики осуществления демократических преобразований в украинском обществе. То есть, особенности взаимодействия и взаимовлияния процессов политических изменений и демократического транзита предлагается анализировать с позиций существования определенных четырех этапов последнего.

Эти этапы характеризуются: трансформацией основных институтов современной политической системы, механизмов продвижения политических актеров в системе политической иерархии и механизма структурных изменений. В основании последнего лежит противостояние политических актеров за распределение и перераспределение властных полномочий.

Наиболее часто украинские исследователи обращаются к такому варианту периодизации демократического транзита в Украине и других постсоветских странах [18, с.130]. Этот вариант содержит четыре этапа, содержание которых может быть представлен следующим образом.

1) Первый этап (1991-1994 гг.) - создание базы государственности. Украина прошла этап либерализации и демократизации начала 90-х годов XX века, когда новые независимые государства создавались на основе нормативно-правовой базы бывших советских республик: по форме правления - парламентские республики. Однако "новые старые элиты" (бывшая республиканская партийно-хозяйственная номенклатура) были не в состоянии реализовывать в рамках демократических процедур задачи экономической модернизации. В то же время, экономика в стадии стагнации, обеднение населения и проблемные вопросы распределения собственности, приватизация и т.д. требовали оперативного реагирования и концентрации полномочий.

Потребность в стабилизации политической ситуации, задачи экономической модернизации и национального строительства новых независимых государств настоятельно требовали перехода к сильной исполнительной вертикали власти, предполагавшей усиление роли президента. В условиях отсутствия исторической демократической традиции, патриархально-подданнической политической культуры, неразвитости гражданского общества, слабости партийной системы, к середине 1990-х годов в странах данной модели (за исключением Молдовы) сложилась специфическая политическая система, в которой преобладали элементы авторитаризма.

2) Этап "неопатримониализма". Для стран постсоветского пространства было присущим экстенсивное развитие демократических институтов. Под влиянием негативных тенденций в экономике 90-х годов основными чертами институционального развития были авторитарные методы управления. Последствиями этого процесса стали: жесткий административно-налоговый контроль, установление бюрократически олигархической экономики и неконтролируемая приватизация. В обществе возник довольно

устойчивый запрос на государственный патернализм. Это было обусловлено, прежде всего, кризисными явлениями в экономике (безработица, растущая инфляция, обесценивание сбережений и т.д.). Совершенно ясно, что в таких условиях превалировали общественная дезинтеграция и социальная депрессия, порождая у населения тягу к государственному патернализму, "сильной руке", способной "навести порядок" и обеспечить стабильность. Демократия, таким образом, отодвигалась на второй план, и это стало еще одной причиной откладывания демократической модернизации. В таких условиях сформировался так называемый синдром "политики доминантной власти".

По мнению западного политолога Т.Карозерса, "страны с этим синдромом имеют ограниченное, но все же, реальное политическое пространство, определенную политическую состязательность между противоположными группами и, по крайней мере, основные формы демократии. И все же, одна политическая группа - движение, партия, семья или отдельный лидер – доминируют в этой системе таким образом, что не оставляют практически никаких перспектив для смены власти в обозримом будущем... При доминантной власти выборы преимущественно сомнительные, хотя и не вполне фальшивые, поскольку господствующая группа пытается разыграть более или менее приличное избирательное шоу для международного сообщества" [7, с.90].

В то же время "политика доминантной власти" предусматривала не только усиление роли президента, но и сохранение за парламентом широких полномочий, обеспечивающих конкурентную среду для политических элит.

3) Этап "цветных революций" или "шоковой демократизации". Кроме Украины в 2004 г., эту фазу также прошли Грузия, Кыргызстан и Казахстан. Власть в этих странах стала нелегитимной. Уровень общественного доверия к правительствам Грузии, Украины и Кыргызстана накануне "революционных" событий, был, пожалуй, самым низким за все время независимого существования этих государств. Легкая и праздничная атмосфера "революции" в Грузии и Украине определялась тем, что власти не воспользовались применением силового варианта.

В Кыргызстане ситуация была несколько иной. Оппозиции в значительной мере удалось канализировать недовольство в обществе и получить ту социальную базу, на которую она справедливо могла рассчитывать. Здесь проявился основной парадокс "цветных революций": ее организаторы хотели только поменять политическую элиту, а участники массовых выступлений, часто сами этого не подозревая, хотели радикального изменения всей системы политической власти. Вместо перехода к консолидированной демократии и обеспечения необратимости демократическо-

го процесса, “цветные революции” принесли Украине и Кыргызстане так называемую “дисфункциональную” демократию, двоевластие, политический кризис, а Грузии - временный откат к управляемой демократии.

4) Этап “дисфункциональной” демократии (2005-2010 гг.). Наиболее емкое определение той модели политической системы, которая существовала в Украине в 2006-2010 гг., частично в Молдове (2009-2010 гг.), и в Кыргызстане (2010 г.) принадлежит американскому политологу Т.Карозерсу. По его мнению, это была “дисфункциональная” демократия или режим “беспомощного плюрализма”, когда “партии, которые воюют за власть, настолько преисполнены слепой ненависти друг к другу, что все их оппозиционные усилия направляются исключительно на то, чтобы любой ценой не позволить соперникам чего-то добиться”; “политическое соревнование происходит между глубоко враждебными партиями, которые действуют, по сути, как сети клиенталистского патронажа, без каких-либо попыток к самообновлению”, “власть переходит от одной недолговечной политической группировки к другой, во главе с харизматическим лидером, или к временным альянсам с невыразительной политической идентичностью“ [1, с.18].

По нашему убеждению, в условиях перехода от тоталитаризма к демократии, в 1991-1996 годах в Украине закладывались основы формирования именно такого промежуточного, “гибридного”, политического режима, включавшего симбиоз авторитаризма и демократии. Поэтому в 1991-1994 гг. имела место тенденция инсталляции республиканской президентско-парламентской модели с колебаниями от президентско-парламентской (1991-1992 гг.) к парламентско-президентской (1992-1993 гг.) Однако, начиная с 1995 года до принятия новой Конституции в июне 1996 г., можно выделить функционирование квазипрезидентской модели. По Конституции Украины, политический режим в стране приобретает черты президентско-парламентской модели. Поскольку форсированный переход может создавать непредсказуемые последствия, которые не вписываются в парадигму демократического транзита, последний, в ситуации нестабильности и идейной неопределенности, возможен как проявление поисков договоренностей и в достижении компромиссов между элитами. Неудивительно, что в современных постсоветских обществах переходное состояние представляет собой переплетение авторитарности, слабых элементов демократии, а в некоторых из них - потенциальных источников и тенденций неототалитаризма и неопатримониализма.

Относительно Украины отметим, что трансформация политического режима в указанный период не стабилизировалась. По причине политического кризиса 2004 г., в результате конституционных изменений, произошло переформатирование институционального дизайна. Исходя из вышеиз-

ложенного, Украина из президентско-парламентской превратилась в парламентско-президентскую республику. В такой форме политический режим существовал до сентября 2010 г., когда по решению Конституционного суда произошло восстановление президентско-парламентской модели политического режима со значительными полномочиями президента.

Итак, отметим, что в Украине система осуществления власти в рамках республиканской модели неоднократно менялась. Однако эти изменения касались сохранения демократического фасада политического режима, включавшего проведения выборов (”избирательная демократия”), наличие всеобщего избирательного права, гражданских свобод и т.п.

Необходимо, также, подчеркнуть, что в процессе демократического транзита перед Украиной стоял важный и сложнейший проект, реализация которого практически свела бы на нет тенденции неототалитарного или иных недемократических форм развития.

Во-первых, трансформация политического в гражданское общество на основе демократической политической сознательности и национальной идентичности при сохранении и обеспечении гражданских прав и свобод для национальных меньшинств (⅓ населения Украины - не этнические украинцы).

Во-вторых, сохранение государственной независимости и стабильности в регионе при одновременном установлении добрососедских отношений с новыми независимыми государствами бывшего СССР, Центральной и Восточной Европы.

В-третьих, проведение экономической реформы с целью формирования рыночных отношений, обеспечивая при этом социальную стабильность в обществе.

В-четвертых, построение современного государства с эффективными институтами власти, демократической политической системой и высококвалифицированной, патриотически настроенной элитой при сохранении мира и спокойствия в обществе в ходе устранения или даже запрета элементов старой (тоталитарной) системы.

Сложность перехода заключалась также в психологической, экономической и структурной неподготовленности украинского общества, включая, также, и политический правящий класс, к демократическому пути развития. В обществе оказались отсутствующими основания демократии, что делало невозможным реализацию самых начал Конституции. Это, прежде всего, наблюдалось в отсутствии демократической, гражданской политической структуры; в экономике - переход к либеральным проектам и концепциям, а также их реализация; в моральной и духовной сферах, в сфере сознания и т.п.

В контексте анализа переходных политических режимов своеобразной является и цель трансформационного процесса, в которую входит переход. Потенциально она может развиваться в двух направлениях: - формирование демократического или недемократического режима [6; 14]. Политическое развитие из-за этого может происходить по нескольким вероятным сценариям:

а) победа прогрессивных политических элит в конкуренции с другими политическими элитами, что сопровождается значительной поддержкой политически активной большинства граждан и соответственно - успешная демократизация;

б) высокая конкуренция политических элит при низкой политической активности граждан, которая формирует благоприятную почву для становления авторитарного политического режима;

в) низкая конкуренция политических элит при высокой политической активности граждан, которая способствует усилению охлократических тенденций и снижению эффективности государственного управления;

г) минимизация интенсивности всех политических процессов (на уровне гражданского общества и политических элит), которая может завершиться установлением диктатуры, когда невостребованная политическая власть попадает в сильные руки.

Следовательно, современный политический транзит не всегда удачное движение к демократии. Властью провозглашается направление именно демократического развития, но, по сути, происходит дрейф к псевдодемократии (выделено нами - С.В.). Именно так проходил процесс в Украине (конец 1996 г.), который привел к возрождению отдельных черт тоталитарного режима, из-за чего стал возможным уход от развития к демократии.

Такое изменение конфигурации политического режима заставило отдельных ученых, политологов говорить о наличии неототалитарных тенденций в процессе перехода. Одним из первых авторов, кто употребил термин "неототалитаризм" для характеристики политического режима в Украине, был известный политолог В.Полохало.

По мнению многих исследователей [19; 8; 20] неототалитарные черты режима прослеживались в следующем: 1) непубличность власти. Можно четко идентифицировать требования, поступающие к власти, и ее реакцию в виде принятых решений. Все, что происходит внутри власти вокруг принятия решений, является "черным ящиком" для исследователя; 2) невозможность, вследствие этого, идентификации институциональной власти; 3) неполноценность выборов, поскольку выборы не являются механизмом формирования воли большинства и цивилизованным разрешением конфликтов, слабо выполняют функцию рекрутирования новой политической элиты; 4) наличие элементов клиентелизма в отношениях избиратель – де-

путат, избиратель – партия, внутри самих партий; 5) невыполнение украинскими партиями присущих им функций и, наоборот, выполнение этих функций другими институтами; 6) существование номенклатурно-корпоративных кланов; 7) чужеродность, изолированность существующих институтов гражданского общества; 8) противоречие между конституционным и реальным механизмами властных отношений, т.е. декларативном характере Конституции; 9) наличие государственной политической цензуры; 10) функционирование государства исключительно как аппарата насилия; 11) гипертрофированная, авторитарно-бонапартистски настроенная президентская власть; 12) антипарламентаризм; 13) централизм, антирегионализм; 14) отсутствие предпосылок для европейской идентификации [5].

Нетрудно заметить, что перечисленные специфические черты не являются характерными для демократического политического устройства. В то же время, большинство из них содержит в себе оттенок неототалитаризма. Вопрос стоит не о наличии вышеуказанной специфики, а в том, какую роль она играет для сущностной характеристики политического режима в Украине. Другими словами, как складывается соотношение общего и особенного в политическом процессе и что это соотношение означает для характеристики политического режима в условиях транзита.

Не ставя целью характеристику различных подходов к определению политического режима в Украине, все же остановимся на позиции тех исследователей, которые аргументированно доказывают, что логика функционирования политического режима в Украине, начиная от президента Кучмы, была неопатримониальной. Считается, что и на современном этапе политический режим в Украине продолжает сохранять неопатримониальные признаки [21, с.10].

Это находит свое проявление в персонификации власти, когда личность лидера становится главным фактором для политической самоидентификации; в развитии патронажных отношений, прослеживается в распространении этнических, региональных, семейно-родственных связей на политическую сферу через распределение должностей, льгот и т.д.; гипертрофированности государства как субъекта политики в Украине. Государство существует оторвано, отстранено от общества, на политическом поле ведущую роль играют те организации, партии, которые поддерживают правительство; видное место в системе государственного управления занимает бюрократия “номенклатурной формации”, в частности существование “партии власти”, которая сосредотачивается вокруг Президента. Поэтому отношения в такой структуре выстраиваются также на основе клиентелизма; высоком уровне коррупции, что является одним из существенных каналов достижения различных, в том числе и политических, целей. Так, в ежегодном мировом рейтинге Transparency International за 2011 год Украи-

на, по уровню коррупции, опустилась с 134-го на 152-е место, разделив эту позицию с Таджикистаном. (Хуже ситуация только в таких странах, как Кения, Зимбабве, Ирак, Киргизия, Экваториальная Гвинея и Афганистан); в Украине современные формы гражданской связи сосуществуют с многочисленными традиционными и неототалитарными формами, приобретая свое выражение в "телефонном праве", преследовании и травле оппозиции и несимпатизантов власти, клановости.

Следовательно, можно утверждать, что в Украине с середины 90-х годов XX века под демократическим фасадом формировалось неототалитарно-патримониальные содержание. Определенные надежды и ожидания были связаны с "оранжевыми" событиями. Однако этот период показал, что сползание в сторону неототалитаризма, которое имело тенденции во времена Кучмы, удалось направить в латентное русло. То есть закрепление демократических изменений было не ко времени.

Как показывает политическая практика, переход от недемократических режимов к демократии в разных обществах происходит по-разному и не всегда имеет линейный прогресс. Анализируя процессы транзитивности и становление транзитных режимов в бывших постсоветских странах, Т.Карозерс акцентирует внимание на сущностных признаках, характерных для них, а именно для гибридных политических режимов:

а) интересы граждан учитываются лишь частично или игнорируются; б) уровень политического участия в период между выборами, как при "делегативной демократии", является низким; в) частое нарушение властью правовых норм; г) результаты выборов являются ложными и поэтому фактически нелегитимны; д) максимально низкий уровень доверия к государственным институтам, е) в целом функционирования государства является неудовлетворительным. "Политический процесс, - отмечает политолог, - характеризуется застоем, коррупцией и доминированием элит, которые дают мало пользы для страны и имеют слабую поддержку населения" [1, с.18].

На сегодня в Украине властью выстраивается новый политический режим, который определяется условиями современного общества. Режим характеризуется следующими факторами, которые определяют его содержание и форму.

Во-первых, олигархические финансово-промышленные группы (далее - ОФП - С.В.), по сравнению с 2004 годом, значительно укрепили механизмы влияния на власть, ибо политической власти отводится меньше времени для принятия самостоятельных политических решений, которые не были проконтролированы ОФП; во-вторых, политический режим с 2010 года имеет ярко выраженную региональную социальную основу; в-третьих, судьбоносность режима и страны в целом зависит от того, способна

ли региональная социальная основа стать основой общеукраинской; способна ли она преодолеть раскол на “Восток” и “Запад“; в-четвертых, режим сейчас стоит перед выбором: формирование однопартийной системы вроде нашего северного соседа (России), или создание реальной, действенной, многопартийной системы, форматирование оппозиции. Поэтому последнее слово может быть за ОФП, которые способны при определенных обстоятельствах повлиять на создание как системной парламентской оппозиции, так и внепарламентской.

Таким образом, исследования конфигурации политического транзита в Украине дает основания для констатации “гибридности” политического режима. Формально ему присущи отдельные признаки демократии. Так, на демократических принципах сформированы высшие органы государственной власти, происходит разграничение полномочий ее “ветвей”, производятся и законодательно закрепляются механизмы их взаимного контроля, сдержек и противовесов. В Украине достигнуто мирное урегулирование межэтнических противоречий и не допущен сепаратизм. Однако содержание транзита функционально продолжает сохранять и неототалитарно-патримониальные черты. Подтверждение этому - персонализация политики, доминирование патронажно-клиенталистских связей в политических процессах, влияние на политику кланово-олигархических групп, доминирование государства над обществом, всеохватность номенклатурной бюрократии, коррупция и т.д.

На эти обстоятельства четко обращают внимание эксперты-политологи. В частности, западный политолог Х.Зон утверждает, что в Украине четко проявляется неопатримониальный тип власти с господствующим “бюрократическим” режимом. Ученый отмечает, что “в Украине отсутствует консолидированный, современный государственный аппарат, поэтому она является скорее неопатримониальным государством, в котором каждый государственный служащий имеет свое феодальное владение. Государственный аппарат напоминает паутину отдельных институций, которые в значительной степени озабочены защитой своих привилегий, чем служением обществу“ [3]. Отметим, что “гибридность” политического режима в Украине, слабость и видимость демократии не означает, что украинское общество не является переходным к демократии; Украина не только задекларировала свой демократический выбор, но и приступила, хотя и трудно, к его воплощению в жизнь.

Литература:

1. Carothers T. The End of Transition Paradigme. // Journal of Democracy. 2002. Vol.13 (1), pp.5-21

2. O'Donnell G. Delegative Democracy. The Global Resurgence of Democracy. Second Edition. Edited by L.Diamond and M.F.Plattner. - Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1996, pp.95-108.
3. Zon, van, H. Political Culture and Neo-Patrimonialism Under Leonid Kuchma. // Problems of Post Communism. 2005, Vol.52, No.5 (September-October), pp.12-21
4. Бжезинський З. Великі перетворення. // Політична думка, 1994, №3, с.5-15.
5. Вонсович С.Г. Дискурс тоталітаризму (політологічний аспект). Монографія. - Кам'янець-Подільський, ПП. Мошак М.І.-К., 2008.
6. Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества. // Социологические исследования. 2001, №8, с.3-11.
7. Карозерс Т. Ошибка теории "поэтапной демократизации". // Pro et Contra. 2007, №1, с.85-102.
8. Колодій А. До питання про політичний режим в Україні. // Сучасність. 1999, №7-8, с.21-22.
9. Колодій А. Траєкторія демократичного переходу в Україні. // Трансформація в Польщі і в Україні: 1989−2009: Вибрані аспекти. - Кіїв: КНС, 2010, с.23-38.
10. Кузьо Т. Десять свідчень того, що Україна неорадянська держава, 2004. http://www.pravda.com.ua/news/2004/03/25/2998846/ (access 2.07.2013)
11. Кревельд, ванн, М. Трансформация войны. - Москва: Альпина Бизнес букс, 2005.
12. Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). // Полис. 2002, №1, с.6-15.
13. Михальченко Н.И. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? – Кіїв: Институт социологии НАНУ, 2001.
14. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебник для студ. вузов. / 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Аспект Пресс, 1996.
15. Радченко О. Демократичний транзит, як механізм реформування державного управління: світові моделі та проблеми застосування. // Науковий вісник: Демократичне врядування. 2009. Вип.3, с.65-72.
16. Романюк О.І. Від тоталітаризму до демократії та національної державності: системний аналіз посткомуністичних трансформацій. - Харків: ХДАК, 2011.
17. Саква Р. Режимная система и гражданское общество. // Полис. 1997, №3, с.61-83;
18. Ситнова И.В. Институциональные изменения в современной России: активистско–деятельностный подход. // Демократические транзиты = Democratic transits: теоретико-методологические и прикладные аспекты. - Москва: МОНФ, 1999, с.117-149.

19. Томенко М. Реальні та удавані конфлікти в українській владі. // Політична думка. 1997, №1, с.27-34
20. Фесенко В. Політичні партії України: у лабіринтах посткомунізму. // Перспективи паритетної демократії у політико-правовому полі України: Зб. наук. статей. - Харків, 1997, с.34-43.
21. Фісун О. Політичний режим України у порівняльній перспективі. // Стратегічні пріоритети. 2008, №1(6), с.5-12.

Представлена в редакцию
3 декабря 2013 года

Рецензент - ***Виктор САКА***, доктор хабилитат политических наук, профессор

COMPARTIMENTUL
<u>RELAȚII INTERNAȚIONALE</u>

ABORDĂRI TEORETICO-CONCEPTUALE ALE FENOMENULUI "ARHITECTURĂ GEOPOLITICĂ"

Svetlana CEBOTARI
Republica Moldova, Chisinau, Universitatea de Stat din Moldova**,** Facultatea Rela□ii Interna□ionale, □tiin□e Politice □i Administrative, Catedra Rela□ii Interna□ionale
doctor în politologie, conferen□iar

Though, the phenomenon of "geopolitical architecture", is present from ancient times, it obtains only in the XXI century, the international arena being characterized by phenomena as the transformations and reconfigurations of the Eastern area West too, the increasing role of USA, NATO end China.

In this article is analyzed the conditions that intensified the appearance and creation of a new geopolitical architecture, the correlation that existed between the notions of "architecture" and "geopolicy". Also, exists the intention to define the concept of "geopolitical architecture".

Keywords: *geopolitics, actor, summit, centres of powers, collective security, geopolitical architecture.*

Introducere

De□i fenomenul „arhitecturii geopolitice" este prezent din antichitate, acesta capătă conturare abea la începutul sec. al XXI-lea, arena interna□ională fiind tot mai mult caracterizată de fenomene cum ar fi transformările □i reconfigurarea cardinală atît a spa□iului estic, cît □i a celui vestic, rolul crescînd al SUA, al Rusiei, al NATO, al Chinei, Indiei, dar □i a statelor de□inătoare de petrol pe mapamond. Urmărind cu atenție transformările în curs de desfăşurare pe plan global, observăm că s-a modificat într-un ritm rapid conținutul geopoliticii centrate pe capacitatea statelor de a compartimenta spațiul geografic. Schimbările profunde în spațiul Central şi Est-European, cu începere din 1989, au condiționat apariția unei noi arhitecturi a mapamondului. Procesele integraționiste, care se desfăşoară practic pe toate continentele, au ajuns într-un stadiu al evoluției în care dezvoltarea şi siguranța statelor nu mai pot fi tratate unilateral. Din acest considerent se impune obiectiv necesitatea coordonării eforturilor tuturor statelor pentru atingerea intereselor supreme ale comunității internaționale: asigurarea păcii şi securității internaționale,

prevenirea şi combaterea terorismului, apărarea drepturilor şi libertăților omului, eradicarea sărăciei, lichidarea traficului de droguri şi ființe umane.

Astăzi, la începutul sec.XXI-lea, cînd ordinea mondială se conturează în jurul unor poli de putere, este de oservat faptul că, ambi□iile actorilor interna□ionali s-au modificat. După anii ’90 arena interna□ională este inclusă într-un nou joc geopolitic, în care nu există jucători buni sau răi, dar care se axează pe o nouă miză - securitatea □i bunăstarea statelor □i a popoarelor. Destrămarea ex-URSS-ului, extinderea UE, □i a NATO toate acestea pot servi drept motiv a examinării noilor rela□ii apărute pe mapamond. Începutul poate fi căutat în anii 1991, odată cu destrămarea URSS, □i respectiv crearea UE ca descendentă a comunită□ii europene. Ca răspuns la extinderea UE, Rusia crează Uniunea Economică Euro-Asiatică, Organiza□ia pentru Securitate □i Cooperare în Europa, CSI, □OS-ul, iar ca oponent al NATO - Organiza□ia Tratatului de Securitate Colectivă. În anul 2008, pre□edintele rus Medvedev, consideră că la crearea unei noi arhitecturi geopolitice este necesar de-a implica nu doa UE □i NATO, dar □i al□i actori ca de exemplu CSI, OTSC. Rolul crescînd al Rusiei se vede la 5 iunie Berlin, Medvedev înaintează propunerea de creare a unui sistem colectiv de securitate europeană, care ar evita confruntările războiului rece, egală pentru toate statele, evitînd liniile de demarcare, zonele cu nivel diferit de securitate.

De asemenea, noua arhitectură a securită□ii presupune transformarea geopolitică a unei păr□i a spa□iului postsovietic, ceia ce presupune dezicerea, refuzul de la structura veche □i aderarea la o structură nouă de baza. În practică aceasta presupune pierderea unei păr□i a spa□iului postsovietic, a centrismului rusesc □i fortificarea legăturilor interstatale prin intermediul magistralelor care leagă Europa de Asia. De asemenea, se poate de inclus □i concuren□a în cadrul CSI dintre diverse organiza□ii cum ar fi Uniunea Vamală, care reprezintă ideia centristă □i GUAM - ca ideie ce reflectă tendin□ele europene. Un alt exemplu, care denotă noua arhitectură geopolitică pe mapamond sunt transformările din cadrul NATO, caracterizate prin programele de extindere a parteneriatului □i crearea for□elor operative multina□ionale NATO [15].

În anul 2009, exper□ii au constatat că Federa□ia Rusă a revenit pe arena interna□ională, exact, ca □i Rusia de acum 200 de ani, cea din 1856. Rusia sec. XXI-lea reapare pe arena interna□ională, insistînd asupra reevaluării regulilor de joc, în scopul „formării unui sistem de rela□ii democratice □i corecte”, insistînd asupra creării unei noui arhitecturi geopolitice. În acest context, se observă o politică dublă dusă de Federa□ia Rusă - pe de o parte se încearcă crearea unui nou sistem a rela□iilor interna□ionale, iar pe de altă parte - readucerea, apropierea statelor noi independente (CSI) de Moscova.

Arhitectura geopolitică la începutul secolului XXI

În circuitul □tiin□ific, termenul de „arhitectură geopolitică” este introdus pentru prima dată la 28-29 octombrie, 2006, în cadrul seminarului interna□ional „Noua arhitectură a politicii mondiale”, desfă□urat la Piemonte, Italia, sub pre□iden□ia ex-liderului de la Kremlin - M.Gorbaciov, în cadrul căreia au fost supuse examinării subiecte ca: „Lumea în criză - provocări, conflicte, noi actori”, probleme vizînd noua arhitectură □i reformarea rela□iilor interna□ionale, asigurarea securită□ii statelor □i a cetă□enilor. În discursurile participan□ilor, în scopul de-a stopa rivalitatea absurdă a confruntării militare, s-au reflectat nu doar problemele ce trebuie de modificat, dar □i modul în care urmează să fie efectuată noua arhitectură a lumii, cu implicarea mai multor actori - state, organiza□ii interna□ionale, for□e politice, reprezentan□i ai societă□ii civile, organiza□ii social-religioase [20].

În discursul privind securitatea interna□ională, discurs considerat a fi de o importan□ă istorică (dar, conform opiniei unor critici occidentali, ca de exemplu cea a ministrului de externe a Cehiei, K.□var□enberg, este discursul cel mai dur, direct □i pragmatic după finisarea războiului rece), din 10 februarie, 2007, în cadrul conferin□ei de la Miunhen, V.Putin, pre□edintele Federa□iei Ruse, readuce Rusia pe arena interna□ională. În discursul său, pre□edintele rus se pronun□a înpotriva ordinii unipolare, considerînd benefică pentru rela□iile interna□ionale actuale prezen□a a mai multe centre de putere. De asemenea, pentru rela□iile interna□ionale, lumea unipolară este imposibilă □i inacceptabilă. În opinia sa, sistemul unipolar este lipsit de baza morală □i, indiferent, cît de mult n-ar fi înfrumuse□at acest termen, în practica rela□iilor interna□ionale aceasta semnifică existen□a unui singur centru de putere, a unui singur centru de luare a deciziilor. Lumea unipolară este lumea unui singur stăpîn, a unui singur suveran, care nu are nimic comun cu democra□ia, deoarece însă□i democra□ia presupune existen□a majorită□ii care □ine cont de interesele □i opinia minorită□ilor. Pronun□îndu-se înpotriva extinderii NATO spre Est, pre□edintele V.Putin se pronun□a în discursul său pentru rela□ii de cooperare cu Occidentul, inclusiv SUA [15]. Astfel, în opinia unor exper□i occidentali, anul 2007 poate fi considerat anul în care s-a pus baza creării unei noi arhitecturi globale [18].

Actualmente, rela□iile interna□ionale sunt caracterizate prin trecera de la o lume unipolară, la o lume multipolara, iar, conform opiniei lui F.Gerbasi, factorii care au cauzat aceste schimbări sunt:

1. SUA, ca supraputere pierde din influen□ă în spa□iul european, dar □i pe arena mondială, fiind confruntă pe scena politică de al□i actori-noi centre de putere;

2. Restabilirea puterii pe arena interna□ională a Federa□iei Ruse, odată cu venirea lui Putin;

3. Pre□urile înalte la carburan□i au dus la majorarea importan□ei statelor de□inătoare de petrol: Caucaz - Armenia, Azerbaigian, Georgia; Asia Centrală – Kazahstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kîrgizstan, Tadjikistan; a statelor din Orientul Apropiat □i Mijlociu - Izrael, Turcia, Iran, Pakistan, Afganistan;

4. Pe arena interna□ională apar noi actori geopolitici ca – BRICS (Brazilia, Rusia, India, China □i Africa de Sud), actori care de□in influien□ă pe arena interna□ională, ALC-ul (America Latină □i Caraibele)- regiune bogată în resurse naturale, dar care mai este caracterizată prin probleme ca sarăcia, inegalitatea, fragmentarea politică;

5. Stabilirea unei guvernări pe arena interna□ională axată pe cooperare □i colaborare în cele mai diverse sfere-lupta contra terorismului, combaterea crimei transna□ionale organizate, trafic de persoane, comer□ul cu droguri, ameliorarea sistemului interna□ional financiar, lupta înpotriva poluării mediului înconjurător [6].

Ini□iativa Rusiei nu a fost respinsă □i tot mai multe state examinează necesitatea renovării noii arhitecturi geopolitice. Astfel, Rusiei ia revenit rolul de-a neutraliza primul val de neîncredere a partenerilor săi □i de a-i implica în dialog. În acest context, Rusiei î-i revine rolul, necătînd la criza rela□iilor interna□ionale de la începutul sec. XXI-lea, de a înainta propuneri constructive în domeniul securită□ii [16]. În contextul noului joc, Rusia este de părerea că Tratatul de Securitate Colectivă Europeană (TSCE) trebuie să se axeze pe cinci principii conform cărora: primile două se axează pe faptul că nici un stat nu dispune de dreptul exclusiv de-a sus□ine pacea în Europa, de-a stabili parametrii de bază □i de control asupra înarmării □i asupra necesită□ii rezonabile a construc□iei militare. De o importan□ă semnificativă sunt următoarele trei principii, care au intrat în lexicul politic ca principiul celor trei de ,,nu” – să nu asiguri propria securitate pe seama altor state; neadmiterea ac□iunilor care ar slabi □i destabiliza spa□iul comun de securitate, □i, principalul - neadmiterea de-a aduce prejudicii alian□elor militare care se extind □i se dezvoltă cît □i statelor-membri a tratatului. Rusia consideră arhitectura securită□ii colective din Europa ca fiind una fragmentară, iar „fragmentele, prin care se subîn□eleg organiza□iile existente în domeniul securită□ii, au demonstrat incapacitatea de-a exercita func□ia de bază- asigurarea securitătii” [12].

Odată cu revenirea Federa□iei Ruse □i a impunerii influien□ei sale pe arena interna□ională alături de al□i actori, cît □i implicarea acesteia în probleme ce vizează securitatea, impunînd interdic□ia totală asupra extinderii uniunilor □i blocurilor militare, se conturează o nouă linie de demarca□ie în Europa, necunoscută după finisarea războiului rece. Această linie presupune

hotarul NATO □i cel al statelor CSI □i al OTSC. Celelalte state care nu apar□in la nici o uniune, sau bloc se vor conduce de principiul „cine nu a ajuns, a întîrziat”. Drept exemplu, poate servi Ucraina, care se află în centrul acestui joc geopolitic, ba chiar □i poate fi considerată drept cauză a acestuia (pozi□ia în noua arhitectură geopolitică europeană, eviden□iată în special în rezultatul Summitului de la Vilnus din 28-29 noiembrie, 2013).

Un pas important în reevaluarea noii arhitecturi geopolitice a avut loc în cadrul Summitului franco-german-rus din 18-19 octombrie 2010, de la Deauville, Normandia (Fran□a) cu participarea lui N.Sarkosy, A.Merkel □i D.Medvedev. Acest eveniment este considerat a fi important, prin faptul, după cum consideră unii istorici, că liderii europeni au recunoscut existen□a unei noi Europe multipolare, o Europă flancată de NATO, care se extinde spre est, o Europă tripolară - în care Rusia, Turcia □i UE î-□i dezvoltă propria politică externă □i concuren□ială. Prin însă□i summitul de la Deauville se marchează sfîr□itul izolării Uniunii Europene □i reliefarea unei Europe multipolare [7]. În acest context, N.Ferguson, afirmă că UE î-□i transferă puterea de la vest, în spa□iul estic [11].

De asemenea, în procesul definirii noii arhitecturi geopolitice, merită aten□ie □i lucrările Conferin□ei „Geopolitica lumii multipolare” din 2010. În contextul noii arhitecturi geopolitice, D.Vidal stabile□te rolul Fondului Monetar Interna□ional (FMI), a Băncii Mondiale (BM), pronun□îndu-se pentru reformarea acestor institu□ii [21]. În acest context, nu mai pu□in interes pentru studierea noii arhitecturi geopolitice prezintă cercetările efectuate V.Puledda. Rezultatele publicate pe site-ul ziarului „La Republica”, denotă rolul amplasării pe arena interna□ională a actorilor geopolitici. Astfel, conform V.Puledda, China, în următorii douăzeci de ani va deveni liderul economic mondial, SUA pozi□ionîndu-se pe cel de-al doilea loc, Rusiei revenindu-i cea dea cincea pozi□ie din clasamentul marilor puteri, cedînd în fa□a Indiei. Analizînd procesele integra□ioniste cît □i tendin□ele expansioniste ale unor actori geopolitici pe arena interna□ională, M.Lebedeva consideră că viitoarea arhitectură a lumii va fi policentrică [17].

În scopul studierii noii arhitecturi geopolitice prezintă interes lucrările Summitului NATO din 19-20 noiembrie, 2010, de la Lisabona. Principalele subiecte abordate de catre aliati au fost: adoptarea Noului Concept de Securitate, apararea antiracheta, viitorul misiunii din Afganistan şi cooperarea cu Rusia. Alianța a adoptat un Nou Concept Strategic, pentru viitorii zece ani, care a pus bazele unui NATO revitalizat, pregătit să facă față încercărilor secolului XXI. Reforma din structura de comandă a NATO, va duce la o organizare mai agilă şi eficientă. Scopul Alian□ei este apărarea colectivă, gestiunea crizelor □i securitatea cooperativă este esențială pentru a se face față noilor amenințări. Acestea includ: o capacitate de apărare antirachetă pentru protejarea teritoriilor, populației şi for-

țele statelor membre ale NATO, cooperarea în securitatea informatică, pentru detectarea, prevenirea şi recuperarea după atacuri cibernetice, precum şi cooperare civil-militară pentru o abordare a crizelor, conflictelor, stabilizării şi reconstrucției [9, p.19-22].

Noul concept strategic al NATO reflectă aspiraţia statelor memre a Alianţei de-a stabili relaţii constructive cu Rusia de-a coopera în domeniul în care interesele coincid de interes comun [20]. Spre deosebire de Summitul de la Washington din 1999 în materie de securitate, cel din 2010, scoate în evidenţă importanţa cooperării cu statele din exterior, şi nu mai consideră Federaţia Rusă drept inamic. La sfîrşitul lunii decembrie 2011 portalul de ştiri *arhi.ru* supune examinării arhitectura proiectelor Uniunii Europene şi a Rusiei, în contextul admiterii Rusiei în cadrul OMC [7].

Summit-ul NATO de la Chicago din 20-21 mai, 2012 este evenimentul care accentuiază formarea noii arhitecturi geopolitice. Deşi, iniţial summit-ul avea menirea să evalueze progresele înregistrate după summit-ul de la Lisabona din 2010, agenda oficială a summit-ului a cuprins 6 subiecte de importanţă majoră. Subiectul central al summit-ului a fost analiza situaţiei din Afganistan. Acest subiect a marcat atât termenii de retragere a trupelor statelor aliate, cât şi strategia post-2014, care actualmente este decisivă pentru succesul operaţiunii în Afganistan. Operaţiunea NATO în Afganistan post-2014, conform Secretarului General NATO, F.Rasmussen, va fi una non-militară: „Consider că NATO trebuie să instruiască, consulte şi să ofere asistenţă Forţelor de Securitate Afgane. Aceasta va fi o misiune care va oferi un nou rol Alianţei".

În cadrul summit-ului a fost adoptată o declarație privind situația din Afganistan, în care statele aliate s-au angajat să susțină financiar Afganistanul post-2014. Al doilea subiect marcant de pe agendă, este angajamentul asumat în cadrul summit-ului de la Lisabona - elaborarea Defense and Detterence Posture Review - DDPR. DDPR reprezintă un document ce relevă o dilema conceptuală mai veche apărută în interiorul Alianţei. Cele 3 state nucleare NATO împreună cu noii membri estici ai Alianţei continuă să acorde o importanţă substanţială existenţei armelor nucleare menite să garanteze atât securitatea lor naţională, cât şi cea a Alianţei în ansamblu. Pe de altă parte, state precum Germania, Norvegia, sau Olanda mizează pe o Alianţă fără arme nucleare. DDPR a fost prezentat la summit-ul de la Chicago, relevând o poziţie conciliatorie între cele 2 tabere şi un angajament continuu de a folosi capabilitățile nucleare în scopuri defensive şi în situații de ultimă instanță. Decizia în acest sens a fost una modestă deoarece: „Această problemă nu va fi tratată unilateral... Liderii NATO vor include acest subiect în cadrul negocierilor bilaterale viitoare NATO-Rusia privind amplasarea armelor nucleare" consideră S.Pifer, director Brookings Arms Control Initiative. Cel de-

al treilea subiect de pe agenda summit-ului a fost Scutul Anti-rachetă. Pe cât de actual este acest subiect pe agenda Alian□ei, pe atât este de controversat.

La summit-ul de la Lisabona s-a ajuns la un acord de edificare a unui scut anti-rachetă a Alian□ei. Propunerea pre□edintelui SUA, B.Obama de a amplasa interceptoare pe navele Aegis amplasate în zona Mediteraneană a oferit Europei acest scut aproape gratis. Însă, este necesară o contribu□ie mai substanțială din partea statelor europene, precum procurarea unor interceptoare adi□ionale □i necesitatea asigurării sus□inerii în cazul mobilizării navelor Aegis în alte regiuni ale lumii.

La summit-ul de la Chicago, liderii NATO au declarat operaționale capabilitățile interimare de apărare anti-rachetă şi şi-au asumat angajamentul de a asigura capacitate opera□ională deplină a scutului anti-rachetă NATO până în 2018. Acest lucru poate irita Federa□ia Rusă în cazul în care aceasta nu va fi consultată în edificarea acestui scut în Europa. În acest sens, Declarația summit-ului a reiterat poziția Alianței privind scopul pur defensiv al scutului anti-rachetă. Pentru Republica Moldova, amplasarea unor elemente a scutului anti-rachetă în România, poate crea tensiuni adi□ionale în contextul reglementării conflictului trans-nistrean.

Al patrulea subiect de pe agenda summit-ului rămâne constant rela□ia NATO - Rusia. Chiar dacă Consiliul NATO - Rusia nu a avut loc, subiecte de discu□ie în acest sens nu lipsesc. Divergen□ele recente privind opera□iunea NATO în Libia, situa□ia din Siria □i Iran precum □i problema scutului anti-rachetă □i poten□iala extindere NATO în Est, continuă să antagonizeze pozi□iile celor 2 păr□i.

Pentru a diminua divergen□ele dintre NATO - Rusia, profesorul S.F.Cohen (Universitatea din New York) propune demilitarizarea extinderilor NATO prin evitarea amplasării instala□iilor militare NATO pe teritoriul noilor membri. Acest lucru „ar reduce anxietă□ile □i resentimentele Moscovei precum □i rezisten□a de a coopera cu Alian□a în privin□a scutului anti-rachetă □i reducerea armelor nucleare”. Această propunere converge atât cu pozi□iile unor state membre NATO cât □i cu angajamentele asumate la summit-ul de la Lisabona. Pentru Republica Moldova, diminuarea disensiunilor între NATO □i Rusia ar avea un efect benefic asupra stabilită□ii geopolitice regionale. Pe de altă parte, relația NATO -Rusia are un potențial pozitiv de dezvoltare pe un şir de subiecte de interes comun: situația din Afganistan, combaterea pirateriei, combaterea traficului de droguri, proliferarea armelor de distrugere în masă etc.

Declarația summit-ului a punctat importanța cooperării NATO - Rusia. Cel de-al cincilea subiect □ine de Parteneriatele NATO în lume. Opera□iunile □i misiunile NATO se bazează din ce în ce mai mult pe participarea □i suportul din partea partenerilor Alian□ei. Elocvent în acest sens este misiunea NATO în Afganistan □i Libia. În cadrul summit-ului de la Chicago au fost discutate

lec□iile învă□ate din misiunea NATO în Libia precum □i modalită□ile de extindere a parteneriatelor NATO în plan global. “Mai mult de 20 de state non-NATO contribuie cu trupe □i resurse în Afganistan. Oriunde NATO este implicat, partenerii NATO au un rol important în combaterea pirateriei, extremismului violent, men□inerea păcii în Kosovo. Aplicarea NATO a rezolu□iei Consiliului de Securitate ONU privind protec□ia civililor în Libia, a fost posibilă, în mare parte, datorită partenerilor NATO din Europa □i Orientul Apropiat” a punctat Hillary Clinton, Secretarul de Stat al SUA.

Summit-ul a reiterat angajamentul de extindere a cooperării NATO cu partenerii săi în diferite regiuni ale lumii, accentuând transformarea NATO dintr-o alian□ă de securitate regională în una globală. Ultimul subiect major de pe agenda summit-ului □ine de noul concept de «smart defense». Conceptul a fost lansat în iunie 2011 în cadrul discursului Ministrului Apărării al SUA, R.Gates. Conceptul mizează pe 3 aspecte: prioritizare, specializare □i cooperare multina□ională. În contextul crizei interna□ionale financiare □i a măsurilor de austeritate luate de guvernele statelor membre NATO, bugetele de apărare a acestora nu mai pot corespunde limitei de 2% din PIB. Doar 5 state aliate în prezent ating această limită – SUA, Marea Britanie, Franța, Turcia şi Albania.

Acest lucru ar putea afecta capabilită□ile Alian□ei în general. În acest context, «NATO nu mai poate trata toate misiunile sale egale în importan□ă, urgen□ă sau probabilitate. O balan□ă între prioritizare, specializare □i colaborare este importantă» consideră J.Shea, asistentul adjunct pentru provocări de securitate emergente al Secretarului General NATO. «Smart Defence poartă □i un caracter de încredere, încrederea că statele membre vor pune la dispozi□ie capacită□ile sale în orice situa□ie de criză» consideră K.-H.Kamp, directorul departamentului de cercetare a Colegiului de Apărare NATO.

Exemple pozitive de Smart Defence au deja fost inițiate anterior, Baltic Air Police Patrol şi Alliance Ground Surveillance Programme. Aceste proiecte au menirea de a specializa statele aliate în dezvoltarea anumitor capabilități de securitate pentru care acestea au un avantaj comparativ. Deşi conceptual astfel de proiecte sporesc eficiența activităților NATO, în mod practic specializarea comportă şi anumite riscuri. Riscul major ține de accesibilitatea Alianței în ansamblu întru folosirea anumitor capabilități dezvoltate de anumite state ce se abțin de a participa în anumite operațiuni NATO. Cazul Libiei este elocvent în acest sens [10, p.3-4**].**

Astfel, analizînd noua situa□ie creată pe arena interna□ională, D.Kuleba consideră ca noua arhitectură rezidă în amplasarea actorilor geopolitici pe arena interna□ională, dînd start unui nou joc de pozi□ii [16].

Abordarea teoretico-conceptuală a fenomenului „noua arhitectură geopolitică”

Limbajul politic, □i, inclusiv cel al rela□iilor interna□ionale, reprezintă un complex de termini speciali, folosi□i în contextul noilor fenomene politice de pe mapamond.Voca□ia de deschidere pentru împrumut, *caracteristică terminologiei politice*, face ca în limbajul politic să pătrundă termeni din alte domenii cum ar fi cel economic, lingvistic, matematic, juridic, biologie, geografie, fizică, militărie, medicină etc. [2]. În acest context, dacă e să analizăm termenul de *„arhitectură geopolitică*” este de men□ionat faptul că e recent apărut în circuitul □tiin□ific. Astfel, dacă e să analizăm termenul de „arhitectură” e de men□ionat faptul că acesta î-□i are etimonul în latinescul „architectura” [8, p.458] □i desemnează 1) □tiin□a □i arta de a proiecta □i a construi, 2) caracterul distinctiv al unei construc□ii, 3) aspectul compozi□ional, structura armonioasă a unei lucrări [4], sau, conform *Le Robert. Dictionaire d'aujourd'hui* desemnează 1) stilul, caracterul distinctiv al unei construc□ii, al unei epoci, 2) presupune alcătuirea internă a ceva [11, p.51]. Conform *Diccionario de la lengua española***,** arhitectura este: 1) □tiin□a □i arta de organizare, de construire a spa□iilor necesare vie□ii □i activită□ii umane, 2) folosit în domeniul militar, reprezintă arta de-a fortifica [3, p.121]. Elementele de bază ale arhitecturii sunt volumul, suprafa□a □i planul – organizate după un anumit ritm... **a.** este împăr□ită în: **a.** civilă, **a.** religioasă, **a.** militară, **a.** industrială etc. curent apărut după al doilea război mondial, ca reac□ie la cubismul interbelic, care urmăre□te integrarea **a.** în peisaj prin apropierea aspectului ei exterior de forma sculpturală [4].

Arhitectura geopolitică, a fost şi este subiectul a numeroase interpretări sub aspectul definirii obiectului de studiu. Astăzi, termenul *„arhitectură geopolitică*” desemnează rela□ia dintre politică □i geografie, demografie □i economie, făcînd referire în special la inciden□ele acestor domenii asupra rela□iilor interna□ionale ale unui stat. Astfel, arhitectura geopolitica devine un domeniu de studiu al combina□iilor dintre factorul geographic □i cel politic în determinrea pozi□onării unei □ări fa□ă de vecinii săi, fa□ă de regiune sau fa□ă de ceilal□i actori interna□ionali. Dacă prima parte a termenului „geo” face trimitere la o coordonată concretă (spa□iu, locul, pozi□ia, coordonatele zonale, regionale, climatic, de evolu□ie, istorice..), cel de-al doilea constituient „politica”, introduce echivocul, întrucît domeniul politicii este unul nedefinit în mod unitar. De comun acord, comunitatea academică utilizează această parte a termenului, în sensul rela□iilor de putere (cauze □i efecte, influien□e □i reac□ii, jocuri de putere, sfere de influien□ă, hegemonie etc...) ale unui actor interna□ional în raport cu ceilal□i actori [14, p.214-215].

Astfel, termenului de arhitectură geopolitică, în literatura de specialitate i se fac primele încercări de a fi exprimat □i de a i se da o defini□ie. Această indică

faptul că arhitectura geopolitica a fost □i rămîne a fi un domeniu activ. Atractivitatea sa se datorează, în principal, legăturii pe care o are cu politica □i, prin acesta, cu puterea. Astfel, arhitectura geopolitica, poate fi definită, în termeni foarte abstrac□i. În acest sens, spa□iul, suprafa□a, terenul, pozi□ia, compozi□ia solului, resursele naturale con□inute etc.., respectiv tot ceia ce este corelat cu arealul geografic de□inut, sunt principalii constituien□i ai arhitecturii geopolitice. Din acest punct de vedere, tot ce este corelat unui spa□iu, de la geografie, la demografie □i economie, constituie posibile variabile ale arhitecturii geopoliticie [14].

Spațiul este o noțiune polisemantică şi polivalentă. Din punct de vedere filosofic, spațiul poate fi interpretat ca o formă obiectivă şi universală a existenței materiei, având aspectul unui întreg cu trei dimensiuni, exprimând ordinea coexistenței obiectelor lumii reale. În sens curent, noțiunea de spațiu exprimă ordonarea corpurilor materiale în raporturile lor reciproce, folosind ca suport real şi concret omului şi activităților sale. Geopolitica, disciplină ce analizează raporturile complexe, biunivoce, între activitatea umană politică şi spațiu, vizează ca principal demers ştiințific organizarea politică a spațiului. În acest sens, se poate vorbi despre un *spațiu geopolitic*, în care subspațiile reprezintă unități integrate din punct de vedere sistemic, între care există multiple relații de interacțiune. Spațiul geopolitic reprezintă expresia superioară de integrare sistemică a spațiului geografic şi a celui social-economic, într-o configurare ordonată politic. Introducerea acestei noțiuni se impune, pe de-o parte, din necesitatea abordării cantitative a realităților teritoriale cu care operează geopolitica, iar pe de altă parte, din inadecvarea unor noțiuni, ca regiune, zonă sau areal, de a răspunde tuturor cerințelor de ordin practic. În ceea ce priveşte raportul dintre spațiul geopolitic şi noțiunile de regiune, zonă şi areal, deseori folosite în analiza geopolitică, el trebuie foarte bine definit, plecând de la raționamentul conform căruia orice regiune geopolitică (zonă sau areal) poate fi considerată un spațiu geopolitic, relația inversă nefiind însă valabilă. Atât regiunea, cât şi zona şi arealul sunt definite de anumite principii, între care omogenitatea ocupă locul central.

Noțiunea de spațiu geopolitic poate fi atribuită oricărui teritoriu, cu condiția analizei complexe şi integrale a tuturor relațiilor dintre componentele geografice, social-economice şi politice. Proprietățile specifice spațiului geopolitic decurg din variabilitatea cantitativă şi calitativă a relațiilor locale, regionale sau globale dintre componentele mediului natural, social, economic şi activitatea politică. Rezultatele cercetărilor formale multidimensionale asupra spațiului geopolitic trebuie confruntate permanent cu realitatea obiectivă, pentru că, pe de o parte, în calculele teoretice se omit numeroase variabile, iar pe de altă parte, un spațiu geopolitic dat nu este identic decât cu el însuşi. Există posibilitatea, în anumite împrejurări, a suprapunerii unui anumit spațiu geopolitic unui spațiu geografic sau social-economic, însă în permanență trebuie ținut seama de faptul

că spațiul geopolitic implică o geometrie variabilă, ce cunoaşte modificări conjuncturale continue. Orice spațiu geopolitic se caracterizează atât prin particularități cantitative, cât şi prin aspecte calitative, rezultate ale interacțiunii diferențiate dintre componentele mediului geopolitic. Se disting, aşadar, proprietăți cantitative şi proprietăți calitative.

Proprietățile cantitative se referă exclusiv la caracteristicile măsurabile ale spațiului, exprimându-se prin suprafețe, distanțe, volum etc. Datorită dinamicii permanente a relațiilor dintre componentele spațiului geopolitic, aceste dimensiuni au caracter relativ. Unele dintre particularități sunt fixate aprioric prin limite administrative sau delimitări obiective, generate de necesitatea studierii unui anumit fenomen geopolitic. *Proprietățile calitative* vizează multidimensionalitatea, continuitatea, coerența, organizarea, toate exprimând aspecte topologice şi morfologice ce asigură funcționalitatea spațiului geopolitic. Pe baza acestor considerații generale se poate admite că noțiunea de spațiu geopolitic este atribuită unor entități teritoriale de mărime variabilă, de la cele mai mici unități geopolitice (spații geopolitice substatale) până la spațiul geopolitic planetar. Spațiul geopolitic, ca o realitate teritorial-politică structurată sistemic, se caracterizează printr-o serie de trăsături distincte.

Complexitatea reprezintă principala caracteristică a spațiului geopolitic. Spațiul geopolitic este o realitate sistemică în care coexistă şi interacționează numeroase subsisteme, compuse la rândul lor din elemente cu comportament specific. În acest sens, putem identifica la nivel de macroscară un sistem global, ce integrează subsistemele regionale, alcătuite la rândul lor din sisteme naționale. Întreaga sa organizare internă, structurală şi funcțională, indică o puternică asemănare cu un sistem termodinamic şi informațional deschis în care variabilitatea fluxurilor de intrare produce modificări şi impune reconfigurări ale sistemului. Caracterul deschis explică posibilitățile sale interne de autoreglare. Dispariția unuia dintre blocurile organizării bipolare a sistemului global a demonstrat posibilitatea de autoreglare printr-o reconfigurare structurală şi funcțională. Organizarea sistemică a spațiului geopolitic face ca acesta să reacționeze la orice schimbare, pe baza unor procese de difuziune în lanț (*principiul dominoului*). Astfel, impulsul inițial generat de reformistul Gorbaciov în Uniunea Sovietică a antrenat, în procesul de decomunizare,întregul sistem spațial regional.

Polaritatea reprezintă o altă caracteristică a spațiului geopolitic. Funcțional, spațiul geopolitic prezintă numeroase centre de putere, de ranguri diferite, care dinamizează întregul sistem. Dezvoltarea acestor centre de putere depinde de natura relațiilor dintre ele şi de proprietățile ariilor adiacente. Spațiul geopolitic poate fi conceput ca un tot unitar, rezultat al unei incidențe de factori naturali, istorici, economici, demografici, sociali şi politici. Această caracteristică se aplică cu precădere centrelor de putere, care, prin geneză şi natura relațiilor generate în spațiul de influență şi în mediul internațional, se individualizează.

Spaţiul geopolitic are un caracter *dinamic* generat atât de mutaţii interne, cât şi de intervenţia unor factori externi de natură politică, economică, socială, culturală etc. Acţiunile externe impun o dinamică permanentă în plan vertical a spaţiului geopolitic, determinând permanente modificări ale ierarhiei, reorientări ale fluxurilor de materie, energie şi informaţie, conturarea a noi subsisteme spaţiale generate de restructurarea reţelei anterioare. Toate aceste schimbări se reflectă şi în plan orizontal, unde sistemele şi subsistemele geopolitice se pot restrânge sau procese de restrângere şi de extindere a sistemelor spaţiale reprezintă elemente de continuitate şi discontinuitate funcţională, dar care, prin caracterul lor compensatoriu şi prin situarea de fiecare dată la un nivel superior celui precedent, asigură specificul funcţional al sistemului respectiv. Un bun exemplu al manifestării tuturor acestor caracteristici îl oferă analiza lărgirii NATO şi extinderea UE care produc o nouă reconfigurare a regiunii balcanice, dar □i a spa□iului estic.

Spaţiul deţine o poziţie prioritară în cercetările ce vizează arhitectura geopolitică, el reprezentând unul din factorii de condiţionare a deciziei politice, element prioritar în ecuaţia puterii, dar şi sursă a vulnerabilităţii, suport al întregii activităţi umane şi cadru general în care se desfăşoară acţiunea politică. Spaţiul geopolitic, ca sistem teritorial condiţionat politic, reprezintă o entitate cu caracteristici foarte variabile, care pot fi identificate la nivel atât micro-teritorial, cât şi mezo-teritorial sau macro-teritorial. În principiu, problemele de structură, de dinamică, de organizare şi dezvoltare sunt aceleaşi, cu deosebirea că în funcţie de scară şi complexitate sunt introduse caracteristici dimensionale şi temporale specifice. Dacă prima caracteristică este spaţială şi se regăseşte în nivelul în care se plasează, cea de-a doua ţine cont de coordonata timp, esenţială în judecarea nivelurilor de organizare şi dezvoltare.

Pentru a asigura coerenţă demersurilor ştiinţifice, în mulţimea de informaţii asupra spaţiului, de-a lungul timpului s-au individualizat preocupări pe linia unei adevărate sistematici spaţiale, încercându-se adoptarea unei scări de analiză, care să ţină cont de particularităţile fiecărui sistem teritorial, dar în acelaşi timp să şi generalizeze trăsăturile acestora, în vederea facilitării sintezelor. Răspândirea inegală a elementelor şi fenomenelor geopolitice, diferenţierile cantitative şi calitative care se înregistrează în teritoriu, nivelul şi modul de abordare şi soluţionare diferită conduc la necesitatea delimitării în cadrul sistemului planetar a regiunilor geopolitice, care să servească în practica analizei geopolitice. Regionarea geopolitică se conturează ca un proces obiectiv care urmăreşte delimitarea unor *spaţii geopolitice* cu condiţii particulare de desfăşurare a *fenomenului geopolitic,* ţinând cont de calitatea (caracteristicile) *elementelor geopolitice* şi de *profilul geopolitic* al diferitelor spaţii.

Regionarea geopolitică se bazează pe cunoaşterea complexă a caracteristicilor teritoriului analizat şi pe utilizarea unor criterii. În acest sens, pentru o mai

bună sistematizare a spațiului geopolitic, propunem modelul *domeniilor geopolitice* de regionare teritorială. Vom aplica o scară temporal-spațială, structurată pe trei niveluri ierarhizate funcțional, în interiorul fiecăreia distingându-se o serie de categorii spațiale. Primul nivel sistemic, într-o ierarhie descrescătoare, este *domeniul geopolitic global.* Acest nivel maxim de integrare ordonează totalitatea entităților s pațial-funcționale, fiind caracterizat printr-un grad mare de eterogenitate şi printr-o dominanță a relațiilor de complementaritate a subsistemelor inferioare.

Un al doilea nivel este constituit de *domeniul geopolitic regional,* unde scara de mărime descrie spații suprastatale, cu o geometrie variabilă ordonată de diverse funcționalități politice, economice, sociale, militare etc. Domeniul geopolitic regional se identifică prin omogenitate, coerență individuală şi complexitate, sub raportul caracteristicilor sale naturale şi social-economice şi politice. Regiunea geopolitică este, aşadar, o entitate spațială, integrată şi perfect delimitată teritorial față de unitățile înconjurătoare. Regiunile geopolitice au un evident caracter de obiectivitate, fiind ansambluri teritorial-funcționale care există independent de optica de identificare. Al treilea nivel sistemic de integrare a spațiului geopolitic este reprezentat de *domeniul geopolitic statal,* care descrie şi analizează fenomenul geopolitic la nivelul principalului jucător politic – statul. Acest nivel implică şi spațiile politice substatale sau arealele geopolitice. *Arealul geopolitic* descrie o suprafață variabilă ca întindere, caracterizată printr-o maximă omogenitate a fenomenului analizat [5, p.88-92].

Astfel, revenind la analiza conceptului de „arhitectură geopolitică”, putem considera că este unul dintre cele mai recente concepte. Apari□ia sa este, poate, unul dintre pu□inile evenimente revolu□ionare din sfera rela□iilor interna□ionale. Conceptul de *„arhitectură geopolitică*” a devenit, astfel, inevitabil: este una din categoriile organizatoare a rela□iilor interna□ionale contemporane.

Ca rezultat, conceptul de „arhitectură geopolitică” poate fi definit □i în□eleas ca practica localizării puterii (economică, politică, demografică...) □i domina□iei, a colaborării, consensului, solu□iilor □i conflictelor care sunt amplasate într-o por□iune determinată de teritoriu, care, la rîndul său poate fi o arenă, intersec□ie în care se întîlnesc strategiile, interesele retorica a diferitor actori (state, organiza□iile interna□ionale, organiza□iile regionale...). În această interpretare, apreciem ,,arhitectura geopolitica” drept relațiile internaționale trecute, prezente şi viitoare, din perspectiva influenței actorilor geopolitici într-un anumit spa□iu.

Concluzii

Chiar dacă în construc□iile teoretice nu a fost formulat în mod explicit termenul de *„arhitectură geopolitică*”, în mare parte se vorbe□te despre această

realitate. Tocmai din acest motiv □i pentru că acest fenomen a cunoscut o evolu□ie în timp, a fost necesară o prezentare a lui dincolo de defini□ie. Faptul ca arhitectura geopolitică a lumii se schimbă de la o epocă la alta, este de natură să atribuie acestui fenomen o defini□ie clară. Reconfigurările geopolitice la care asistăm în prezent sunt provocări pentru a □ine pasul cu o □tiin□ă dinamică. A□a cum s-a întîmplat de-a lungul timpului, actorii geopolitici se vor schimba, vor apărea noi uniuni cauzate de procesele integra□ioniste / dezintegra□ioniste pe arena interna□ională.

Utilitatea introducerii conceptului de „*arhitectură geopolitică*”, dar □i impactul pe care l-a avut □i-l are asupra rela□iilor interna□ionale, va face posibilă evaluarea corectă a situa□iei de pe mapamond, a tendin□elor actoriilor geopolitici, a rolui pe care ace□tea î-l pot de□ine într-un anumit spa□iu, dar □i va duce la apari□ia în viitor a unor abordări mai complexe, vizînd acest fenomen.

Bibliografie:

1. Bouclier antimissile en Europe: Moscou prône l'équité. http://fr.ria.ru/world/20101121/187921117.html
2. Cebotari S. Interna□ionalizarea limbajului politic. // Analele □tiin□ifice ale Universită□ii de Stat din Moldova. Seria ,,□tiin□e socioumanistice’’, VII. – Chi□inău, CE USM, 2003.
3. Diccionario de la lengua espanola. Real Academia Espanola. - Madrid, 1956.
4. Dic□ionar explicativ al limbii romane, http://dexonline.ro/definitie/arhitectura
5. Frăsineanu D. Geopolitica. Ediția a II-a, revăzută şi adăugită. - Bucureşti, Editura Fundației România de Mâine, 2007.
6. Gerbasi F. El nuevo multilateralismo regional, Venezuela y los conflictos geopolíticos en América Latina, Instituto Latinoamericano de Investigacio-nes Sosiales. - Caracas, mayo, 2012, p.2-4. www.ildis.org.ve
7. Géopolitique: Les règles du jeu ont changé, http://www.presseurop.eu/fr/content/article/369311-les-regles-du-jeu-ont-change
8. Lungu M, Lungu M. Dic□ionar roman-latin, latin-roman. - Constan□a, edi□ia Steaua Nordului, 2003.
9. Summit-ul NATO de la Lisabona, noul concept strategic □i noile evolu□ii în politica de securitate NATO. // Jurnal academic, decembrie, 2010, Edi□ia 13.
10. Summit-ul NATO de la Chicago: repere pentru Republica Moldova. Jurnal academic, N15. Centrul de Informare □i Documentare privind NATO în Republica Moldova. - Chi□inău, 2011.

11. Le Robert. Dictionaire d’aujourd’hui. – Monreal, Canada, 1992.
12. Martens S. La chute du Mur de Berlin et la nouvelle géopolitique européenne. http://www.google.md/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=0CDEQFjAB&url=http%3A%2F%2Fwww.ac-guadeloupe.fr%2Fsites%2Fdefault%2Ffiles%2Fdocuments%2Fconf_rence_recteur_devant_l_ves_cpge_et_scienc_11806.pdf&ei=b_CcUu-uKs2jhge1_YGADA&usg=AFQjCNEpppeS60tVgblWgym1Q5Kk2Mo0Lw&bvm=bv.57155469,d.ZG4
13. Quelles réformes pour l’architecture internationale? http://www.cartografareilpresente.org/article526.html
14. Ţăranu M. Geopolitica. Concepte şi teorii social-politice. - Iaşi, Instiutul European, 2011.
15. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. http://www.newsru.com/world/12feb2007/putin.html)
16. Кулеба Д. Новая старая архитектура европейской безопасности. http://geopolitics.ru/common/publics/123.htm
17. Лебедева М. Политическая архитектура мира через 100. . http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1712#top
18. Мюнхенская речь Путина. http://www.ng.ru/politics/2007-12-28/1_munhen.html
19. Фусенко Д. Мировая геополитика и отечественная архитектура: вызов – ответ, http://archvestnik.ru/node/3122
20. http://www.gorby.ru/presscenter/news/show_25388/
21. http://www.db.niss.gov.ua/docs/polmil/eura.htm
22. http://archive.kremlin.ru/appears/2007/02/10/1737_type63374type63376type63377type63381type82634_118097.shtml
23. http://lci.tf1.fr/monde/institutions/2010-10/ca-chauffe-entre-le-couple-merkel-sarkozy-et-l-ue-6115921.html.

Prezentat la redacţie
la 1 decembrie 2013

Recenzent – ***Victor SACA***, doctor habilitat în ştiinţe politice, profesor

GEORGIA'S ANNEXATION - DEVELOPMENT OPPORTUNITIES

Vazha (Vaja) KAKABADZE
Georgia, Tbilisi, Independent University of Georgia ,,Rvali" and Engineering Academy of Georgia,
Doctor of Economics, Full professor, Corresponding member Engineering Academy of Georgia, kakabadzev@hotmail.com

The article deals with the possibilities and evolution of the development of Georgian foreign economic relations and politics from the Day of Independence until the attempt of its re-annexation. Also, in the article, the research and statistical data has been detected on the basis of economic development and trends in international economic relations are defined in the regulation of alternative ways.
***Keywords**: Stages of development, alternative ways.*

Introduction

During the existence of the Soviet Union the international and political relations of Georgia was completely cut off from direct contacts. Therefore, after the collapse of the Soviet Empire Georgia appeared unprepared to conduct rational foreign policy with the foreign countries independently. Moreover, the country was unable to meet the demands of the domestic market with the national production that preconditioned the high level of the country import. All this, against the background of uncertain political and financial destabilization and economic crisis created labyrinthine tendencies in the international relations of Georgia that found the expression in the political dependence on the neighboring and western countries, high demand in foreign investments and advanced growth of import compared to export. All this was caused by the fact that the country lacked experience in conducting multi-pole political and favorable international economic relations independently. The first step towards eliminating these labyrinthine tendencies was made in 1992.

The possibilities of further developing economic and political relations since independence in 1991, 2008 and before August

On 3 March, 1992 in order to maintain the taxation balance, the Georgian government issued a decree that enabled all the legal entities registered on the territory of Georgia conduct international economic activities without any limitations. The same year positive measures were made in the non-tariff policy in the regulation of foreign trade. Namely, the existing rule of export quoting and licensing was considerably moderated and softened and was imposed only on

some types of goods. As for the policy of tariff regulation, a significant step in this direction was the fact that relatively privileged customs taxes were introduced the purpose of which was to create convenient conditions in foreign trade. However, such level of liberalization was not sufficient to eliminate the deficit of foreign trade. In 1991 the deficit comprised 36.0 million rubles, in 1992 – 247.0 and in 1993 – 354.0 million dollars [1, p.130].

In 1993 the attempt to use the monetary mechanism of international economic regulation was limited by introducing a monetary surrogate – coupons. Their application in the national economy was decreased to zero due to the incorrect economic policy of that time. High inflation in the country (that was to a certain extent caused artificially by receiving profit on the Caucasus stock exchange at the expense of rate difference) and the [policy of fixed exchange rate considerably limited investments in the real sector and the flows of foreign trade. Though the decrease of deficit was noticed in the following period it still was preconditioned by the decrease in the volume of international trade and, in our opinion, by the fact that the customs service could not conduct the exact registration of the imported products (smuggled goods doubled on the national market [2, p.256]). In 1994 the volume of Georgian international trade comprised 489.0 million US dollars whereas the trade deficit – 185.6 million US dollars.

From the beginning of 1994 the process of macroeconomic liberalization of foreign trade and its harmonization with the international standards became more active in Georgia. From this point of view the EU Agreement is of significant importance as the mechanism of international agreement for foreign trade regulation. The Agreement signed on 17 November, 1993, prolonged for 3 years in 1996 and later in 2003 prolonged till 2006, implies the liberation from quoting of the textile products exported from Georgia.

The limitation of the compulsory registration rule of the foreign-trade contracts can be considered as an important success in the policy of foreign trade regulation in Georgia. While in 1994 the rule concerned export of all types of commodity groups, from November 1995 it extended only to the export of 9 commodity groups and the import of 3 commodity groups. This and other important measures in this period enhanced but the unilateral activation of the Georgian foreign trade. Unlike the previous year, in 1995 the volume of foreign trade increased in 11.8%, import – 17.1%, negative balance (trade surplus) – 31.1% whereas the export remained unchanged [3].

In 1996 an Agreement of Cooperation was signed between Georgia and European Union. It implies a broad spectrum of economic relations. The Georgian parliament ratified the agreement on 15 January, 1997 while in summer 1999 the Agreement came into force. The Agreement reads that the parts under-

take responsibilities to provide priority enhancement and development of financial, trade, scientific-technological and other bilateral collaboration.

The positive progress in international economic relations started in 1995 became more active in 1996, namely: the quotation system was cancelled; the list of export-banned products reduced to four positions; the demands for export licensing were decreased to minimum and the rule of obligatory registration was annulled. The implementation of this and other liberal mechanisms significantly improved foreign trade (62.0%) and foreign investments (3.753 thousand US dollars).

The policy of micro and macroeconomic regulation of international economic relations gradually takes shape in Georgia. Namely: the exporters get back the paid value-added tax (VAT) and the excise commodity export was liberated from excise duty; the raw material for export goods as well as customer's raw material became duty-free; the import of all types of apparatus-equipment was taxed by privileged 5% customs duties and was liberated from VAT.

This policy continued in future too and in 2008 we already have liberal macroeconomic policy of international economic relations approximated to the international requirements. The policy comprises favorable economic mechanisms of investment attraction and foreign trade activation. Particularly interesting in the viewpoint of foreign investment attraction (except the law that directly extends on investment activities) the following requirements of the Georgian Taxation Code are favorable: dividends paid by a Georgian enterprise to an individual person or a foreign enterprise are taxed by 0% interest rate of the paid amount to the source of payment; the dividends accepted by the public securities determined by the Georgian Law "On Securities Market" which are allowed for selling at stock exchange and, according to the stock exchange information, the free circulation factor exceeds 25% to the source of payment - are not subjected to taxation and not included into the joint income by the recipient; interests paid by a permanent institution of a non-resident or interests paid by residents or on their behalf if the source of income is in Georgia, are taxed by 0% interest rate of the paid amount to the source of payment; on the basis of risk insurance and re-assurance of an enterprise, organization and individual entrepreneurs, the amounts paid for the international telecommunication service are imposed 4% duty.

The same rate is imposed on the income received from leasing of non-residents' property as well as the income received by non-resident sub-contracts from the oil and gas operations determined by the Georgian Law "On Oil and Gas"; the following types of goods, service, distribution and import are free of Value-Added Tax (VAT): financial service, supply and import of the shares of national and foreign capital, securities and authorized capital; supply and import of excise brands of the Georgian Ministry of Finances; import of equipment,

transport means, spare parts and material used for oil and gas operations implied by the Georgian Law "On Oil and Gas" as well as supply of goods and service to investors and operation companies for conducting oil and gas operations in accordance with the licenses issued for performing oil and gas operations; import or temporary introduction of goods intended for official application of foreign diplomatic or equal representatives; supply of goods and service between the enterprises of free industrial zones as well as supply of goods for VAT payer in free storehouses; the export of goods is taxed with 0-rate of VAT; supply of air fuel, lubricant and other additional means of on board to conduct international air flights and sea voyages is taxed by 0-rate of VAT; organized entrance of foreign tourists by tour-operators on the territory of Georgia and their supply with tourist packages is taxed by 0-rate of VAT; maximum customs duty in Georgia is 12% [4].

The liberal economic policy implemented in Georgia has formed the following dynamics of the foreign international economic relations: from 1990 till mid October, 1998 investments increase in average 10.0% though according to the World Bank report in 1990 the number of investments in the percentage relation to the Gross Domestic Product (GDP) never exceeded the zero rates. Surely, it does not cause any surprise considering the political situation in that period. However, the mentioned percentage correlation/ratio (according to the analysis of the same organization) did not become a two-figure numbers in 13 years time either (8.47%). In 1999 owing to the world economic crisis foreign investments comprised 82.207 thousand US dollars. From 2000 including the 2008 August events (Russian aggression) and the aggravation of the world financial crisis foreign investments again tend to rise. E.g. the year 2006 appeared to be a profitable period for Georgia in direct investments. The amount of money was quite considerable – 1.14 billion US dollars while the analogous indicator was half billion less in 2005.

At the same time, the GEPLAC 2007 Report is worth noticing here. In the GEPLAC January 2007 Report which reviews the economic policy of Georgia, the reviewer (Schmidt) states that at present investments in Georgia are closely connected with privatization, real estate and mineral extraction. These capital investments do not belong to the production that serves to the long-term impact on the local economy, for example, increase in the number of working places that is so essential for Georgia. We do not fully agree with the GEPLAC Report inasmuch as the foreign investments did take place in the sphere of service as well as industrial sector. For instance, in the tourist sector of the region a large Kazakh investment is being accomplished that comprises 22 tourist facilities along the Adjara coastline. This, certainly, will foster the tourism potential of Georgia as far as all this rose great interest towards the region in such famous

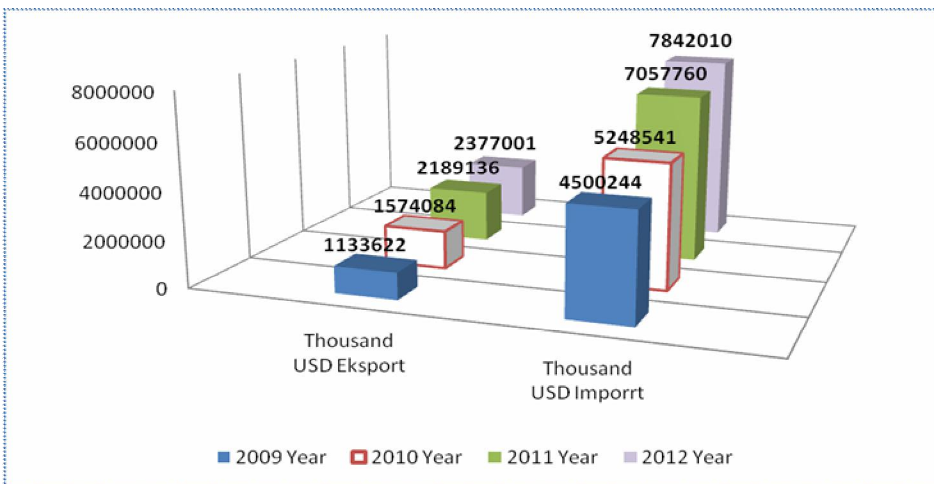
brands as Radisson, Sheraton Palace, Hilton, Hyatt, Hotel Belle Vue, Sea Shore Hotel, etc.

The dynamics of the direct overseas investments made in Georgia is as follows: 2004 – 499,107 thousand US dollars; 2005 – 449,759; 2006 – 1,190,375.0; 2007 – 2,014,842.0; 2008 with the data of only 3 quarters: I quarter 430,193.0, II quarter 525,204.0 and III quarter 150,023. As we see, the liberalization of micro and macroeconomic policy regulating the international economic relations has considerably increased the flow of overseas investments. The same can be said about the foreign trade as well.

In 2008 the turnover of the Georgian foreign trade comprised 7555.8 million US dollars. If in 2004-2007 the average rate of foreign trade was 41.8%, in the first half of 2008 this indicator of the trade turnover capacity was 35.8% whereas in the second half – fell rapidly and became -2.4%. The drop of the commodity turnover rate is mainly connected to the August events in Georgia and the current world economic crisis (the fall of average price on oil products). 2013 - increase rate 3.2%.

Despite the fact that compared to the previous years the volume of export (in absolute figures) has increased, its specific share has decreased in total trade balance. The tendency is as follows: 2002 – 31%, 2003 – 30%, 2004 – 26%, 2005 – 25.8%, 2006 – 21.2%, 2007 – 19.1%, in 2008 the specific share of export has increased only insignificantly in the total balance and comprised 19.8%. Naturally, owing to this the specific share of import increases, and consequently, the negative trade surplus increases too. Similar trends were maintained in 2009-2012 years (Figure 1).

Figure 1. Foreign Trade Data - 2009-2012 years.

Thus, the necessity to elaborate the national model of the Georgian international economic relations becomes the issue of the agenda. It should necessarily include the above analysis and the present worldwide processes that will significantly precondition Georgia's place and role in the world politics and economy. Furthermore, while elaborating the national model of the Georgian international economic relations it is necessary to conduct such multi-pole policy and rational economy that will fit into the frames of international democratic demands and at the same time protect country's national interests. Georgia should lead the policy of a moderately open country but open its doors widely to such global projects that will strengthen its political and economic security. In 2014 the "Nabuqo" project is considered the very project for this purpose. It can provide the restoration of the territorial unity of Georgia, growth of economic incomes, joining to the European Union and entering into NATO alliance.

Proceeding from the above mentioned strategy of economic development Georgia should pay special attention to the correct investment, foreign trade and international agreement deals policy. The proper development of all these three directions requires the creation of such lever of macroeconomic policy that will provide the attraction of foreign investments, development of country's export, growth of currency incomes, possibility of providing foreign debts and formation of sound international contacts; and afterwards, set optimal ways of the country's integration into the world economy.

The influence of the international economic relations on the development of the Georgian national economy is very high. This influence is revealed in the inflow of foreign investments and growth or decrease of foreign trade that enables us to single out for convenience the periods of decreasing and relatively lively economy. In this respect, the period 1990-1995 is characterized by a decreasing tendency that, in its turn, was caused by severe mechanisms of micro and macroeconomic regulation.

The 4-year-long crisis in the Georgian economy (1991-1994) caused by many factors had a destructive impact on the country's real sector, namely, in 1995 the industrial output volume comprised 14% of the level in 1990.

From the end of 1995 up to the beginning of 2002 inclusive, an economic revival is noticeable in the country (exclusive of November-December, 1998 and January-February 1999 – the fall was caused by the world financial crisis. The output volume decreased by 2.7%) that is connected to the elaboration and development of the legal base of macro-economy. Compared to 1995, in 2001 the output volume increased by 30.2% and in 1996-2001 the average annual growth comprised 4.5%; however, compared to 1990 5.4 less industrial outputs was produced by the industrial enterprises of the country [5].

The period passed by Georgia up to 2003 can be considered the *first stage* that was connected with significant difficulties. The counting of the *second stage* begins from 2003. It is characterized by establishing liberal macroeconomic policy and, consequently, in case of complete liberalization of the international economy an important issue will arise as to how well is Georgia ready to confront the competition on the world market. The past period showed us that the Georgian national economy appeared unprepared for such testing except for some produced goods, e.g. mineral waters (Borjomi), wine and minerals.

Our analysis proves the same, namely: despite the growth of production the growth of export products is low – statistics: the output in 2003 comprised 3492.6 million Gel, export – 646.9, in 2005 – 5838.3, export – 865.5; in 2006 – 7412.6, export – 936.2; in 2007 – 9082 million Gel, export – 1232.9 million US dollars; in 2013 – export: 1302.9 million US dollars. And if we also take into consideration that the most part of export comes on raw material the picture becomes more depressing [6].

On the basis of this analysis the issue as to what kind of the further (third) stage we should have becomes urgent; what measures should the state take in order to make the regulatory policy of the Georgian international economic relations equally profitable for the local businessmen of the country as well as the economy in the whole. This, finally, is reflected in the demand of our products on the world market, i.e. the growth of Georgia's exporting potentials. In order to solve this important task it is reasonable to discuss the alternative ways of the regulation of the international economic relations [7, p.23].

In our opinion, the first is the protection of local economy from the influence of such non-favorable agreements that will make the country get integrated with non-democratic countries whose economy is the bearer of the directive management system. All the agreements existing within the frames of CIS belong to such agreements. In such cases it is more appropriate for Georgia to withdraw from CIS (this is what he did during the 2008 August events when the Russian Federation conducted the annexation of Georgian territories) and conclude bilateral agreements with the CIS member countries n the basis of the principle of mutual benefit.

The example of unprofitability: the CIS Agreement "On Creating Free Economic Zone" [8]. The formulation given in the Article 20 of this Agreement placed the terms of the Agreement as well as the Agreement itself higher in the status than all the other international agreements including even the UNO Charter. Such actions are prohibited by the Vienna Convention of International Law and the UNO Charter. (In 1998 on the basis of the remark of the Georgian Ministry of Economy the *MEK* – that time International Economic Committee of the CIS - withdrew the article from the Agreement).

The second example of unprofitability is the customs union with CIS. For the quantitative evaluation of the economic results of the membership of this union we have taken the year of 1995 when the Russian Federation insisted Georgia's membership in the union. The analysis of the export-import of this period confirms that in case of joining the Customs Union the import in Georgia would reduce in 16 million US dollars owing to the increased tariffs as a result of price increase. That would significantly be reflected on the macroeconomic parameters as the reaction of Georgian domestic markets on all types of tax increase was rather acute because of low purchasing capacity of the population as well as enterprises.

The fact that in Georgia in 1995 export was not taxed would badly reflect on export while in Russian Federation, therefore, the prices on the exported products from Georgia would rise dramatically (due to the introduction of export tariffs). That would decrease Georgia's income in 5 million US dollars and would have negative impact on the exporting potential of the country.

The total negative result is determined by 21 million US dollars (21.656 = 16.404+5.252); whereas in 1995 the income from customs duties comprised 2% of the total income.

One more active attempt from the Russian side to involve Georgia in the Customs Union took place in 1999. Georgia was able to escape this unfavorable agreement once again; and indeed, it is possible to calculate the possible losses for the country according to the G.Jones formula: - $T/D=0.5\times t\times i\times(I/D)$, that would equal 2 per cent of MAP: - in 1999 MAP equaled to 2756.5 million US dollars while he percentage of maximum tariff – 12%, and under these conditions the import comprised 601.9 million US dollars. In case of absence of tariff the total cost of the imported products would equal 537.4 million US dollars. However, if we had transferred onto the Russian tariffs (20%) it would have comprised 644.8 million US dollars - ($537.4\times20/100=107.48+537.4=644.8$). the percentage change of import equals 107%. The ratio of import cost to MAP is 0.19; and if Georgia had joined the CIS Customs Union the losses would have equaled $0.5\times0.20\times1.07\times0.19=0.02$ or 2% of MAP. *The same danger threaten from Russia to Georgia in case if Georgia will come in new Eurasian Union.*

The *second alternative* way is the joint use of duty tariffs and taxation mechanisms. They can be grouped as follows:

Ia mechanism - the national product will be taxed by significantly reduced excise value compared to import whereas the imported raw material and semi-manufactured articles will completely become duty-and VAT-free and the ready-made import products will be taxed by increased duty tariffs and VAT too; at the same time, the export of ready-made goods should not be taxed at all and the license issued for the natural resources used for export production should be taxed with the "returnable" rights, i.e. the license tax should be returned to the

producer after the product is exported. However, the export of raw materials and semi-manufactured products should be taxed with high export duties. This combined mechanism of management is rather complicated and it can be followed by high losses as well;

IIb. mechanism – it implies imposing zero taxation tariffs on the import from the politically partner countries but at the same time – high excise taxes. It is politically justified but is considered unfair due to the fiscal problems in the budget;

IIIc. mechanism – this mechanism of regulation implies the general level of excises i.e. there should be the same excise tax for both – national and imported goods; the customs tariff should also be the same and comparatively lower for all types of import while export should completely be duty-free. The only priority can be accomplished only on machinery and technological import. This mechanism of regulation is simple from the managerial point of view, i.e. requires less loss and is rational at the same time;

IVd. mechanism – it implies the promotion of such spheres of activity where the possibility of improvement of the production and efficiency exists. However, this mechanism of regulation can come into conflict with WTO.

Thus, the present analysis gives the opportunity of orientation that should become the background for the discussion of the Georgian government.

Conclude: Thus, we can boldly say that the unity of taxation measures creates such macroeconomic regulation system of international economic relations that respond to not only economic interests but political as well, and at the same time makes an impact on the vector of economic integration.

Conclusion

In the presented scientific article is analyzed Georgian economic situation beginning from 1991 include to 2008 August hostility (Georgian territory annexation by Russian Federation), it is uncovered relationship between development of international economic relationship and Georgian tax policy, on basis of above mentioned it is allocated three stages of country development, also there is extracted alternate ways of regulation international economic relations. These alternate ways is divided into two directions, first is safety of national economic from non-profitable contracts influence, which could turn on country in discrimination conditions. Second alternate way it is use to conglomeration of customs tariff and other tax mechanisms, which is divided in four parts, it is gave us opportunity to make table of classify methods of macroeconomic regulation for Georgia.

In the article also analyzed comfortable and uncomfortable sides and results of international economic relationships, and was noticed that for econo-

mical and political security Georgia must do everything actualize “Nabuqo” project.

References

1. Kakabadze V. Georgian International Relations in Modern Situation. Part One. // Ekomobili, Tbilisi, 1998 (in Georgian).
2. Kakabadze V. Georgian Economy in the Context of Foreign Trade. // Tsodna, Tbilisi, 2004 (in Georgian).
3. Georgian Statistics Annual, 1999. // State Department of Statistics of Georgia, Tbilisi, 2000, pp.237-250 (in Georgian).
4. Tax Code of Georgia. - Tbilisi, 2006-2008 (in Georgian).
5. State Department of Statistics of Georgia. - Tbilisi, 2001, 150 pp. (in Georgian).
6. Department of Statistics. Quarterly Bulletin. - Tbilisi, 2008 (in Georgian).
7. Papava V., Kakabadze V. Advantages of Free Trader Policy in Post-Communist Georgia. // Macro Micro Economics, № 5-6 (54-55), Tbilisi, 2002 (in Georgian).
8. Community. // Information Bulletin. Council of the Head States and the CIS’s Head Governments Council. №1 (14), Minsk, 1994, 20 p. (in Russian).

Prezentat la redac□ie
la 12 noiembrie 2013

Recenzent – ***Diana BENCHECI***, doctor în □tiin□e politice, conferen□iar

ЦЕРКОВЬ И СОХРАНЕНИЕ ИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Давид А. ПАПБА
Российская Федерация Москва, Центр общественных технологий, Аналитик

The following article studies the Church's role in maintaining the integrity of post-soviet space. The author demonstrates that the two dominating religions in the region are Christianity (orthodoxy) and Islam, which are currently undergoing a renaissance in their development. It is tied to both the states' regained independence and national rebirth (return to national traditions, cultures, beliefs), as well as the need to reintroduce and fortify spiritual values in the post-soviet spiritual vacuum. The author doesn't avoid touchy subjects, showing the specifics of the soviet and the religious tolerance models, the positive and negative consequences of religious rebirth that are tied to politization and radicalization of social practices.

The role of the church, and religion as a whole, is studied through empirical and statistical data. Thus, a lot of attention is given to the role of orthodoxy as an integrator of common spiritual space, in the context of celebrating the 1025 year anniversary of Kiev-Russia's christening. The author deducts that the church's possibility of fortifying post-soviet space is great, but is also not used to its full potential. At the same time, the author thinks that the states must maintain a secular character, and allow the church to maintain the role of a spiritual guide.

В данной статье анализируется роль церкви как инструмента сохранения интеграции на постсовестком пространстве. Автор показывает, что на постсоветском пространстве в религиозно-духовной сфере доминирующую роль играют христианство (православие) и ислам, которые переживают ренессанс в своем развитии. Это связано как со становлением независимой государственности, национальным возрождением, возвращением к национальным традициям, культуре, вере, так и необходимостью формирования и упрочения духовных ценностей в постсоветском духовном вакууме. Автор не избегает острых тем, показывает специфику светской и религиозной моделей толерантности, политивные и негативные последствия религиозного возрождения, связанные с политизацией и радикализацией общественных практик.

Роль религии на постосветском пространстве, деятельность церкви рассматривается на конкретном статистическом и эмпирическом материале. Так, в частности, обращается внимание на роль православной ре-

лигии как интегратора общего духовного пространства в контексте празднования 1025-летия крещения Киевской Руси. Автор делает вывод, что возможности религии в упрочении постсоветского пространства значительны, однако они не используются в достаточной степени. В то же время автор считает, что национальные государства должны сохранить светский характер и оставить церкви роль духовного объединителя людей.

Наряду с экономической и политической основами интеграционных процессов, не менее важной является и культурно-цивилизационная основа, включающая конфессиональную общность. Духовный вакуум, который образовался после распада Советского Союза, необходимо было заполнить системой ценностей, проверенных временем. Образовавшийся нравственный кризис усугублялся экономической и политической нестабильностью, межэтническими конфликтами, что обусловило обращение к религии в поисках выхода из сложившейся ситуации.

Как любой социальный феномен, религия выполняет ряд функций: воспитание духовных ценностей; формирование чувства причастности к своей религиозной общине; формирование идеалов социальной справедливости; осознанное отношение к государству, обязанностям перед ним и обязанностям государства перед человеком и т.д.

Одной из исторических особенностей постсоветского пространства является многообразие конфессий. Исходя из этого, императивом современности стала проблема веротерпимости и толерантного подхода к межконфессиональным отношениям. Основываясь на идеях Л.Н.Гумилева, можно заметить, что на евразийском пространстве развиваются жизнеутверждающие религии – христианство и ислам [10], в основе которых лежат такие ценности как свобода воли человека, любовь к ближнему, добро, милосердие, взаимопомощь, терпимость и гармония, выступающие фундаментом согласия в обществе и способствующие его консолидации.

Государства постсоветского пространства являются светскими, что накладывает отпечаток как на взаимоотношения церкви и государственных структур, так и на взаимоотношения между различными конфессиями. Так, Конституция России определяет Российскую Федерацию как светское государство, которое гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой [19].

В центрально-азиатском регионе, где роль религии очень велика, также сохраняется светский характер всех государств. Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» признает, что Республика Казахстан является демократическим, светским госу-

дарством, уважающим право каждого человека на свободу убеждений, гарантирует равноправие граждан независимо от их вероисповедания, признает культурную и историческую ценность религий, сочетающихся с духовным наследием народов Казахстана, и важность межконфессионального согласия, религиозную толерантность и уважение религиозных убеждений граждан [14].

Социологические исследования показывают, что в Казахстане число тех, кто выступает за светское государство, самое высокое – 90% [26, с.133]. Даже в Кыргызстане, где самый низкий показатель сторонников светского государства, они составляют более половины населения. Более того, Кыргызстан - одна из первых стран, принявшая концепцию государственной политики в религиозной сфере, в которой объявлено, что основными религиями являются православие и ислам.

В России основными религиями являются христианство (включая основные направления – православие, католицизм, протестантизм), ислам, иудаизм и буддизм. Согласно результатам социологического исследования, проведенного в ноябре 2012 г., православие исповедуют 74% опрошенных, ислам – 7%, иудаизм – 1%, буддизм – менее 1%, ни к какому вероисповеданию себя не отнесли 10% опрошенных, атеистами себя считают 5% респондентов [20]. По мнению аналитиков, для большей части опрошенных православие – это не соблюдение религиозных обрядов и участие в церковной жизни, а только национальная традиция [39].

Данные социологического опроса жителей Украины свидетельствуют, что 84% опрошенных относят себя к православию, но лишь 12% регулярно посещают церковь, соблюдают все обряды и ритуалы. 51% респондентов в церковь ходят по праздникам и всех обрядов и ритуалов не соблюдают. 27% допускают, что Бог есть, но церковная жизнь их мало интересует [50].

По данным Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь в 2011 г. 81% опрошенных отнесли себя к православным, 10,5% - к католикам, 1% респондентов отметили, что исповедуют иудаизм, 0,5% - ислам. Среди сделавших заявление о своей конфессиональной принадлежности 21,5% респондентов не смогли дать однозначный ответ на вопрос, являются ли они верующими. Отмеченное в ходе исследования расхождение данных о доле указавших свою конфессиональную принадлежность (93,5%) и долей верующих (65%) демонстрирует особенности религиозной самоидентификации белорусских граждан, которая выходит за рамки культового поведения. Большинство религиоведов полагают, что данный феномен характерен для постсоветского пространства [15, с.44].

В отличие от других государств постсоветского пространства в Молдове информация о вероисповедании была получена в ходе переписи населения 2004 г. Согласно результатам переписи, православные составляют 93,3% всего населения страны [18].

В Азербайджане основной религией является ислам, который исповедуют 99,2% населения страны [38]. Кроме того, среди этнических групп, проживающих на территории страны, распространены иудаизм и христианство.

В Армении христианство исповедует, по приблизительным оценкам, около 98,7% верующего населения Армении, 94,7% являются последователями Армянской Апостольской Церкви, и 4% являются последователями других деноминаций христианства [4]. Также в стране проживают последователи езидизма (исповедуется курдами), иудаизма, ислама. Более того, в настоящее время на постсоветском пространстве действуют четыре епархии Армянской Церкви, которые охватывают территории России, Молдовы, Украины, государства Центральной Азии. В России действуют более 40 армянских храмов, русских православных церквей в Армении – пять [3].

В Казахстане наиболее распространенными религиями являются ислам и христианство, присутствуют также буддизм и иудаизм. В Центральной Азии подавляющее большинство населения региона исповедует ислам - от 80% в Кыргызстане до 99% в Таджикистане [36, с.135-141], но если несколько лет назад этот процесс был большей частью «формальным», то в последние годы осуществляется переход от «формальной» к глубинной вере.

После обретения независимости центрально-азиатскими государствами православие сократило свое присутствие в регионе, но по-прежнему выступает единственной реальной формой консолидации русскоязычного населения Центральной Азии. Необходимо иметь в виду, что массовый отток русскоязычного населения привел к резкому сокращению целевой аудитории Русской православной церкви [36, с.141].

В большинстве стран основным источником информации о количестве верующих являются социологические исследования, так как, согласно законодательству, никто не может заставить человека сообщать о своем отношении к религии. Некоторые специалисты считают конфессиональную самоидентификацию респондентов достаточным критерием. Но часто конфессиональная идентичность сближается с культурной или этнической идентичностью. Часть специалистов настаивает на том, что помимо самоидентификации верующих, необходимо учитывать и степень их знакомства с религиозным учением, и участие в религиозных культах [45].

Знаковым событием для православных верующих стало 1025-летие Крещения Руси. Светские и духовные деятели подчеркивали важную роль православной церкви в интеграционных процессах, происходящих на постсоветском пространстве. Выступая в Киеве, Президент России В.Путин отметил, что духовное единство между народами началось 1025 лет назад, и является настолько прочным, что не подвержено никаким действиям властей [5]. «Украинский, белорусский и русский народы объединяют духовные ценности – ценности, которые делают нас единым народом. Мы обязаны хранить традиции предков, которые на протяжении веков выстраивали уникальную систему ценностей, сберегая и укрепляя православную веру» [7].

Президент России отметил, Россию и Украину роднят славянские корни и язык, культура и религия. «Наши кровные и духовные узы неразрывны» [35]. Несмотря на то, что сегодня мы живем в разных странах, «это обстоятельство не перечеркивает наше общее историческое прошлое. Наоборот, оно является важным преимуществом, основой для строительства новых интеграционных связей» [7].

Президент Беларуси А.Лукашенко видит особую роль Русской православной церкви в поддержании мира и согласия в обществе и уверен, что православные устремления станут основой развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Конструктивная позиция РПЦ «помогает гражданам сохранять верность единым историческим корням и добрым заветам предков, что является мощным подспорьем тем интеграционным процессам, которые развиваются на постсоветском пространстве» [21]. Единая вера, лежащая в основе славянских культур, сближает народы, и ничто не в силах разделить то глубокое единство, которое заложено в общей истории.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал Россию и Беларусь выстраивать взаимодействие на основе православной традиции обеих стран. Духовный фундамент, который был заложен 1025 лет назад, является общим для всех народов, наследников Киевской Руси. Это непреходящие духовно-нравственные ценности, опираясь на которые человек никогда не проигрывает, и они должны быть положены в основу взаимодействия двух государств. «Если этот фундамент будет положен в основу интеграции, если на этом фундаменте будет вырастать здание будущего, его не смоют никакие ливни и не уничтожат никакие землетрясения. Это здание выдержит испытание временем» [29], и будет способствовать укреплению духовного единства народов исторической Руси [30].

По мнению украинского президента В.Януковича, в ответ на сверхсложные вызовы и противоречия современного мира Украина, как и другие

страны «нуждается в возрождении христианских ценностей – основ общественной морали и духовности» [34].

Еще одной страной на постсоветском пространстве, где подавляющее большинство населения исповедует православие, является Республика Молдова. Президент Молдовы Н.Тимофти присутствовал в Киеве на торжествах по случаю 1025-летия Крещения Руси, а в сентябре 2013 г. состоялся официальный визит Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в Молдову по случаю 200-летнего юбилея образования Кишиневско-Молдавской митрополии [26]. Молдова – это страна, живущая православной традицией, которая передается из поколения в поколение. Вместе с ней передаются основные ценности - нравственные, культурные, духовные. Очень важно, чтобы на основе этой традиции формировался общенациональный диалог, в котором должны участвовать и представители власти, и элиты, и народ с тем, чтобы не происходило мучительных разделений, столкновений, противоречий, чтобы национальное развитие соответствовало духовному базису, который невозможен без нравственного начала.

Сегодня народы многих стран больше доверяют церкви, чем властным структурам и некоторым политическим формированиям. Православная церковь – мощнейшая сила, способная не только объединить людей, но и укрепить государственность. Отношения Молдовы с народами исторической Руси насчитывают сотни лет. За это время сформировался общий цивилизационный код, и важно, чтобы он не подвергся разрушению [26].

Таким образом, для государств, исповедующих православие, религия могла бы стать базой для сближения, поскольку имеет огромный объединяющий потенциал. Близость их культур и общая религия, без сомнения, способны были бы породить вполне адекватную объединительную идеологию, если бы этого захотела правящая элита. Казахстан, несмотря на различия в культурно-религиозной традиции, вполне способен воспринять идеи интеграции на базе идеологии евразийства. Но необходимо учитывать и то, что внешнее влияние медленно, но неуклонно тянет Казахстан в сторону исламского мира и тюркской цивилизации [2].

В начале 90-х годов XX века активно обсуждался проект возможной интеграции стран Евразии на основе идей тюркского единства. Лозунги объединения этнических тюрков, проживающих на территории Центральной Азии, Кавказа, Передней Азии, Ближнего Востока, Китая, российского Поволжья и Сибири в те годы вызвали опасения сепаратизма и подозрение к политике, проводимой Турцией по поддержке этнически близких тюркских народов. В настоящее время встречи лидеров и общественных деятелей тюркоязычных стран ограничиваются в основном решениями в области гуманитарно-культурного сотрудничества [16].

На современном этапе Турция играет особую роль в тюркском и мусульманском мире. Близость культур между народами Кавказа, Центральной Азии и Турции, их конфессиональное и этническое родство будет способствовать интеграционным процессам на евразийском пространстве, а также обеспечит прочные дружеские связи России с исламским миром в целом, что многократно усилит ее международные позиции [42].

В центрально-азиатских государствах религия всегда играла важную роль, но после обретения независимости новыми государствами ее значение сильно возросло. Ислам является не просто вероисповеданием народов Центральной Азии, но и формой их национальной и культурной самоидентификации.

Существует несколько трендов в отношении религии в странах Центральной Азии [36, с.130-131]. С одной стороны, считается, что ислам укоренился в общественной и частной жизни, что привело к заметной исламизации населения, которая выражается в увеличении количества верующих мусульман, мечетей, признании государством некоторых мусульманских праздников.

По мнению ученых, в исламизации присутствует как позитивный, так и негативный эффект. Позитивный связан с духовным оздоровлением общества, с возможностью мусульман в полной мере реализовать свое право на свободное вероисповедание. Негативный аспект связан с требованиями части мусульман жить по законам шариата.

Наиболее лояльная ситуация к религии сложилась в Кыргызстане. Высшие государственные деятели демонстрируют свою религиозную приверженность, отсутствует запрет на выезд за рубеж для получения религиозного образования, действуют исламские институты и исламский университет. Одновременно в Киргизии государство на протяжении всего постсоветского времени отстранилось от контроля религиозной ситуации [1], что способствовало активизации радикальных исламистских организаций. В Таджикистане в последние годы наблюдается определенное давление на конфессии со стороны государства, что свидетельствует о его противодействии процессам исламизации. В Туркменистане отмечается тотальный контроль над муфтиятом и верующими, государство публично демонстрирует свой светский характер. После обретения независимости в Узбекистане количество верующих значительно увеличилось. Духовенство постепенно было поставлено под контроль государства, которое из-за борьбы с религиозным экстремизмом настороженно относится к верующим. В Казахстане усиление ислама только набирает обороты [17].

Опасной тенденцией в регионе является радикализация ислама, обусловленная социально-экономическими и политическими причинами. В последние два десятилетия происходит политизация ислама, которая выра-

жается в создании исламских партий и движений, участии в политике активных представителей мусульманского духовенства. Между тем основная сфера деятельности церкви – это духовность, воспитание граждан в духе мира, согласия и гармонии.

Религиозный экстремизм втягивает в свою орбиту, в первую очередь, молодежь, которая сталкивается с высоким уровнем безработицы, нарушением принципа социальной справедливости, отсутствием «социальных» лифтов и т.д., чем и пользуются экстремистские религиозные деятели. Радикальные исламские течения сращиваются с наркобизнесом, организованной преступностью, торговлей людьми, и не исключено, что имеют поддержку со стороны экономической и политической элиты [36, с.16, 160]. Немаловажным фактором нарастания религиозного экстремизма и терроризма является заинтересованность в этом процессе региональных и внерегиональных акторов мировой геополитики.

Власти с возросшей тревогой относятся к нарастающей исламизации общества. Однако предпринимаемые меры запретительного характера не дают должного эффекта, а роль ислама и религиозных авторитетов увеличивается. В Таджикистане официальные лица постоянно призывают соотечественников, обучающихся в религиозных учреждениях за рубежом, вернуться на родину. Таджикский президент Э.Рахмон в августе 2010 года на одной из публичных встреч заявил, что многие исламские центры имеют экстремистскую направленность, и призвал родителей вернуть своих детей на родину [47]. В Казахстане после террористических атак экстремистов была проведена перерегистрация всех религиозных организаций, и их число сократилось наполовину [17].

Также важным фактором нарастания объемов религиозно-мотивированного экстремизма и терроризма в регионе является геополитика США, которые прибегают к религиозному радикализму как к форме, позволяющей поддерживать нестабильность в регионе.

Для преодоления сложившейся ситуации, в первую очередь, необходимо решение экономических, политических, социальных проблем, что позволит выбить почву для распространения религиозного экстремизма и терроризма. Но в то же время государства должны учитывать растущую роль религии в жизни общества, стремиться взаимодействовать с религиозными структурами, но не допускать активного вмешательства в религиозную сферу.

Россия является соединяющим мостом между цивилизациями и культурами, христианством и исламом. В силу географического положения ближайшими соседями России являются мусульманские государства, шесть из которых – Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркмения - относятся к постсоветскому пространству. Внут-

ри России в 9 субъектах мусульмане представляют титульное население. В целом в стране почти 20 миллионов россиян исповедуют ислам [40]. Вышеназванные государства постсоветского пространства являются членами Организации Исламского сотрудничества, с 2005 года Россия имеет в этой организации статус наблюдателя[8].

Перспективы взаимодействия между МИДом России и Генеральным секретариатом Организации Исламского сотрудничества закреплены Рамочным соглашением, подписанном в октябре 2013 г. Стороны намерены уделять особое внимание усилиям «по гармонизации межкультурных и межконфессиональных отношений, защите и продвижению традиционных нравственных ценностей – общих для всех мировых религий» [41].

Учитывая возросшую роль религии в обществе, президент Казахстана Н.Назарбаев выступил с предложением каждые три года проводить в Астане Съезд лидеров мировых и традиционных религий – ислама, христианства, иудаизма, синтоизма, индуизма, буддизма. В 2006 г. на втором Съезде были приняты «Принципы межрелигиозного диалога», которые предполагали, что диалог должен основываться «на честности, толерантности, смиренности и взаимоуважении, не должен быть нацелен на обращение в другую веру либо оскорбление собеседника другого вероисповедания, а также на демонстрацию превосходства одной религии над другой» [25].

В современном мире перед всеми религиями стоят общие задачи – преодоление духовного вакуума и кризис нравственных ценностей. Кроме того, религия обладает миротворческим и гуманистическим потенциалом, особенно в сфере милосердия, благотворительности, общечеловеческих ценностей, способствуя предупреждению конфликтов, предотвращению нетерпимости и радикализма [28]. Акцент необходимо делать не на том, что разделяет, а на том, что объединяет различные религии. Постсоветские государства являются полиэтническими и поликонфессиональными, и в силу этого обладают богатым опытом поддержания межэтнического и межрелигиозного согласия.

Говоря о необходимости поддержания толерантной модели межконфессиональных отношений, следует отметить, что, она, в отличие от светской, имеет свою специфику. В рамках светской культуры толерантность выступает как специфическая психологическая установка, ориентирующаяся на уважительное восприятие чужой этнической и религиозной самобытности, других культур, обычаев и образа жизни, нравственных ценностей и мировоззренческих убеждений [46].

---

[8] *Организация Исламского сотрудничества (ОИС) – международная организация исламских стран - была создана в 1969 г. До 2011 г. называлась Организация Исламская конференция.*

Религиозный человек ни в коей мере не может признать и принять чужой веры как равной своей собственной. Для верующего его религия является единственно верной и истинной, и, соответственно, другая религия представляется ложной или, по крайней мере, не обладает всей полнотой истины. Религиозная толерантность лишь устанавливает допустимые границы, нормы во взаимоотношениях между конфессиями в целях стабильного и поступательного развития общества [46]. Человек, искренне приверженный собственной религиозной традиции, ценит и уважает подобную «крепость в вере» у иноверца, что открывает дорогу к творческому диалогу. Более того, наличие иной религиозной системы в качестве оппонирующей становится необходимым фактором духовного самоопределения. А это, в свою очередь, открывает дорогу к межрелигиозному диалогу в его широком понимании, выступающем уже не в своем «чистом» виде, а в качестве диалога межцивилизационного [11].

Выработка и освоение толерантной культуры должна включать правовые, гражданские, политические, нравственные воспитательные аспекты. В законодательной сфере примером межконфессионального диалога стала совместная разработка в России Закона 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятого с учетом поправок представителей религиозных организаций [11].

Огромную роль играет образование и воспитание молодежи, направленное на формирование доброжелательного отношения к любой религии и любому мировоззрению. Но, помимо мер правового и воспитательного характера, необходимо решение комплекса социально-экономических проблем, которые во многом усугубляют межконфессиональную и межэтническую нетерпимость.

Взаимодействие государственных и религиозных институтов осуществляется в системе «религия – общество – государство». Формирование оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений должно учитывать как принципы светского государства, так и исторический опыт, и современные реалии постсоветского пространства. Можно выделить две модели взаимоотношений государства и церкви: сепарационная, разделяющая государство и церковь, и кооперационная [11], основанная на введении института государственной церкви, наделении традиционных религиозных организаций расширенной правосубъектностью, заключении соглашения о социальном партнерстве государственных и религиозных институтов.

Автор разделяет точку зрения, что светская модель политики государства в отношении религиозных объединений – наиболее оптимальная в поликонфессиональном и полиэтническом обществе [13]. Светский характер государства не должен означать выдавливания религии из общественной

жизни, отстранения церкви от участия в решении важных общественных проблем. Церковь является важным институтом гражданского общества, и государству необходимо прислушиваться к ее мнению. В современных условиях принцип отделения церкви от государства предполагает разделение сфер их компетенции, невмешательство во внутренние дела друг друга. С другой стороны, церковь не должна брать на себя ограничительные или принудительные функции, присущие государству.

Основными структурами, ведущими межконфессиональный диалог, в России являются Русская Православная церковь, которая представляет доминирующую религию, Совет муфтиев России, Межрелигиозный совет России, Комиссия Общественной палаты по межнациональным отношениям и свободе совести и др. В Основах социальной концепции РПЦ отмечает, что осуществление межрелигиозного сотрудничества возможно в таких сферах, как миротворчество, культурное, нравственное, патриотическое воспитание, благотворительность, охрана памятников истории и культуры, охрана окружающей среды, поддержка семьи, материнства и детства [27]. Подобные программы приняты и другими влиятельными религиями (исламом, иудаизмом), что позволяет им активно сотрудничать в рамках конструктивного межконфессионального диалога по различным социально-экономическим и общественно-политическим проблемам.

Взаимодействие верующих с государством осуществляется посредством религиозных организаций. По данным Министерства юстиции Российской Федерации на 1 января 2009 г., среди религиозных организаций преобладает Русская Православная церковь (71%), затем следуют мусульманские (11,7%) и протестантские религиозные организации (2-7%). 3% составляют разноплановые новые религиозные движения [39].

Одним из важных направлений взаимодействия церкви и государства является миграционная сфера. Мигранты приносят с собой иные мировоззренческие установки, которые нередко вступают в противоречие с традициями и обычаями местного населения. Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл считает, что помимо создания механизма интеграции мигрантов, позволяющего им освоить язык, культурные и религиозные традиции большей части населения принимающего общества, необходимо активизация сотрудничества в образовательной сфере Церкви и Федеральной миграционной службы [43]. Учитывая, что большая часть мигрантов является выходцами из Центральной Азии и исповедует ислам, не менее важным является сотрудничество с представителями мусульманской церкви, которые способны облегчить условия адаптации приезжих в принимающее общество.

Одной из проблем, «угрожающих благополучию человеческого общежития, является радикализм, сопровождаемый экстремистской трактовкой

религиозной идеи. Государство, общество и традиционные религии, имеющие многовековой опыт мирного сосуществования, должны объединить свои усилия в преодолении этого зла. И здесь роль воспитания, помогающего человеку обрести свою религиозную идентичность, научиться твердо исповедовать веру и вместе с тем уважать иные убеждения, культуру, традиции, трудно переоценить», - считает Святейший Патриарх Кирилл [43]. В связи с этим Предстоятель высказался за сотрудничество с МИД России и другими государственными ведомствами, направленное на создание такой стратегии преодоления радикализма, особенно в молодежной среде.

Важной сферой диалога церкви, общества и государства является образование. В российских школах введен учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики». Законодательно предусмотрено преподавание в государственных школах предметов, посвященных изучению нравственных принципов, исторических и культурных традиций православия и других мировых религий (по выбору родителей) или альтернативных курсов светской этики.

Возрождается военное духовенство. Более 800 священников совершают служение в Вооруженных Силах России на внештатной основе [49]. Учитывая многонациональный и многоконфессиональный характер российского общества и, соответственно, армии, целесообразно было бы привлекать к отправлению религиозных культов и представителей других конфессий. Это способствовало бы пропаганде нравственных ценностей, культурных и исторических традиций, осознанию того, что общечеловеческие ценности присущи каждой религии, а значит можно жить в мире и согласии с представителями других этносов и религий.

В социальной сфере РПЦ действует активнее и эффективнее государства: создаются православные церковные приюты и детские дома, оказывается помощь старикам, инвалидам и бездомным, содействие в лечении и реабилитации страдающих от алкогольной и наркотической зависимости, восстановлении их социальных связей и трудовых навыков [49].

В других странах постсоветского пространства также созданы государственные структуры, деятельность которых направлена на взаимодействие с религиозными организациями. В частности, в Казахстане данную деятельность осуществляет Комитет по делам религий при Министерстве культуры Казахстана [32]. В Азербайджане – Государственный комитет по делам религиозных организаций [8], в Украине – Государственный комитет по делам религий, оказывающий содействие религиозным организациям в различных сферах социальной деятельности [9], в Узбекистане - Комитет по делам религий при Кабинете министров [33].

В Беларуси действует Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь, который ведет постоянный

поиск механизмов сотрудничества с конфессиональными объединениями, наиболее значимые из которых Белорусская православная церковь, римско-католическая церковь и др. Приоритетными направлениями сотрудничества являются совместное развитие общественной нравственности, воспитание, образование, культурная и творческая деятельность, охрана, восстановление и развитие исторического и культурного наследия. Есть опыт сотрудничества Православной Церкви с системой образования, правоохранительными органами, исправительно-трудовыми учреждениями, где открыты храмы, оборудованы молитвенные комнаты [44].

Индикатором конструктивного сотрудничества государства и церкви выступает наличие партий и движений конфессиональной направленности. В начале и середине 90-х годов в России действовали конфессиональные партии и движения, которые апеллировали к православному и мусульманскому населению, в частности, Российское христианско-демократическое движение, Российская христианско-демократическая партия, Союз христианских демократов России, Союз мусульман России, движение «Рефах», позже трансформировавшееся в одноименную партию. В Поволжье и на Северном Кавказе действовали региональные объединения мусульман.

В 2001 году на базе «Рефах» была образована Евразийская партия России. Тяга мусульманских политиков к евразийству отражала определенные антизападные настроения в российском обществе, которые мусульмане охотно разделяли. Кроме того, обращение мусульманских политиков к евразийству способствовало их сближению с властью, которая стала использовать евразийство в качестве одного из идеологических обоснований для сохранения присутствия России на постсоветском пространстве и одновременно - в качестве ответа на глобализацию и американский проект однополярного мира. Однако деятельность мусульманских политических организаций не стала фактором интеграции мусульманского сообщества в России [22].

Принятые законодательные акты в большинстве стран постсоветского пространства запрещают создание партий религиозного характера. В частности, в России в Федеральном законе «О политических партиях» указано, что «не допускается создания политических партий по признакам … религиозной принадлежности» [48]. Тем не менее, в некоторых постсоветских государствах партии конфессиональной направленности играют активную роль на политической арене своих государств. Так, в Украине действуют Республиканская христианская партия, Христианско-демократический союз, Христианский Блок, объединяющий греко-католиков, православных, протестантов, и др., в Беларуси – Консервативно-христианская партия, в Молдове - Христианско-демократическая народная партия. В Центральной

Азии единственной легальной партией исламского направления является Партия исламского возрождения Таджикистана [24].

Но даже среди представителей различных конфессий России сложились противоречивые точки зрения на проблему формирования религиозных партий. Председатель отдела Московского патриархата по взаимодействию Церкви и общества протоиерей В.Чаплин высказался за возможность создания «православной» партии. По его мнению, норма закона «О политических партиях», запрещающая создание в России партий по религиозному признаку, противоречива и нелогична, и «никто не может помешать мусульманам или христианам объединяться вокруг своих ценностей и активно участвовать в политическом процессе» [23]. Заместитель председателя Совета муфтиев России Ф.Асадуллин, напротив, считает, что «создание любых партий на чисто религиозной или этнической основе будет носить провокационный характер. Сегодня крайне важно налаживать межрелигиозный и межнациональный диалог» [6]. Такой же позиции придерживается и председатель Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России раввин З.Коган, предложивший «создать новую партию, которая бы называлась «Межрелигиозный и межэтнический диалог». Это была бы партия интересов всех этносов России» [23]. Подобную партию можно было бы создать и на евразийском пространстве, что способствовало бы осуществлению диалога между представителями различных этносов и конфессий на уровне гражданского общества.

В Казахстане представители основных религий придерживаются схожей точки зрения, что создание религиозных партий невозможно, так как это противоречит законодательству [12]. Лидер «Партии исламского возрождения» Таджикистана считает, что «необходимо разрешить мусульманам заниматься политикой в рамках религиозных партий» [24]. У исламских партий на постсоветском пространстве есть перспективы, «но нужно, чтобы «созрели» и конкретные лидеры, и сами мусульмане» [24].

Российская власть проявляет озабоченность проблемами, сложившимися в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений, а также в области миграционной политики. Члены Совета по межнациональным отношениям намерены предложить президенту Российской Федерации В.Путину ввести должность омбудсмена или комиссара по межнациональным вопросам и миграционной политике. Помимо этой новой должности, в России может появиться куратор межконфессиональных отношений [31].

Роль религии как фактора интеграции постсоветского пространства связана с тем, что она сближает представителей различных национальностей, придерживающихся той или иной конфессии. Православие и ислам

объединяют различные народы, проживающие на просторах СНГ, сближают быт и культуру различных этносов.

Интеграционным процессам способствует сохранение многоконфессиональности даже в тех государствах, где подавляющее большинство населения являются приверженцами одной религии.

Для того чтобы церковь выступала фактором интеграции, необходима подготовка квалифицированных религиозных деятелей, создание образовательных центров для духовенства. Такой опыт уже есть: например, некоторые армянские священнослужители обучались в Московской духовной семинарии [37]. Мусульманские религиозные деятели из Центральной Азии могли бы более тесно сотрудничать не только с образовательными и миссионерскими центрами Саудовской Аравии, Ирана, Турции, но и России.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Постсоветское пространство является поликонфессиональным пространством, на котором сосуществуют христианство, ислам, буддизм, иудаизм и др. Традиционными религиями большинства населения являются православие и ислам, поэтому проблема взаимоотношений между этими этнорелигиозными общностями крайне важна. Важнейшим инструментом поддержания мира и согласия, продвижения диалога между цивилизациями является межконфессиональный диалог.

Государства постсоветского пространства являются светскими, что накладывает отпечаток на взаимоотношения церкви и государственных структур. Обеспечение конструктивного диалога в системе «государство – общество – церковь» должно учитывать и исторический опыт, и современные реалии поликонфессионального постсоветского пространства, не допуская нарушения прав религиозных меньшинств и любой религиозной дискриминации. Наиболее важными точками соприкосновения во взаимодействии государственных, общественных и религиозных структур являются образовательная, миграционная и социальная сферы.

В целом духовная составляющая выступает одним из ключевых моментов, способствующим прочности евразийского пространства. Успешное устойчивое развитие возможно благодаря не только экономической мощи, но и вере, духовности, восстановлению нравственных ценностей. Значительную роль в этом процессе призвана играть религия, которая выступает одной из «скреп» постсоветского пространства и тесно связана с процессами, изменяющими духовно-нравственное бытие бывших советских государств.

Литература

1. Аллах с ними. Политизация религии в Центральной Азии, http://www.stanradar.com/news/full/4237-allah-s-nimi-politizatsija-religii-v-tsa.html
2. АПН / Постсоветское пространство: элиты против интеграции, http://www.apn.kz/publications/article7698.htm
3. Армения. Историко-географический очерк, http://www.religiopolis.org/religiovedenie/6686-religija-izmenjaetsja-vmeste-s-mirom.html
4. Армения. Религии, http://www.topglobus.ru/armenija-statistika-dannye-strana
5. Владимир Путин прибыл в Киев, где проходят торжества в честь 1025-летия Крещения Руси, http://www.1tv.ru/news/polit/238446
6. Верующие в политике. Быть ли религиозным партиям в России? http://www.islamonline.ru/
7. Выступление В.В. Путина в Киеве, 27 июля 2013 г., http://antioha.livejournal.com/17784.html
8. Государственный комитет по делам религиозных организаций, http://www.azerbaijans.com/content_555_ru.html
9. Государственный комитет Украины по делам религий, http://www.religio.ru/dosje/04/10.html
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – Москва: ЭКСМО, 2006.
11. Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Логинов А.В. и др. Толерантность и межконфессиональный диалог, http://demoscope.ru/weekly/2012/0501/analit01.php
12. Духовенство Казахстана высказалось о создании религиозных партий, http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/duhovenstvo-kazahstana-vyiskazalos-o-sozdanii-religioznyih-partiy-207922/
13. Залужный А.Г. Государство и религия в России: проблемы взаимодействия, http://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Gosudarstvo%20i%20religiya.pdf
14. Закон Республики Казахстан «О свободе вероисповедания и религиозных объединениях» №483-IV, http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920004000_
15. Информационно-аналитический центр при администрации Президента Республики Беларусь. Республика Беларусь в зеркале социологии. Сборник материалов социологических исследований за 2011 год. - Минск: «Бизнесофсет». 2012.
16. Информационно-аналитический центр – Экспертная оценка – Курс Казахстана на евразийскую интеграцию в динамике внутренних и внешних процессов, http://www.ia-centr.ru/expert/13247/

17. Ислам в СНГ: Исламизация в Центральной Азии, http://www.islamsng.com/sng/culture/6502
18. Итоги переписи населения 2004 г. Демографические, национальные, языковые, культурные характеристики, http://www.statistica.md/newsview.php?l=ru&id=2358&idc=168
19. Конституция Российской Федерации. - Москва: Юридическая литература, 1993
20. Левада-центр: количество православных в России уменьшилось, мусульман стало больше, http://www.gazeta.ru/social/2012/12/17/4894681.shtml
21. Лукашенко: православные устремления станут основой интеграционных процессов, http://www.interfax.by/news/Belarus/134568
22. Малашенко А. Исламский фактор в российской политике, http://www.archipelag.ru/authors/malashenko/?library=1749&version=forprint
23. Мусульмане и иудеи против создания религиозных партий в Российской Федерации, //http://newsland.com/news/detail/id/870657/
24. Мухиддин Кабири: перспективы у исламских партий на постсоветском пространстве есть, но для этого нужно, чтобы «созрели» сами мусульмане, www.islamsng.com/tjk/interviews/2793
25. На II Съезде мировых и традиционных религий принят уникальный документ, http:www.pravoslavie.ru/news/18473.htm
26. Начался визит Святейшего Патриарха Кирилла в Православную Церковь Молдовы, http://www.patriarchia.ru/db/text/3213822.html
27. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, http://www/patriarhia.ru/db/text/141422.html
28. Официальный сайт президента Республики Казахстан. Съезд лидеров мировых и традиционных религий, http://www.akorda.kz/ru/page/sezd-religii-2012_1338973130
29. Патриарх Кирилл призвал Беларусь и Россию выстраивать взаимодействие на основе православной традиции двух стран, http://www.interfax.by/news/belarus/134574
30. Патриарх Кирилл призвал к укреплению духовного единства народов исторической Руси, http://www.interfax.by/news/belarus/134566
31. Песков: В России может появиться куратор межконфессиональных отношений, http://www.vz.ru/news/2013/10/18/655604.html
32. Политика Республики Казахстан в религиозной сфере, http://adal-kz.info/book/export/html/276
33. Постановление Кабинета министров Республики Узбекистан «О дальнейшем совершенствовании деятельности Комитета по делам религий

при Кабинете министров Республики Узбекистан», http://www.lex.uz/Pages/GetAct.aspx?lact_id=295064
34. Празднования 1025-летия Крещения Руси в Киеве, http://zapadrus.su/ruszizn/807-prazdnovaniya-1025-letiya-kreshcheniya-rusi-na-vladimirskoj-gorke-v-kieve.html
35. Путин поздравил моряков с Днем ВМФ России и Днем флота Украины, http://ria.ru/defense_safety/20130728/952559021.html#ixzz2aL7UQPMI
36. Религиозная ситуация в Центральной Азии / Центральная Азия: вызовы и угрозы. Под ред. К.Л.Сыроежкина. - Алматы, 2011. http://www.kisi.kz/img/docs/5702.pdf
37. Религия, http://inlang.linguanet.ru/Cis/CisCountries/detail.php?ELEMENT_ID=2616&PAGEN_1=4
38. Религии в современном Азербайджане, http://www.advantour.com/rus/azerbaijan/religion.htm
39. Религия в современной России, http://rusrand.ru/analytics/religija-v-sovremennoj-rossii
40. Россия и ОИС: KAZANSUMMIT, http://kazansummit.ru/summit/ois/spravochnik_OIS.pdf
41. Россия и Организация Исламского сотрудничества нацелены на углубление эффективного партнерства, http://interaffairs.ru/read.php?item=10076
42. Россия и Турция в XXI веке: от многопланового стратегического партнерства к императиву евразийской интеграции, http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1263
43. Святейший Патриарх Кирилл: Образование – важная сфера взаимодействия церкви и государства, http://www.patriarchia.ru/db/text/1392591.html
44. Совет Республики Национального Собрания Республики Беларусь. Этноконфессиональная ситуация в Республике Беларусь, http://www.sovrep.gov.by/index.php/.531.2869...0.0.0.html
45. Сколько верующих. Дискуссии. Религия в светском обществе, http://www.sova-center.ru/religion/discussions/how-many/about/
46. Сторчак М. Толерантность в социокультурном и политическом пространстве современной России, http://www B..rusoir.ru/03print/01/04
47. Таджикистан берет курс на светское государство, http://www.kt.kz/index.
48. Федеральный закон «О политических партиях» №95-ФЗ от 11 июля 2001 г., www. rg.ru/2001/07/11/partii-dok.html

49. Церковь, общество и государство в России: пути взаимодействия. Доклад митрополита Волоколамского Илариона на церковно-общественной конференции в Вене, http://www.patriarchia.ru/db/text/3072210.html
50. Цифры о вере и ценностях: февраль-март 2012. Аналитический обзор от службы «Среда», http://sreda.org/2012/tsifryi-o-vere-i-tsennostyah-fevral-mart-2012-analiticheskiy-obzor-ot-sluzhbyi-sreda-avtor-sostavitel-r-lunkin/2690

Представлена в редакцию
1 декабря 2013 года

Рецензент – ***Татьяна ТУРКО***, доктор политических наук, доцент

ЗАМОРОЖЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ, ЕС И США

Эрнест ВАРДАНЯН
Республика Молдова, Кишинев, Государственный университет Молдовы, факультет международных отношений, политических и административных наук, кафедра международных отношений
Преподаватель, магистр политических наук, аспирант

Breakup of the world socialist system and its climax, collapse of the Soviet Union, cause large-scale geopolitical, macro-economic and ethno-cultural changes in a huge space from the Central Europe to the Central Asia. The former Soviet republics, all except the Baltic, since they had gained independence, did not state European integration as key priority, balancing between the West and Russia. The West had no clear agenda regarding their integration and preferred to support only energetic projects. It was Russia who took advantage of that trend; despite dramatic geopolitical, economic and image losses after the USSR collapse, Moscow succeeded in mobilizing its resources for re-directing them to stop military conflicts in Transnistria, South Ossetia and Abkhazia and to mediate, together with the US and France, the settlement in Nagorno-Karabakh. The post-Soviet trouble-making territories remained suspended due to unwillingness or inability of Russia as of the chief negotiator.

Крушение мировой социалистической системы и его апофеоз – распад Советского Союза – вызвало широкомасштабные геополитические, макроэкономические и этнокультурные сдвиги на огромном пространстве от Центральной Европы до Центральной Азии.

Так, кровопролитный распад Югославии вызвал сразу четыре вооруженных конфликта различной степени интенсивности: от незначительного и кратковременного словено-югославского конфликта до ожесточенной войны в Боснии и Герцеговине, от двустороннего сербо-хорватского столкновения до интернационализированного косовского конфликта. Однако для балканского региона справедливо утверждение о переходе из открытой «горячей» фазы в институциональную форму. Если в случае со Словенией и Хорватией конфликты можно считать полностью исчерпанными в силу присоединения Любляны и Загреба к ЕС, то боснийский вопрос пока трудно считать закрытым ввиду «пробуксовки» сложного механизма взаимодействия мусульмано-хорватской федерации и состоящей с ними в конфедеративных отношениях Республикой Сербской. А косовский кейс практически вышел на финишную прямую институционального урегулирования,

поскольку официальное руководство Сербии сочетает риторику непризнания бывшего автономного края с тактикой малых шагов по сближению с Приштиной на фоне давления ЕС.

Если Белград в итоге признает независимость Косово и будет принят в Европейский Союз, куда стремятся и сами косовары, балканский регион окажется целиком в ЕС. Это, в свою очередь, может означать закрытие – если не навечно, то на долгий срок – балканской проблемы, которая периодически лихорадила европейский континент с конца 19-го века.

Что же касается постсоветского пространства, ситуация с конфликтными и конфликтогенными регионами здесь значительно осложнена по ряду причин.

Во-первых, бывшие советские республики, если не брать во внимание страны Балтии, с момента обретения независимости не обозначали в качестве приоритета интеграцию в Европейский Союз, балансируя между «условным» Западом (без четкой постановки внешнеполитических задач) и Российской Федерацией. Соответственно, и «условный» Запад не имел четкой повестки дня в вопросе интеграции новых независимых государств, предпочитая ограничиваться, как правило, поддержкой энергетических и коммуникационных проектов и не вникать во внутренние, в том числе территориальные, проблемы отдельных республик.

Во-вторых, в 90-х годах западное сообщество в лице США, ЕС и НАТО было сосредоточено на абсорбции бывших стран социалистического лагеря, задвинув постсоветское пространство (кроме Балтии) во второй эшелон. Этим воспользовалась Российская Федерация, которая, несмотря на геополитические, экономические и имиджевые потери вследствие распада СССР, сумела мобилизовать политические, энергетические и военные ресурсы и направить их на операции по прекращению боевых действий в зоне приднестровского, грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликта, а также на посредничество, совместно с Францией и США, в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Как следствие, постсоветские «проблемные» территории оказались в подвешенном состоянии ввиду нежелания или неспособности России как главного посредника урегулировать проблемы. Россия либо фактически поддерживала сепаратистские регионы (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия) вопреки официально декларируемой позиции о признании территориальной целостности «метрополий» (в случае с Грузией – до августа 2008 года), либо балансировала между двумя противоборствующими сторонами без четко выраженного позиционирования (Нагорный Карабах).

В-третьих, существенным различием между подходами России и «условного» Запада к урегулированию конфликтов было двойственное отношение Москвы на фоне однозначной позиции США, ЕС и НАТО. Так, в

Югославии западное сообщество было неизменно на стороне антисербских сил, особо не скрывало этого и четко следовало своей линии по дроблению единого южнославянского государства. Открытое вмешательство США и НАТО в Боснии и Косово было негативно воспринято в России, однако показало, что военная интервенция в долгосрочной перспективе способна вывести конфликт в институциональную фазу и приблизить ее окончательное урегулирование. В то же время отсутствие однозначного подхода России к проблемам (за исключением признания Абхазии и Южной Осетии в августе 2008 года) приводит, с одной стороны, к замораживанию ситуации (но не разрешению конфликта), с другой стороны, к потере Россией авторитета на постсоветском пространстве и сужению пространства для маневра.

В-четвертых, низкий уровень политической культуры новых независимых государств вкупе с высокой коррумпированностью и недостаточным развитием демократических институтов, а также значительный рост националистических (в том числе антироссийских) настроений в среде элиты и населения препятствует рациональному осмыслению истоков конфликтов. Как следствие, это ведет к неверной постановке целей и задач, к поиску внутренних и внешних врагов, на которых можно было бы списать все неудачи и просчеты.

В-пятых, отсутствие надежных механизмов разрешения конфликтных ситуаций и/или отсутствие политической воли объясняется и наличием значительных выгод от существования «проблемных» зон. Если в случае приднестровского конфликта руководство Республики Молдова как минимум подозревается в соучастии в осуществлении различных «серых» контрабандных схем через непризнанное Левобережье, то в карабахском вопросе руководство Азербайджана нашло неисчерпаемый источник внутренних манипуляций для сплочения населения, а на деле – для упрочения режима личной власти. В то же время руководство Армении и самого Нагорного Карабаха воспринимает неурегулированный конфликт как фактор мобилизации армянской нации и повышения самосознания народа, понесшего людские и территориальные потери в XX веке.

Миротворчество и посредничество Российской Федерации в урегулировании «замороженных конфликтов»: цели, методы, оценки

Согласно определению, которое дает российский ученый А.Г.Большаков, ««замороженные конфликты» — это конфликты, которые не получили политического урегулирования, но уже вышли из стадии прямого вооруженного противостояния» [1, с.28].

Отсутствие именно политического урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве имеет ряд негативных воздействий. Это угроза

перерастания в военные действия, которая не снята с повестки дня, особенно в Нагорном Карабахе, это препятствование развитию двусторонних отношений (между Арменией и Азербайджаном они практически отсутствуют, а молдо-российские связи отягощены приднестровским фактором). Это и благоприятная почва для вмешательства третьих сил, в том числе внерегиональных, каждая из которых преследует свои цели, зачастую противоречащие целям и задачам сторон конфликта. Как следствие, конфликтные регионы не могут добиться стабильного демократического и экономического развития.

Чаще всего включение целей третьих сил в политический процесс проходит в форме организации миротворческих операций для разъединения враждующих сторон и прекращения боевых действий. Однако в случае, например, Приднестровья Российская Федерация не только играет ведущую роль в операции по поддержанию мира, но и, по признанию всех участников Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках процесса по приднестровскому урегулированию, обладает наиболее действенными рычагами воздействия на Молдову и Приднестровье.

В случае же Нагорного Карабаха вмешательство посредников имело место только на стадии подготовки и подписания Бишкекского протокола – Договора о перемирии от 5 мая 1994 года, однако в дальнейшем Азербайджан, с одной стороны, и Армения с Нагорным Карабахом, с другой стороны, сами обеспечивают, с переменным успехом, поддержание мира.

«Методологическая посылка, стоящая за миротворческими операциями, состоит в установке, что согласовать конфликт интересов стороны должны сами, а международное сообщество может в этом лишь посодействовать, оказать посреднические услуги», - утверждает российский исследователь А.И.Никитин [2, с. 121].

Практика подтверждает эту мысль. Во-первых, к началу миротворческой операции военный потенциал не всегда исчерпывается (в случае Карабаха военные бюджеты обеих сторон, особенно Азербайджана, многократно растут, а военная риторика ужесточается). Во-вторых, международное сообщество не ограничивается простым содействием, иногда занимая сторону одного из участников конфликта (Приднестровье) или в конечном итоге официально поддерживает кого-то из них (Абхазия, Южная Осетия).

Как отмечено выше, двойственность российской политики в конфликтных регионах не только не способствует достижению политического урегулирования, но и принуждает участников процесса искать альтернативные центры силы для реализации национальных интересов. Так, в приднестровском кейсе Республика Молдова сумела добиться включения США и Европейского Союза в качестве наблюдателей в сентябре 2005 года, после чего пятисторонний формат (Молдова и Приднестровье – стороны, Россия

и Украина – гаранты, ОБСЕ – посредник) стал именоваться форматом «5+2». Это не стало ощутимым достижением для молдавской стороны с точки зрения реализации программы воссоединения страны в международно-признанных границах (на 1 января 1990 года), но стало сигналом России о том, что не всегда афишируемая, но широко известная поддержка Москвой непризнанного руководства Приднестровья вызывает отторжение в Республике Молдова, требуя от Кишинева поиска уравновешивающей силы в лице США и ЕС.

В свою очередь, сама Россия, видя снижение уровня своего авторитета в бывших советских республиках, вынуждена реагировать на новые геополитические вызовы. Но используемые Россией рычаги не всегда вызывают понимание у «условного» Запада, который как раз и является адресатом этого политического посыла Российской Федерации.

Так, в случае Абхазии и Южной Осетии Российская Федерация, защищая жизни своих граждан в августе 2008 года, нанесла удары по грузинским войскам и боевой технике и остановила пятидневные военные действия. Но при этом она столкнулась с непониманием со стороны западного мира, в первую очередь, республиканской администрации США, которая обвинила РФ в агрессии против Грузии и оккупации части ее территории.

Хотя западные правительства выразили поддержку грузинскому руководству, дипломаты этих стран в частных беседах называли именно Грузию зачинщицей войны. Об этом, в частности, пишет российский дипломат Е.М.Примаков в своей книге «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость»: «Уже 14 августа газета «Вашингтон пост», например, писала: «Несмотря на публичные заявления правительств Запада в поддержку Саакашвили, ряд западных дипломатов сейчас в частном порядке говорят, что грузинское руководство или военные совершили серьезную и, возможно, преступную ошибку, начав (…) массированный обстрел столицы Южной Осетии Цхинвали, что неизбежно привело к большому числу погибших и раненых среди гражданского населения» [3, с.204].

В конечном итоге кампания по признанию Абхазии и Южной Осетии не получила широкого международного измерения, в отличие от признания Косово ведущими странами Запада и десятками государств Азии и Африки. Это в значительной мере привело к снижению уровня доверия к России в процессе урегулирования приднестровского и карабахского конфликта. В первом случае Россия не могла добиться возобновления полноценных переговоров вплоть до начала 2012 года, а во втором случае миротворческие инициативы не увенчались успехом, несмотря на регулярные встречи президентов Армении и Азербайджана.

Так, Майндорфская декларация от 2 ноября 2008 года, подтвердившая приверженность сторон исключительно мирному пути решения конфлик-

та, через несколько дней была фактически дезавуирована И.Г.Алиевым, который заявил (как неоднократно и до, и после Майндорфа), что Баку оставляет за собой право на применение военной силы.

В целом после войны в Южной Осетии достижения Российской Федерации в процессе урегулирования постсоветских конфликтов остаются достаточно скромными. В приднестровском вопросе успехи последних месяцев объясняются во многом сменой власти в Тирасполе, где после 20-летнего правления И.Н.Смирнова президентом непризнанной республики стал Е.В.Шевчук. Что касается карабахского конфликта, то последняя встреча между С.А.Саргсяном и И.Г.Алиевым 19 ноября 2013 года в Вене закончилась лишь договоренностью о необходимости организации новой встречи. Во время предыдущей беседы 23 января 2012 года в Сочи президенты лишь приняли совместное заявление о «согласовании основных принципов нагорно-карабахского урегулирования» и о «готовности ускорить достижение договоренности по основным принципам с учетом проделанной до сих пор работы». С.А.Саргсян и И.Г.Алиев тогда выразили готовность развивать гуманитарные контакты. Эта встреча компенсировала провал 24 июня 2011 года в Казани, где, вопреки ожиданиям, не было подписано никакого основополагающего документа подобного Майндорфской декларации.

После казанских переговоров с жесткими заявлениями выступили американские дипломаты, что можно было расценить как критику посреднических усилий России. Помощник заместителя госсекретаря США по делам Европы и Евразии Ф.Гордон отметил, что «ОБСЕ должна продолжать играть непосредственную роль в урегулировании затяжных конфликтов в Грузии, Молдавии и Нагорном Карабахе. Эти конфликты имеют разрушительный потенциал, способный дестабилизировать безопасность в регионе ОБСЕ» [4].

В свою очередь, заместитель главы Пентагона по вопросам международной безопасности, бывший посол США в Российской Федерации А.Вершбоу выразил мнение о том, что в миротворческих усилиях (в карабахском урегулировании) сделан «шаг назад». «Попытка обеспечить «прорыв» на переговорах в Казани, состоявшихся 24 июня, не увенчалась успехом, а напряженность вдоль линии соприкосновения сторон возрастает», - заявил дипломат. По его словам, Армения и Азербайджан «по-прежнему не способны завершить согласование базовых принципов урегулирования конфликта, и мы остаемся в неконструктивной и опасной патовой ситуации» [4].

Формально заявления американских дипломатов не выходили за рамки правового процесса карабахского урегулирования, поскольку и США, и Россия вместе с Францией являются сопредседателями созданной в 1992

году Минской группы ОБСЕ по Нагорному Карабаху. Однако куда весомее политическая сторона вопроса, ибо предложение об усилении роли ОБСЕ можно воспринимать как стремление США уменьшить влияние России как традиционно более влиятельного игрока на Южном Кавказе.

Говоря о целях российского посредничества в конфликтных зонах, необходимо выделить, в первую очередь, стремление Российской Федерации упредить диверсификацию постсоветского пространства. «Российская Федерация стремится увеличить свое влияние в регионе, предотвратить различного рода «цветные революции», выиграть конкуренцию со странами Запада», - считает в связи с этим А.Г.Большаков [1, с.31].

«В последние годы в мире возникла тенденция к повышению значимости геополитической составляющей миротворческих операций и оттеснению на задний план их международно-правовых и гуманитарных компонентов. Данная тенденция набирает силу и на постсоветском пространстве», - полагает он [1, с.32].

Усиление влияния США и Европейского Союза в геополитических процессах на постсоветском пространстве

«Страны ЕС и США еще в 90е годы начали принимать активное участие в урегулировании вооруженных этнических конфликтов, причем их роль в этом процессе постоянно увеличивалась. Миротворческие действия стали частью экспансии этих государств на постсоветском пространстве. Новые независимые государства искали себе ориентиры для развития, а также спонсоров, которые могли бы взять на себя финансирование их малоэффективных политических систем и экономик. Исключительная ориентация на Россию потеряла свою актуальность», - пишет А.Г.Большаков [1, с. 32].

Первым ощутимым признаком усиления США в постсоветском пространстве стало появление американских войск в Центральной Азии в 2001 году, когда Вашингтон решил начать военную операцию в Афганистане после терактов 11 сентября и дислоцировать войска в странах региона. Получение согласия на это стороны России объяснялось не только определенной долей сочувствия к Вашингтону после атак на Нью-Йорк и Вашингтон, а также стремлением В.В.Путина улучшить отношения с США, но и тем, что влияние России на такие ключевые страны Центральной Азии, как Узбекистан, было весьма ограничено.

Об этом российские ученые И.А.Зевелёв и М.А.Троицкий пишут: «решение России согласиться с американским военным присутствием в Центральной Азии стало непростым шагом. Российским условием был временный характер этого присутствия, которое должно было использоваться только для стабилизации ситуации в Афганистане. Тем не менее, к 2004

году стало ясно, что «временное» может также означать «долгосрочное» [5, с.49].

Иными словами, Россия была вынуждена признать, что ее поставили перед фактом американского присутствия, противостоять которому у нее не было ресурсов. Следующим осязаемым вызовом Российской Федерации в ее многовековой зоне влияния стало появление американских военных инструкторов в Грузии весной 2002 года в рамках программы «Обучи и оснасти» (Georgia Train and Equip Program). И хотя ни в Центральной Азии, ни в Грузии целью США не являлось прямое или косвенное вовлечение в какие-либо миротворческие или посреднические операции, в дальнейшем наличие американского фактора повлияло на геополитический выбор стран назначения. Так, Узбекистан, и ранее проводивший достаточно не зависимую от России политику, начал все более откровенно проводить самостоятельный курс, лавируя между пророссийской ОДКБ и антироссийским ГУАМ, между энергетическими интересами России и Китая.

Даже традиционно более лояльные России Таджикистан и Киргизия, согласившись на размещение американских контингентов, ясно показали Российской Федерации, что не намерены игнорировать внезапно усилившегося в регионе игрока.

В Грузии, где вскоре в результате «революции роз» на смену Э.А.Шеварднадзе пришел М.Н.Саакашвили, был открыто провозглашен курс на вступление в НАТО, а американские инструкторы продолжили обучение грузинской армии. Как один из фактических «итогов» реализации программы, в августе 2004 года в Южной Осетии произошел серьезный инцидент, наглядно продемонстрировавший серьезность намерений грузинского руководства, которое пользовалось благосклонностью США.

Тем не менее, в первый срок президентства В.В.Путина Россия не делала открытых заявлений о недовольстве американской экспансией на постсоветском пространстве, поскольку считала, что действия Дж.Буша-младшего направлены на борьбу с международным терроризмом и наркотрафиком. «Как Москва, так и Вашингтон смотрели на Центральную Азию и Кавказ сквозь призму концепций безопасности. В первые годы президентства В.В.Путина российский подход стал менее эмоциональным и более прагматичным. Хотя Россия не была довольна растущим вовлечением США в дела этих регионов, в Москве хорошо понимали язык силы, влияния и конкуренции», - пишут И.А.Зевелёв и М.А.Троицкий [5, с.53].

Е.М.Примаков в связи с этим отмечал: «Все более четко прослеживается стремление США усилить свои позиции в бывших среднеазиатских республиках СССР. И все очевиднее становятся два главных мотива такого стремления: участие США в энергетических проектах и расширение военного присутствия в регионе» [3, с.200].

Но в 2005-2006 годах ситуация изменилась в сторону большей конфронтации. Во-первых, «оранжевая революция» на Украине в 2004 году и «революция тюльпанов» в Киргизии в 2005 году показали, что интересы США выходят за пределы борьбы с терроризмом и попадают в прямой клинч с интересами Российской Федерации. Приход к власти проамериканского В.А.Ющенко сделал Украину основным центром притяжения антироссийских сил на постсоветском пространстве. Именно о роли Киева писал З.Бжезинский в «Великой шахматной доске: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей» [6, с.62].

Регулярные газовые конфликты с Украиной, вызванные обвинениями со стороны России в несанкционированном отборе топлива и растущей задолженностью Киева за поставленный газ, продемонстрировали не только жесткий тон Российской Федерации по отношению к новому украинскому лидеру, но и все большее усиление зависимости европейских потребителей от российского газа. А поскольку энергетическая безопасность является одним из краеугольных камней глобальной американской политики, США и Россия оказались соперниками в вопросе методов обеспечения этой безопасности. Если Россия использовала газовую трубу как рычаг воздействия на нелояльные режимы, то США вместе с ЕС стремились минимизировать энергетический прессинг Москвы.

Еще одним раздражителем для России и относительно крупным достижением США и ЕС на постсоветском пространстве стало начало работы Миссии Евросоюза по оказанию приграничной помощи Молдове и Украине – European Union Boundary Assistance Mission (EUBAM) в ноябре 2005 года, а также введение Кишиневом и Киевом нового режима таможенного оформления для приднестровских экономических агентов в марте 2006 года. И приграничная Миссия, и новый таможенный режим, названный в Тирасполе и Москве «экономической блокадой», преследовал цель упорядочить экспортно-импортные операции и обеспечить контроль на приднестровском участке молдавско-украинской границы ввиду многочисленных утверждений молдавской и западной прессы о широкомасштабной контрабанде через этот сегмент границы. Несмотря на давление и санкции со стороны России (запрет на импорт в Российскую Федерацию молдавских вин), таможенный режим не был отменен, а Миссия ЕС до сих пор продолжает мониторинг. И хотя эти совместные шаги Украины, Молдовы и ЕС не смогли обеспечить собственно политическое урегулирование приднестровского конфликта, они как минимум обозначили присутствие Европейского Союза как центра силы, с которым Россия вынуждена считаться.

Самым значимым проектом Европейского Союза на постсоветском пространстве стало «Восточное партнерство». Инициатива Польши, выдвинутая в 2008 году и поддержанная Швецией, предполагает включение Белоруссии, Украины, Молдовы, Грузии, Армении и Азербайджана в программу сближения с ЕС по ряду направлений, но без ясных перспектив членства.

На деле, как пишет эксперт организации «Стоп НАТО» Р.Розофф в статье для канадского издания «Global Research», цели ЕС в «Восточном партнерстве» гораздо серьезнее. «Реальная цель формирования «Восточного партнерства» состоит в завершении слома СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ, а также в недопущении формализации союзных отношений между Россией и Белоруссией. Иными словами, задача «Восточного партнерства» – изолировать Россию от 6 из 12 государств-членов СНГ притом, что другие 5 из них находятся в поле действия еще одной интеграционной инициативы Евросоюза. В конечном итоге Евросоюз намерен с помощью «Восточного партнерства» вывести постсоветские республики из сферы взаимодействия с Россией в вопросах торговых отношений, политики и безопасности и осуществить их интеграцию в евроатлантические структуры в диапазоне от ЕС до НАТО», - полагает Р.Розофф [7].

Немаловажно и то, кто именно выдвинул данную инициативу. Польша считается одним из наиболее лояльных Соединенным Штатам государств Европы. В то же время Швеция, будучи формально нейтральной страной и не являясь членом НАТО, тем не менее, проводит довольно активную политику в Балтийском регионе, где она всегда считалась региональной державой. В связи с этим будет уместно процитировать слова экспертов американского центра СТРАТФОР. В частности, в январе 2011 года Польша и Швеция независимо друг от друга, но практически одновременно выдвинули России серьезные претензии.

Британская газета «The Telegraph» писала: «Сегодня Польша бросает вызов своему могучему восточному соседу – России, предлагая Евросоюзу распространить свое влияние вглубь территории бывшего Советского Союза путем учреждения «Восточного партнерства». Это мероприятие станет особенно сильным раздражителем для Кремля в том случае, если осуществится план привлечь к участию в данном Партнерстве Белоруссию» («The Telegraph», 26 мая 2008 г.) [7].

В то же время грузинская газета «Georgian Daily» писала следующее: «В 90-х годах США играли основную роль в проталкивании идеи предоставить членство в Евросоюзе восточно-европейским странам с тем, чтобы членство в ЕС стало промежуточным этапом на пути вступления в НАТО. Если этой концепции суждено возникнуть вновь (…), то изменения ожидают и Евросоюз, и НАТО, и отношения Москвы и Брюсселя, что приведет к

новым осложнениям между Востоком и Западом» («Georgian Daily», 8 декабря 2008 г.) [7].

Примечательно, что Р.Розофф указывает на своеобразное разделение труда между ЕС и НАТО (фактически США) в деле закрепления в постсоветском пространстве. Так, ЕС выступает в роли проводника «мягкой силы» - дипломатического убеждения в важности сотрудничества с западными структурами, а Североатлантический альянс, например, снабжает Грузию новейшим наступательным оружием [7].

Он же далее отмечает: «…замороженные конфликты на постсоветском пространстве дают Западу возможность препятствовать развитию интеграционных процессов в СНГ, устанавливать тесные связи в военной сфере с вовлеченными в эти конфликты странами и еще глубже вмешиваться в дела на территории бывшего Советского Союза под предлогом миротворчества, действуя через ОБСЕ, Евросоюз, а в перспективе – НАТО» [7].

В свою очередь, Н.М.Межевич пишет, что «российские аналитики отрицательно относятся к попыткам вытеснения Российской Федерации из региона Балтийского и Черного моря. По их мнению, в конечном итоге это может привести к конфронтации. Границы в регионе исторически нестабильны, поэтому попытки России упрочить свои позиции в регионе и проявлять активность в урегулировании «замороженных конфликтах» на постсоветском пространстве могут стать своего рода катализатором пересмотра границ после распада СССР» [8, с.4].

Наконец, ученые Н.К.Арбатова и С.В.Уткин считают, что одной из причин недоверия России к ЕС является «провозглашенный принцип взаимодополняемости расширения ЕС и НАТО, который вступает в явное и опасное противоречие с интересами России на постсоветском пространстве» [9, с.18].

Будущее «замороженных конфликтов»: прогнозы и перспективы

А.Г.Большаков отмечает: «Надежды на геополитическое решение проблемы сослужили плохую службу миротворческому процессу на постсоветском пространстве. В умах представителей конфликтующих сторон укрепились иллюзии о возможности достижения «полной независимости» с помощью «возрождающейся России» или «восстановления территориальной целостности» через вхождение в НАТО» [1, с.32].

Россия теряет авторитет и влияние на пространстве бывшего Советского Союза не только в силу двойственной политики в «замороженных» конфликтах, но и по причине пока необратимого укрепления США и ЕС. Непростые отношения Российской Федерации с Белоруссией; сверхпрагматичная политика В.Ф.Януковича, выражающаяся в непрекращающемся балансировании Украины между ЕС и Россией, даже после приостановле-

ния процесса подписания Соглашения об Ассоциации с ЕС; приход к власти в Молдове Альянса «За европейскую интеграцию»; выход Грузии из СНГ и продолжение ею курса на интеграцию в НАТО; усиливающееся разочарование руководства Азербайджана в посредничестве России в Нагорном Карабахе (Баку рассчитывал на давление России на Ереван с целью уступок в обмен на увеличение поставок каспийских энергоносителей в Россию и закупки крупных партий российского вооружения) – всё это говорит о стремлении государств европейской части СНГ выйти из-под влияния России.

Отчасти вина за это лежит на самой России. Украина и Белоруссия сохранили в памяти зимние газовые кризисы, которые били не только по их потребителям, но и по жителям европейских государств. Использование газовой трубы негативно воспринимается не только элитами, но и населением этих стран. В Молдове по-прежнему недовольны плохо скрываемой поддержкой властей Приднестровья Москвой. К тому же в избирательный возраст вступили жители Молдове, получившие образование в Румынии или западных учебных заведениях, изучавшие историю по румынским учебникам и не питающие особых симпатий к России. «Постсоветское пространство перестало быть единым, прежде всего в политическом и экономическом смысле. Ситуация 90-х годов XX века, когда Российская Федерация, несмотря на довольно слабую и неэффективную экономику, явно доминировала в регионе, давно в прошлом. Остается лишь социокультурная близость между народами, которая воспроизводится преимущественно людьми, родившимися и социализировавшимися еще в Советском Союзе», - пишет А.Г.Большаков [1, с.33].

Он полагает, что непоследовательность внешней политики Российской Федерации объясняется наличием двух течений в политической элите страны. «С одной стороны, Россия пытается проводить прагматичную политику, выстраивая систему собственных приоритетов и интересов. С другой, ее действия часто определяются стремлением к восстановлению былого имперского могущества, в частности путем противодействия любому западному влиянию», - уверен автор [1, с.34].

Он предсказывает, что надежды на подлинную интеграцию государств бывшего СССР «утопичны». В частности, А.Г.Большаков не видит перспектив у ШОС. «Подобная структура, включающая мощную военную составляющую, не нужна Китаю, который стремится избежать открытой конфронтации с Западом. Кроме того, в такого рода блоке будет главенствовать не Россия, а опять же Китай, чья экономика в настоящее время является второй в мире. Поэтому с точки зрения российских национальных интересов гораздо выгоднее развивать и усиливать структуру собственно ОДКБ», - считает исследователь [1, с.35].

Несколько иной точки зрения придерживается главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения» А.В.Рябов. «Превосходство России над соседями по постсоветскому пространству в ресурсном отношении позволит ей во многом в силу временной слабости других глобальных игроков в ближайшие годы оказывать решающее воздействие на протекающие в государствах Ближнего Зарубежья процессы, оставаясь наиболее влиятельной силой в регионе. Однако влияние это по своей природе будет сдерживающим, консервирующим «постсоветскость» как ключевую особенность современного состояния соседних с Россией стран, образовавшихся на территории бывшего СССР», - полагает А.В.Рябов [10].

В новейшей истории был и случай, когда сам Запад предложил революционный вариант переформатирования геополитической конфигурации в Северном полушарии. Так, помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии Ф.Гордон на слушаниях в Конгрессе летом 2009 года заявил, что Вашингтон готов рассмотреть вопрос о присоединении России к НАТО при условии, если Российская Федерация будет отвечать необходимым критериям [11]. Дальше этих слов, однако, процесс не продвинулся. Когда на саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 года президент Российской Федерации Д.А.Медведев предложил объединить системы ПРО России и НАТО, он получил «категорический отказ», сообщала тогда газета «The Wall Street Journal» со ссылкой на неназванных дипломатов [12].

На данном этапе трансформация Российской Федерации и других бывших советских республик (за исключением разве что стран Балтии) продолжается. Н.К.Арбатова и С.В.Уткин по этому поводу отмечают: «Посткоммунистическая трансформация России и ее отношения с Европейским Союзом и США/НАТО, образно говоря, две стороны одной медали. Отношение России и к европеизму, и к атлантизму будет определяться направленностью этих процессов. Вместе с тем, направленность и европейской интеграции в области безопасности и обороны, и развитие атлантизма будет зависеть от вектора внутри- и внешнеполитического развития России. (…) Создание твердой правовой базы, адекватной требованиям сегодняшнего времени в отношениях России с ЕС и НАТО, является необходимой предпосылкой для позитивного, поступательного развития отношений между важнейшими партнерами евроатлантического региона» [9, с.19].

«На современном этапе роль этнических вооруженных конфликтов в посткоммунистических государствах европейской периферии изменилась. Снизились их количество, интенсивность. (…) В 90-е гг. XX века данные конфликты были фактором нестабильности и угрозой для национальной и региональной безопасности, способом распада ряда стран, прежде всего федераций. Сегодня этнические вооруженные конфликты – это, прежде

всего, фактор геополитического противостояния ведущих государств мира и региона», - пишет А.Г.Большаков [13, с.4].

«Замороженные конфликты» – серьезный геополитический вызов для государств постсоветского пространства, как для самих вовлеченных сторон, так и для Российской Федерации.

Их неурегулированность объясняется рядом причин:

- низкий уровень политической культуры элит,
- отсутствие четкой институционально выраженной внешнеполитической повестки дня,
- балансирование между Россией как источником энергоносителей и Европой как экономической и социокультурной доминантой,
- двойственность и непоследовательность политики России,
- вмешательство внерегиональных сил и разрыв между их целями и непосредственными целями урегулирования,
- двойственный спекулятивный характер политики самих сторон конфликта ввиду определенных экономических и имиджевых выгод от наличия проблемной зоны,
- неполная исчерпанность военных рычагов (особенно в случае Нагорного Карабаха), что содержит риск возвращения конфликта в разряд «горячей точки».

На фоне неурегулированности конфликтов объективной тенденцией представляется ослабление влияния России на постсоветском пространстве. Ввиду специфики каждого из конфликтов и в силу взаимодействия различных факторов этот процесс можно считать и причиной, и следствием усиления американского и европейского игроков. Причина – потому что дальнейшая дивергенция бывших советских республик определяет выбор каждой из них своего ориентира, не всегда связанного с Россией. Следствие – потому что проникновение США и ЕС на постсоветское пространство происходит без учета мнения России, которая пока не может достигнуть «весовой категории» распавшегося СССР. Закрепление позиций США / НАТО и ЕС осуществляется со схожими целями, но разными методами – через «мягкую силу» в случае ЕС и «жесткую форму» в случае Альянса. Россия осознает опасность расширения ЕС как взаимодополняемого процесса с расширением НАТО, но может в ответ действовать только газовым вопросом, пытаясь удержать в своей орбите часть бывших советских республик.

Прогнозы дальнейшего развития геополитических процессов на пространстве бывшего СССР можно условно разделить на две группы: оптимистичный для России вариант предлагает некое сосредоточение сил вкупе с углублением посткоммунистической трансформации как необходимого условия, без выполнения которого Россия не сможет конкурировать с ди-

намичными соперниками с Запада. Пессимистичный вариант означает дальнейшее сокращение поля деятельности для России с перспективой распада не только проблемного Содружества Независимых Государств, но и более тесных интеграционных структур, например, ШОС или ЕврАзЭс.

Россия не сможет достичь успеха в урегулировании «замороженных конфликтов» в жесткой конкурентной борьбе с США и Европейским Союзом, если не выработает четкую долгосрочную повестку дня внешнеполитической деятельности и не обеспечит глубокую внутреннюю трансформацию с целью демократизации и развития конкурентной экономики.

Литература

1. Большаков А.Г. «Замороженные конфликты» постсоветского пространства: Тупики международного миротворчества. // «Полития», 2008, №1 (48), с.27-37.
2. Никитин А.И. Международные конфликты и их урегулирование. // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. Ежегодник. — Москва, 2005.
3. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. - Москва, 2009.
4. США: ОБСЕ должна играть непосредственную роль в урегулировании «замороженных» конфликтов. В решении карабахской проблемы «сделан шаг назад», говорят американские дипломаты, http://nr2.ru/policy/341601.html
5. Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ. Очерки текущей политики. // Научно-образовательный форум по международным отношениям. Вып. 2. – Москва, 2006, с.48-49.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. / Пер. с англ. О.Ю.Уральской. - Москва: Международные отношения, 1998.
7. Розофф Р. «Восточное партнерство»: последний штурм постсоветского пространства. // «Фонд стратегической культуры». 12/03/2009, http://www.fondsk.ru/news/2009/03/12/9333.html
8. Межевич Н.М. «Замороженные конфликты»: перспективы разрешения, динамика и последствия. // Сборник публикаций «Летней академии» в Дубингяй, Литва, 2007.
9. Европеизм и атлантизм в политике стран Европейского Союза. / Отв. ред. Н.К.Арбатова. – Москва, 2009.
10. Рябов А.В. Постсоветское пространство к 2020 году. // «Россия-2020», http://russia-2020.org/ru/2010/09/19/post-soviet-space-in-2020/
11. Андрусенко Л. НАТО приоткрыли для Москвы. // «Новая политика», 31.07.2009, http://www.novopol.ru/text72676.html

12. Обама и другие лидеры стран НАТО осадили Медведева в Лиссабоне – он перегнул палку. // NEWSru.com, 26/11/2010, http://www.newsru.com/world/26nov2010/pro.html
13. Большаков А.Г. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук «Этнические вооруженные конфликты в посткоммунистических государствах европейской периферии». – Казань, 2009.

Представлена в редакцию
12 декабря 2013 года

Рецензент – ***Николай ЦВЯТКОВ***, доктор политических наук

COMPARTIMENTUL
BIBLIOGLOBUS & INFO

INFORMAȚIA
privind susținerea tezelor de doctor / doctor habilitat în ştiințe politice în Consiliile ştiințifice specializate din Republica Moldova în anul 2013

nr.	***Autorul***	***Denumirea tezei***	***Conducător / consultant ştiințific***
	Teze de doctor		
1	***FRUNZA Veronica***	*Politica externă a Republicii Moldova în contextul dimensiunilor morale: realită□i □i deziderate*	***Victor SACA,*** *doctor habilitat în ştiințe politice, profesor (conducător ştiințific)*
2	GARSTEA Vladimir	*Politici si strategii privind managementul functiei publice si al functionarilor publici*	***Mihail PLATON,*** *doctor habilitat în □tiin□e filosofice, profesor (conducator □tiin□ific);* ***Victor POPA****, doctor habilitat în drept, profesor (consultant □tiin□ific)*
3	*TACU Mariana*	*Strategii □i tehnici mediatice în procesul de stabilire a agendei politice în Republica Moldova*	***Victor MORARU,*** *doctor habilitat în ştiințe politice, profesor (conducător ştiințific)*
4	CHINDBALIUC Oleana	*Resurse energetice ca factor al securită□ii na□ionale în contextul transformărilor geopolitice*	***Alexandru BURIAN,*** *doctor habilitat în drept, profesor (conducător ştiințific)*

Informația a fost prezentată
la redacție la 27 ianuarie 2012
de către profesor V.MOŞNEAGA

MOLDOSCOPIE
(PROBLEME DE ANALIZĂ POLITICĂ)

Nr.4 (LXIII), 2013

REVISTĂ ŞTIINȚIFICĂ TRIMESTRIALĂ

Bun de tipar 20.01.2014. Formatul 70x100 $^{1}/_{16}$.
Coli de tipar 16,5. Coli editoriale 13,6.
Tirajul 200 ex.